

Куряжский монастырь

Понятие «Куряж» в современном толковании включает в себя более широкий смысл, нежели, скажем, в XVII или XVIII столетиях. Так, например, изначально Куряжем называлась небольшая речка, впадающая в речку Уды (бассейн реки Дон). Здесь же, на Куряжском холме над речкою Куряж неким Алексеем, позже прозванным Куряжским, была поставлена пасека. Заложенный в 1673 году на месте пасеки Алексея Куряжского монастырь с его земельными угодьями унаследовал это же название.

Вскоре возле монастырского подворья образуются поселения. Ниже Куряжского холма, к юго-западу, на правом берегу реки Куряж стоял хутор Подмонастырские Подворки. Выше по правому песчаному берегу в 1678 году образуется село Куряж, протянувшееся вдоль одноименной реки к северу. В двух поселениях насчитывалось около 50 дворов с населением около 500 человек. В 1921 году оба эти поселения были объединены в одно село с названием Подворки.

У истоков речки Куряж и по сей день расположено село с названием Куряжанка. А одна из близлежащих к Подворкам железнодорожных станций названа Куряж. Таким образом, понятие «Куряж» в настоящее время несет в себе некий историко-культурный смысл, включая данную историческую местность с ее прошлым, настоящим и будущим.

Издавна этот край привлекал людей: умеренный климат, плодородные почвы, обилие рыбы в реках, зверья и дичи в лесах и полях. Многие столетия на территории нынешней Харьковской области сменяли друг друга племена многоголосые кочевые племена. Готы и гуны в IV в., авары и обры в VI в., хазары в IX в., печенеги, торки, половцы... О тех далеких временах напоминают расположенные Хазарское поле, близ райцентра Валок, поселок Печенеги, «могилы», «скифские бабы», лехи (подземелья), городища.

На одном из таких городищ в XVII в. появился город-крепость Харьков.

Границы земель Московского царства в то время проходили по территории нынешней Белгородской области, где еще в XIV в. была заведена сторожевая служба. В царствование Ивана Грозного (1571) пограничные города, расположенные на водоразделе рек Днепра и Дона, высылали разъезды для сторожевой службы к Дикому полю - необжитым местам Левобережной Украины. Тогда же, в XVI веке, они стали заселяться украинскими крестьянами и казаками. Украинское воинство было выгодно и Польше, и Москве, так как препятствовало проникновению татар-крымчаков на север, во владения России, и на северо-запад – в Польшу.

В 1596 году, после принятия Польшей Брестской унии возникла реальная угроза окатоличивания ее украинского населения. Неудивительно, что все чаще украинцы стали смотреть на Москву, как на братьев по вере, и подумывать о переселении в ее владения. Со второй четверти XVII в. Дикое поле начали заселять выходцы из-за Днепра (правобережья). Селились вольными ватагами, объединяясь в общины, создавали слободы – поселения. Так возникает Слобожанщина.

Так что, отвечая на вопрос: «Кто мы и откуда произошли?», можно сказать, что наши предки, заселившие Дикое поле в начале XVII века, были украинцами – в основном, казаками и крестьянами с правого берега Днепра. Они основывали новые поселения под защитой Московского государства и в свою очередь помогали ему обороняться от нападений татар-крымчаков, которое естественным путем расширяло свои границы.

Оборонять Слобожанский край от татарских набегов помогали не только вооруженные казаки, но и люди в... рясах. Монастыри, возникшие в XVII в. по всей Слобожанщине, были своего рода духовным оплотом местному населению, укрепляя его веру и дух.

Так, например, видный русский историк Д.И.Багалея пишет: «Слободско-украинские монастыри играли видную роль в деле заселения и даже обороны края. Наиболее важное значение имеют в этом отношении монастыри: Святогорский, Дивногорский, Татрищѣгорский, Троицкий, Ахтырский, Куряжский, Змиевской,

Николаевский,
Острогжский,
Пятницкий,
Краснокутский
и Сенянский».

В книге «Рос-
сия. Полное
географическое

Вид на Куряжский монастырь во второй половине XVIII в.

описание», под редакцией Семенова В.П. встречаем следующие слова: «Кроме правительственной и вольной колонизации большое значение в заселении края имели монастыри. Большинство их было основано выходцами из Польши, бежавшими от религиозных преследований после унии. Особой известностью пользовались монастыри: Святогорский, (Изюмского уезда), Троицкий, Змиевской, Николаевский, Ахтырский и Куряжский (недалеко от Харькова)».

Многие монастыри были основаны непосредственно монахами-малороссиянами, вышедшими из Польши, но еще больше было таких, которые обязаны своим происхождением благотворительности казацкой старшины и отчасти простых казаков. Как известно, официальной датой основания Харькова является 1654 год. Первым полковником Харьковского казачьего полка был Федор Репка. После его гибели (1668 г.) на козацкой раде в Харькове полковником Харьковского полка был выбран Григорий Ерофеевич Захаржевский. Сотник этого же полка, происходивший из шляхетского рода, был «в воинстве, в побожности муж зело избранный». Г.Е. Захаржевский прославился своими подвигами в битве против татар и турок, за что получил прозвище Донца, так как именно на этой реке чаще всего одерживал свои победы.

Григорий Ерофеевич был известен не только как опытный и храбрый воин, но также как деятельный администратор, в том числе по постройке оборонительных укреплений у г. Изюма, чем несколько обезопасил от татарских нападений Харьковский полк.

Деятельность Григория Ерофеевича этим не ограничивалась. Он заботился также об укреплении веры и церкви. С этой целью с помощью казацкой старшины Харьковского полка в 1673 г. в 8-ми

Графическая реконструкция автора

верстах от Харькова был заложен Куряжский Преображенский монастырь. Для устройства монастыря были

вызваны из Святогорской обители архимандрит Иоль с братией. Он был первым настоятелем вновь созданного монастыря.

Куряжский монастырь был поставлен на месте пасеки Алексея Куряжского, который уступил ее некоему Белашу Тенетевскому за 150 грошей. Этот последний продал его полковнику Донцу-Захаржевскому под монастырь за 200 злотых, за что в придачу получил еще мельницу на реке Харьков. Первое время монастырь существовал на пожертвования, которые делали Григорий Ерофеевич и его преемники. Монастырю были отведены земли и угодья. Место для постройки было выбрано очень удачно по своему живписному положению. Монастыри, играя в то время видную роль, владея землями и угодьями, не имели возможности обрабатывать все руками одной братии, поэтому зазывали крестьян, селили их на своей земле и собирали за это оброк.

Хозяйство велось в больших размерах, служило образцом для населения, тем более что монастырь не ограничивался только хлебопашеством, скотоводством и пчеловодством. Монахи производили себе все, в чем нуждались в домашней жизни. Татарские нападения, от которых монастыри так же не были избавлены, заставляли укреплять их, иметь ратных людей.

Григорий Ерофеевич Донец-Захаржевский за все дела свои и преданность Москве пользовался большим уважением и доверием царей. В царствование Иоанна и Петра Алексеевича пожалован он был званием стольника, почему в универсалах и других бумагах именовался: «стольник и полковник».

У Филарета Гумилевского, в его историко-статистическом описании Харьковской епархии, об этом читаем следующее: «Куряжский Преображенский монастырь, в 8-ми верстах от Харько-

ва, по дороге в Полтаву и Киев... Но, что было тут в половине 17-го столетия? По монастырским записям об угодьях монастыря видим, что от Харькова до Куряжа был тогда глухой лес, от Куряжа до Кута - глухой лес, на юг до Березовой и на стороне северной - тоже лес.

Разнообразием служили сенные покосы по берегам речек. Пасека над Куряжью, там, где теперь стоит монастырь, была единственной жилою местностью по всему течению речки Куряж, если только пасека может называться жилым местом...»

Куряжский монастырь - прекрасный памятник набожности бывшего Харьковского Слободского полка.

Здесь же, в этом труде, помещен текст письма полковника Г. Е. Донец-Захаржевского о начале монастыря, где он пишет: «Бог послал мне добрых людей помощниками в моем намерении и заведении и основании монастыря на урочище Куряж над рекою. На Совете были боголюбивые особы... (перечисляет). Ктиторм вместе со мною, Григорием Ерофеевичем, полковником Харьковским, взялся быть Логгин Федорович, чтобы строить монастырь над Куряжем подле дороги (имеется ввиду дорога Харьков-Киев - авт). Здесь Алексей Куряжский в прошлое время первый завел пасеку. У него это место купил за 150 грошей Белаш Тенетевский и держал для выгод грунт с мельницею. Когда Божьим изволением и по совету добрых людей решено заводить на этом месте монастырь, я, Григорий Ерофеевич, полковник, прежде всего за тот грунт, где теперь стоит монастырь над Куряжем, уплатил Иеримею Белашу Тенетевскому 200 золотых, а в прибавку к этим деньгам дал ему мельницу с землей под самой Даниловкой на реке Харьков. Наградив таким образом Иеримею Белаша, немедленно начал строить монастырь над речкою Куряжем...»

Григорий Ерофеевич далее пишет: «Куряжский монастырь построен нами, полковником». Заботы о постройке монастыря разделял с полковником набожный житель города Харькова, Логгин Федорович, принявший на себя звание ктитора. В другой грамоте полковник говорит: «Логгин Федорович не только прилагал заботы, но давал и средства при построении монастыря; он вклад-

чик вместе со мною. Куряжский эпитафион Логтину Федоровичу говорит, что Логгин Федорович благотворил не только Куряжу, но и храмам Харьковским».

В полном географическом описании России у Семенова встречается следующее упоминание: «Верстах в 5-ти к северу от станции Рыжов расположен Старохарьковский или Куряжский Преображенский мужской монастырь. Он был основан на месте пасеки Алексея Куряжского в 1663 году. Известный Харьковский полковник Григорий Ерофеевич Донец-Захаржевский отвел монастырю различные угодья и постоянно о нем заботился, что делали и его потомки и полковые старшины».

Большой интерес в вопросе об основании монастыря представляет труд преосвященного Стефана, Епископа Сумского. Труд этот был опубликован в начале XX-го века. Автор глубоко и критически проработал имеющиеся на тот период источники, сопоставил их с уже написанным, сделал целый ряд уточнений и дополнений. Версия Стефана перекликается с уже приведенным выше описанием основания Куряжской обители. Он пишет: «Куряжский монастырь почти ровесник города Харькова, и старше всех других теперешних монастырей Харьковской епархии, за исключением Святогорского и Ахтырского. Во время основания Куряжской обители город Харьков еще окружен был дремучими лесами. Такой именно дремучий лес далеко тянулся от самого Харькова по направлению к Западу. Одна только дорога на Полтаву и Киев оживляла этот дикий лес. В восьми верстах от Харькова, вблизи этой дороги, единственно жилым местом была пасека некоего Алексея Куряжского, в урочище речки Куряж. Алексей Куряжский продал свою пасеку за 150 грошей Иеремии Белаше-Тенетовскому. Последний на купленной пасеке устроил «грунт» и мельницу. Место пасеки было довольно высоко и не только обильно водою, но и отличалось чудным положением и роскошными видами к западу и северо-западу. На нем-то тогдашние набожные поселенцы города Харькова и решили устроить монастырь, где бы возносились непрерывные молитвы за благосостояние нового города и куда бы жители его могли прибегать в радостных и печальных

случаях своей жизни для молитвы к Господу Богу, или же для отращения на некоторое время от повседневных забот и суеты житейской. Во главе этого благочестивого дела стал тогдашний полковник Харьковского Слободского полка именитый стольник Григорий Ерофеевич Донец-Захаржевский...».

Наконец у К.П. Щелкова в его исторической хронологии Харьковской губернии, отмечено это важное, с его точки зрения, событие: «1662 год. Куряжский монастырь в 8-ми верстах от Харькова, на возвышенности окруженной дремучими лесами, основан Григорием Ерофеевичем Донец-Захаржевским 28 апреля».

Во всех других источниках приводятся, с незначительными вариациями, те же факты об основании под городом Харьковом в 1673 году Куряжского монастыря. Единственное разногласие - это дата его основания. Разночтение у разных авторов - 10 лет. В результате внимательного исследования и сопоставления различных источников, на наш взгляд, следует считать наиболее достоверной версию епископа Сумского Стефана, который убедительно объясняет и доказывает ее происхождение.

Итак, инициатором строительства Куряжского монастыря стал тогдашний полковник Харьковского Слободского полка, именитый стольник Григорий Ерофеевич Донец-Захаржевский. Его помощниками и участниками материальных расходов были следующие, как сам он их называет «добрые и боголюбивые особы: судья Иван Лазченко, сотник Константин Парасович, Степан Свищ, Логгин Люботинский, Тимофей Лаврентьевич Клочко / полковой судья/, Яков Лисый Исаевич, атаман Матвей Кременецкий, Войт Иван Осипович, Максим Цепковский, Григорий Цепковский, писарь Иван Местный, писарь Григорий Иванов, протопоп Захарий Филимонович». Главным помощником и правой рукой Григория Ерофеевича в этом деле был один из набожных жителей города Харькова, известный в то время своим усердием к храмам Божиим и широкой благотворительностью «знатный мещанин пан Логгин Федорович». Оба они с полковником, как главные вкладчики на устройство монастыря, приняли на себя звание его ктиторов: Григорий Ерофеевич в сохранившихся древ-

них документах называется: «Початковый именитый первый ктитор», а Логгин Федорович «первый будовница» и «ктитор второй».

Григорию Ерофеевичу, как почетному ктитору, принадлежали главное руководство и распоряжения по устройству монастыря, председательство в общем совете учредителей, а Логгин Федорович нес лично все хозяйственные хлопоты и надзор за постройками.

Вместе с ними звание ктиторов приняли на себя брат Григория Ерофеевича, а также полковник Авдий Ерофеевич, немного позже - бригадир, стольник Харьковский и Изюмский, Федор Владимирович Шидловский. Авдий Ерофеевич назывался также «первым ктитором».

Владелец пасеки, «по колодезю Куряжу» Иеремия Белаш, за уступки своего «грунта» получил щедрое вознаграждение от полковника - 200 золотых и мельницу с землею на реке Харьков под Даниловкою. Новоучреждаемому же монастырю полковник Донец дал «на завод» пчел, 100 овец, плуг, волов и, кроме купленной у Белаша пасеки, собственный грунт на Полевом, купленный им у боярских детей Туленинова и Дубоносова причем дал монастырю и «поступной лист» на владение этим грунтом. Кроме того, но власти, данной полковнику от правительства, он отвел обители «вольный лес вверх по реке Куряжу до вершин Ольховых, до реки Полевой или до Ольхового колодезя, а в ширину к стороне Харькова на 1/2 версты, до осинового ярка, за дорогу на речку Уды».

Спустя некоторое время (в 1678 г.), полковник дал еще поступной лист на одну заброшенную мельницу, которую на средства полковника восстановил и пустил в полный ход Логгин Федорович. Вместе с мельницей дана земля и сенные покосы от речки Люботинки до Уд. Потом он придал ко всему этому для рыбной ловли речку Чепель с озерами. Тимофей Лаврентьевич Клочко, судья и полковой службы казак, с своей стороны пожертвовал «никому не ценную и в заклад не заложенную сечь и всякие угоды» (землю с лесом и сенокосом).

На открытие монастыря было выхлопотано надлежащее разрешение высшей светской и благословение духовной власти. Первоначальником монастыря, по общему избранию, полковник пригласил «всечестного господина отца архимандрита Святогорского монастыря Иоиля, который из Святогорского же монастыря и набрал первую братию для новоучреждаемой Куряжской обители и дал ей устав общежительного монастыря, практиковавшегося в Святогорье. По главному храму своему, обитель получила название Преображенского или Спасового Харьковского монастыря. Сколько братии было на первое время, неизвестно, но в 1687 году было уже сорок человек. По другим актам в Куряжской обители, кроме архимандрита, видим наместника его, эконома и старца писаря. Учредители снабдили монастырь всем, необходимым для совершения богослужения: церковной утварью, облачением и богослужебными книгами, даже книгами для «душеполезного» чтения. Освящение монастыря и его открытие состоялось «7181, от Рождества Христова в 1673 г. месяца апреля 28 дня».

Таким образом, это «благопотребное дело», как писал сам полковник, совершилось «по Божиему благоизволению при державе благочестивого Царя и великого князя Алексея Михайловича, всей и малой и белой России самодержца, в патриаршество по духовному чину отца его и богомольца, великого господина, святого Иосафа, патриарха Московского и всей России (Иосаф II, первосвятительствовавший с 29 декабря 1667 г. по 17 февраля 1672 г. дал благословение на основание монастыря, а само открытие произошло после него), по благословению и повелению Мисаила, митрополита Белгородского и Обоянского, в 1673 г. месяца апреля 28 дня».

Первоначально основатели Куряжской обители построили в ней два деревянных храма: главный храм в честь Преображения Господня, холодный и трапезный храм в честь великомученика Георгия Победоносца, теплый, с теплою трапезной для братии. Храм Преображения Господня был так назван в честь преображения Христа, которое ожидает всех верных последователей Христовых. А Георгий Победоносец есть покровитель воинов, к кото-

рому в трудные времена и желали прибегать харьковские жители, особенно воины Харьковского полка.

Деревянный Георгиевский храм, очевидно, построен был временно, ибо вскоре же (через несколько лет) было приступлено к возведению на его месте величественного каменного двухэтажного храма. Когда началась его постройка точно не известно. Но, вероятно, она началась уже после смерти первых основателей монастыря, которые недолго прожили после его открытия. Прежде всех скончался «первый будовница и ктитор», Логгин Федорович, больше всех других принимавший участие в строительстве (умер 8 октября 1685 г.) Затем скончался «первый ктитор Авдей Ерофеевич (брат Григория Ерофеевича Донца), полковник харьковский (18 июня 1690 г.), а вскоре после него, в 1691 г., и сам «початковый ктитор», стольник Григорий Ерофеевич Донец-Захаржевский. Погребены все они были в Куряжской обители.

Основываясь на некоторых документах, мы можем предполагать, что каменный храм Георгия Победоносца был построен в 1706-1709 гг. Так например, Филарет Гумилевский, ссылаясь на «Куряжский акт №94», приводит следующую выписку. По записи 6 августа 1709 г. Пантелеймон Яковлевич, харьковский житель дает в Куряжский монастырь на строение каменной, вновь строящейся церкви Св.В.М.Георгия, 20 рублей, также де и цены полкаменя на печь малеванную в трапезу, а кроме того хутор с угодьями, состоящий на Люботинской земле». Это было уже после оконча-

Мефодий и Кирил. Роспись на стене, открывшаяся в 1958 г.

Онуфриевская церковь. Реконструкция автора

ния постройки. Начата же она была не позднее 1706 г., так как в этом году, 1 августа, неким знатным харьковским жителем Карпом Савельевичем пожертвовано на престольное евангелие. Это евангелие было специально изготовлено жертвователем для начатой уже постройки каменной церкви, которая строилась о двух этажах с предложением в верхнем этаже устроить престол во имя апостолов Петра и Павла. Постройкой руководил архимандрит Онуфрий (1705-1709 гг.). Он, по преданию, украсил обитель многими каменными зданиями. Ему же предание приписывает постройки за оградой монастыря.

На источнике была устроена деревянная церковь в честь преподобного Онуфрия Великого, со скитом. В нее часть братии, кроме оставшихся в обители для богослужения и необходимых послушаний, удалялась на весь великий пост для подвигов, усиленных молитв и уединения строгого. Некоторые из их числа уединялись даже в особые выкопанные ими там пещеры. С первым закрытием монастыря в 1788 году пещеры были запущены и завалены, но при архимандрите Израиле (апр. 1848 г. - июнь 1851 г.) восстановлены. Архимандрит Израиль начал было соединять эти пещеры подземным коридором с Преображенской церковью, но

работы не были доведены до конца за неразрешением епархиального начальства.¹

О храме пр. Онуфрия Филарет Гумилевский сообщает: «Под кровом густого леса, у источников живой воды стоял скит с храмом пр. Онуфия. Каменный храм пр. Онуфия построен и освящен здесь в 1753 году, но до того времени был здесь деревянный храм Онуфия с келиями... Из-под престола нынешней церкви св. Онуфия выходит ключ свежей воды, и наполняет колодезь, устроенный под амвоном, а отсюда трубами выходит за ограду церковную».²

Щелков К.П. в «Исторической хронологии Харьковской губернии» однозначно фиксирует дату постройки и открытия Георгиевского Собора: «1709 г. в Куряжском монастыре освящен храм Георгия Победоносца (ф.1.85).³ Есть у Щелкова и сообщение о церкви Св. Онуфия: «1753 г. в Куряжском монастыре построена и освящена церковь Св. Онуфия, внизу под горой, с колодцами в алтаре и посреди храма, который закрывается амвоном (ф.1.82). В нескольких саженях от нее существовали купальники-колодцы, в которых вода была слишком холодна и вредно действовала на здоровье купающихся; почему они, по распоряжению преосвящ. Мария, в 1863 г. были засыпаны».⁴ И, наконец, у Щелкова встречается еще такое сообщение о храме Георгия Победоносца: «1759 г. В Куряжском монастыре возобновлен храм св. Георгия Победоносца - (1709), по мысли и желанию всей старшины харьковского полка, чтобы иметь этого святого своим покровителем (ф.1 85).⁵

Итак, сравнивая различные источники, можно сделать вывод, что начало постройки каменного храма В.М.Георгия можно отне-

Мемориальная доска основателю Куряжского монастыря Донцу-Захаржевскому

сти к XVII в. или к самому началу XVIII в. А вот завершение строительства однозначно приходится на 1709 г. В августе 1709 г. храм еще заканчивался отделкою. Как мы видим из пожертвований Пантейлемона Яковлевича, который, жертвуя деньги и кирпич, называет храм строящимся.

Но осенью или зимою храм был освящен преемником отца Онуфрия, архимандритом Сильвестром. Сам храм представлял собой двухэтажное сооружение с восьмеричным куполом и крестом на нем: «...крест которого виден на далекое расстояние по долине реки Уды и с нагорной стороны по ту сторону означенной реки. Храм в верхнем этаже освятили в честь св. апостолов Петра и Павла, а нижний в честь великомученика Георгия Победоносца, покровительству которого посвящен был прежний деревянный храм. Верхний храм оставлен холодным для раннего летнего богослужения, а нижний устроен теплым для зимнего. В одной связи с нижним храмом устроена была в один этаж каменная же, прочной постройки, братская трапезная с обширными подвалами внизу, для хозяйственных и съестных запасов и кухнею. В 1862 г., как сообщает Стефан Преосвященный Епископ Сумской, над этою трапезной сделан надстрой в два этажа для настоятельских покоев.

Главным храмом Куряжской обители с самого ее начала был храм Преображения Господня, почему монастырь назывался Преображенским или Спасским. Первый храм Преображенский в Куряже был деревянный, построение его и вся утварь принадлежали усердию тех лиц полка Харьковского, которые уже упоминались. К 1760 году этот храм обветшал. Архимандрит Варлаам Андриевский, бывший тогда настоятелем монастыря (1756-1763), на собственный счет построил каменный великолепный храм, который в честь Преображения Господня был освящен преосвященным Иоасафом Миткевичем в 1762 году. Варлаам Андриевский по завещанию своему похоронен в самом входе во храм. У Щелкова К.П. читаем: «1762 г. В Куряжском монастыре на средства архимандрита Варлаама Андриевского построен вместо

деревянного новый каменный Преображенский храм и освящен преосв. Иоасафом (ф.1.84)».⁶

Кроме всех, уже упоминавшихся названий монастыря (Куряжский, Спасо-Преображенский), встречаются в источниках и такие его названия, как Старо-Харьковский или Преображенский-Старохарьковский. Так в первом указанном источнике говорится: «Старинное наименование этого монастыря «Старо-Харьковский» указывает на то, что он сначала был городским монастырем, созданным харьковчанами для особого удовлетворения их религиозных нужд. Основан он был в 1673 году 28 апреля, вскоре после основания города Харькова». Во втором источнике за 1852 год читаем: «Исторические сведения о монастырях и церквях Харьковской губернии. Монастыри, ныне существующие: Преображенский - Старохарьковский мужской второго класса, близ губернского города Харькова, с Соборною церковью во имя Преображения Господня.

Монастырь сей существует с 1673 года и был прежде общежительным, а по Высочайше утвержденному докладу Святейшего Синода, 4 апреля 1836 года возведен во 2-й класс и состоит с того времени под управлением Архимандрита, который есть и ректор Харьковского Коллегиума.

Куряж, или Куряжский, мужской, в 10-ти верстах от Губернского города Харькова, на Полтавском тракте, состоит под управлением Архимандрита. Он основан в половине XVII века в царствование Алексея Михайловича, а в 1788г., вместе с другими Украинскими монастырями упразднен; здания его возобновлены Мелетием, Архиепископом Харьковским и Ахтырским. В нем церкви:

Собор Св.Георгия Победоносца;

Онуфрия Великого. Здесь находится явленная икона Божией матери, известная под названием Озерянской, перенесенная сюда в 1764 году из упраздненной Озерянской пустыни или Озерянской пустыни, подведомственной Куряжу - монастырю.

Под Онуфриевской церковью есть самородные источники с кладезями в алтаре и под амвоном, к которым верующие притека-

ют для исцеления болезней; на эти источники нередко износится и сама чудотворная Озерянская икона с молебным пением. С недавнего времени икона сия, вследствие ходатайства Преосвященного Иннокентия, основанного на общем желании жителей Харькова, удостоенного Высочайшим соизволением по утвержденному 16 октября 1834 года докладу Святейшего Синода, переносится на все зимнее время в Покровский кафедральный Собор, для чего и установлены два крестные хода: 1-й, накануне 1 октября, 2-й при возвращении сей святыни в Куряж монастырь, накануне ж 23 апреля».⁷

В фундаментальном многотомном издании «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», под редакцией В.П.Семенова, в VII томе (Малороссия), 1903 года издания, также встречается описание монастыря, его церквей и главной достопримечательности - иконы Божьей Матери Озерянской. В описании указывается о его основании, о том что в 1788 году в связи с введением штатов в малороссийских монастырях, Куряжский монастырь был упразднен, но в 1796 г. снова восстановлен. Описывается местность вокруг монастыря. Говорится, что монастырь расположен на довольно значительной возвышенности, окружен с трех сторон садами и рощами - остатками бывших здесь еще в XVII в. глухих лесов, при ключах, бивших здесь из скатов возвышенности. Сообщается о трех монастырских церквях: Соборной, во имя Преображения Господня, Георгиево-Петро-Павловской, двухэтажной каменной, и во имя преподобного Онуфрия (Онуфрия-скит), над источником, вытекающим из-под престола. Достопримечательностью монастыря является икона Божьей Матери, Озерянской - точный список с иконы Иверской Божьей Матери,⁸ что в Москве. Местом явления иконы считается Озерянская пустыня, по упразднении которой (в 1764 г.) икона была перенесена в Харьковский Покровский монастырь, а оттуда уже в 1794 году в Куряжскую обитель. С 1844 года установлен крестный ход в сентябре из монастыря в Харьковский Покровский Собор, где икона и остается до апреля.

У Щелкова К.П. записано: «1843 год. Преосв. Иннокентий учреждает крестный ход с чудотворною иконою Озерянской Б.М. 30 сентября из Куряжского монастыря в Харьковский Покровский и 22 апреля обратно ежегодно».⁹

Своеобразно - с материальной точки зрения, трактует перемещение иконы Епископ Стефан: «От такого перенесения на целых 7 месяцев в Харьков чудотворного образа Куряжский монастырь многое терял в материальном отношении, прямо и косвенно, постепенно лишаясь богомольцев из Харьковчан только в зимнее время, но и в летнее, так как они свое желание поклониться святыне легко могли удовлетворять в самом Харькове. Поэтому архимандрит Агафангел (Агафангел Соловьев, 1842-1845; до сент.), желая восстановить нарушенные интересы своей обители, 16 октября 1843 г. вошел с представлением к Преосвященному Иннокентию о возможном возмещении Куряжскому монастырю материального ущерба...».¹⁰

Поскольку во всех источниках все события в истории Куряжа связаны с именами настоятелей монастыря, то есть необходимость привести полностью список всех зафиксированных в источниках настоятелей Куряжской обители. Наиболее кратко и компактно это представлено у двух авторов: П.Строева (1877 г. изд.) и Ф.Гумилевского (1857 г.

Архимандриты

Иоль, первый был не долго; после в Святогорском.

Манассия, преемник, взят из Змиевского монастыря.

Герман - 1678.

Иоасаф - 1684-1687г.г.

Ануфрий - 1693-1696г.г., уволен.

Пахомий - 1696-1699г.г.

Ануфрий - (паки) 1705-1709;

Сильвестр, 1709-1721, уволен на покой.

Арсений Зарудный, из Святогорского, в 1722-1723г.г.

Ефрем Черкасский, 1723-1728г.г.

Платон Малиновский, в 1728г. переведен из Покровского, а в 1730 в Костромской Ипатьевский.

Иосиф Зенкевичъ, из Краснокутского, префект Белгородской семинарии, с июля 1730 г. до конца 1736г., предан суду и сослан в Сибирь (до 1742 г. вакансия).

Петр Венсович - с нач.1742, в июне переведен в Сумской Успенский монастырь.

Константин Бродский, до июня 1752 г., после в Покровском.

Варлаам Андриевский в 1756 г. переведен из Колязина, 11.01.1763 г.

Варлаам Тыщинский бывший Покровский, произведен 15 июля 1763 г.

Матфей Млодзинский, 1763-66г.г. в июле переведен в Святогорский Изюмский).

Феофан Федоровский, в 1766-70 гг. переведен в Святогорский мон.

Наркисс Квитка, в 1770 г. переведен из Белгородского Николаевского, а в 1788 - в Голутвин.

Василий, 1788-93 гг.

В 1788 монастырь закрыт, а в 1796 г. восстановлен заштатным.

Строит.Константин, 1796 г.

Игум. Илларион, 1797-1806.

Строит.Феодосий, 1806-1817 гг.

Афанасий, 1818 г.

Игум. Адриан.

По возведении во 2-й класс:

Иоанн Оболенский, с 1836 г. до июля 1842 г., переведен в ректоры Казанской академии.

Филофей Успенский в 1842 г. до сент., перемещен в ректоры Вифанской семинарии.

Агафангел Соловьев, 1842-1845 гг., до сентября.

Парфений Попов, - 1845-1848 гг., 22 апреля.

Израиль - в апреле 1848 г., в июне 1851 г.

Венидикт - 1851, переведен из Тобольского Знаменского, а в 1856 г. в Новгород-Северский Спасский.

Герасим - 1861-1863 гг.

Вениамин - 1864-1866 гг.

Герман - 1869

Обширна и примечательна география прибытия и убытия назначаемых настоятелей Куряжского монастыря, которые имели определенный опыт и привносили его в дело организации жизни обители. Из сохранившейся литературы можно сделать вывод, что больше всего Куряжский монастырь имел связь с Харьковом и Белгородом, т.к. харьковчане были устроители монастыря, а Белгородская епархия приняла участие в открытии монастыря. На протяжении 230 лет Куряжский монастырь был связан с многими местами, откуда прибывали, а затем убывали настоятели. Это Харьков, Белгород, Киев, Москва, С-Петербург, Курск, Воронеж, Орел, Новгород, Кострома, Пермь, Архангельск, Астрахань, Тифлис и др. У Ф. Гумилевского эти сведения несколько шире. Он характеризует некоторых настоятелей, чем-либо особо заслуживших, по его мнению, уважение своим усердием в службе и по благоустройству монастыря или другие дополнительные сведения, дошедшие о них.

Почти до конца XVIII века обитель эта, постепенно благоустраиваемая, была неизменно любимым детищем харьковской набожности. Многие богочестивые харьковчане, начиная от знатных и кончая простыми обывателями, находили здесь место вечного упокоения.

Благодаря непрерывным заботам своих ктиторов, Куряжская обитель украсилась, как уже упоминалось, вместо первых деревянных построек величественными каменными храмами: Спасо-Преображенским, Георгиевским, Петро-Павловским и Онуфриевским, высокой колокольней. Например, Стефан, епископ Сумской сообщает: «...архимандрит Наркисс Квитка привлек в Куряжскую обитель большие средства. Это дало ему возможность закончить дело архимандрита Варлаама - построить в Куряже величественную колокольню, соответствующую соборному храму. Закладку ее он торжественно, при громадном стечении народа и

пушечной пальбе в великолепном облачении, совершил 9 мая 1784 г. в праздник Вознесения Господня. Без сомнения, также торжественно он освятил ее (в 1786 г.) по построении. Каменными кельями, изящнейшею лестницей к пещерам, оградилась красивой стеной с архитектурными башнями, дорогами и красивыми надгробными памятниками и др. Нередко за это время настоятелями монастыря становились иноки из благочестивой харьковской знати. Временем блестящего расцвета для обители было настоятельство постриженника этого монастыря, архимандрита Наркисса Квитки (с 1770 по 1788 год), бывшего в родстве с самою знатною дворянской фамилией края Квиток. Имея личное наследственное состояние, как сын Изюмского полковника Ивана Григорьевича Квитки, и имея обширные связи не только в Малороссии, но и в столице, он привлек к Куряжской обители большие средства: построил уже упоминавшуюся, наподобие лаврской колокольню, построил новые каменные настоятельные покои и келии для братии, расширил каменные стены обители, украсил все Куряжские храмы и приобрел для них столько ценной утвари и облачений, сколько обитель не успела приобрести до него за все столетнее свое существование. Вся харьковская знать бывала у него на церковных торжествах: богослужения он обставлял с необыкновенной величественностью, красотой и пышностью...».¹¹

Но вот обитель подверглась страшному несчастью. В 1788 году одновременно со множеством других монастырей, она была закрыта и архимандрит Наркисс Квитка имел несчастье видеть разрушение и полное расхищение всего великолепия благоустроенного им монастыря. У Щелкова К.П. об этом событии имеется такая запись: «1788 год. Закрыты следующие упраздненные монастыри: Святогорский Успенский (1624), Сумской Успенский (1658) и Змиевской Николаевский; пустыни: Гороховатская (1698) и Михайловская Предтеченская. Монашествующие переведены в Куряжский монастырь (ф.1,173,228,273,320), - Куряжский монашествующим епархии. Тогда же иноки упраздненной Озерянской пустыни перенесли сюда Озерянский образ Божьей Матери (1718) (ф.1,96).»¹²

У епископа Сумского Стефана есть интересная историческая зарисовка о том, как при каких обстоятельствах Наркисс Квитка воспринял известие о закрытии его любимого детища. 12 июня 1787 года архимандрит Наркисс в богатом, нарочито устроенном в Москве облачении из богатой парчи с большими, по серебряному полю, разводами и с золотыми из разных шелковых цветов букетами встречал в Харьковском Успенском соборе Императрицу Екатерину II. 3-го мая 1788 года по указу ЕЕ Величества последовало распоряжение из находящихся в Белгородской епархии монастырей: оставить Харьковский Покровский для семинарии (с отобранием от него принадлежавших ему в количестве 3076 десятин земли, садов, мельниц и проч.) да женский Хорошевский. Строения в остальных монастырях и пустынях обратить в гражданское имущество... 25 июля Наркисс Квитка получил этот, конечно, как громом поразивший его указ. 27-го у него отобрано все церковное и монастырское имущество и вскоре он должен был отправиться в Коломенский Богоявленский Голутвин, один из немногих оставленных не закрытыми, монастырь настоятелем. Прочая братия также была разослана по незакрытым или по оставленным на некоторое время незакрытыми монастырям.

Потомок Н.Квитки
Григорий Квитка-
Основьяненко

Здания монастыря поступили в казну, еще раньше были отобраны земельные его владения, приобретенные как дарственными записями, так и покупкой. В том числе: 607 десятин пахотной земли и 580 десятин леса вблизи Куряжа, а также отобраны принадлежавшие монастырю мельницы, озера, сады и пасеки. Хозяйственные вещи также были забраны: разного железа пудов 100, кирпича 10 тысяч штук, круглого мостового - 500 и т. д., - все это забирали и тащили, кто что мог. Монастырь полностью пришел в запустение и даже служить обычную службу стало невозможно. В октябре 1793 года Куряж был приписан к Солоницевской церк-

ви. А монастырь еще в 1790-й год, как свидетельствует о том рапорт отца Василия на имя преосв. Феоктиста, был окончательно обращен в «рекрутский лазарет» и «магазин жизненных припасов».

Архимандрит Наркисс Квитка не перенес постигшего его и православные русские монастыри в Малороссии бедствия. Он тяжело занемог и доживал свои дни в кельях Харьковского Покровского монастыря. Умер 23 апреля 1792 года в день храмового праздника в Куряже. Похоронен в Покровском монастыре.

В «Исторической хронологии Харьковской губернии» встречаем подтверждение того, что после закрытия монастырь использовался не по назначению: «В 1793 году в Куряжском монастыре помещен лазарет (ф.1.,96)».¹³

Однако же, как считали набожные харьковчане, «Промысел Божий» не оставил монастырь. В закрытой обители осталась неприкосновенной святыня края - Озерянская чудотворная икона Богоматери. Она стала как бы залогом ее возрождения и обновления. Харьковчане скорбили о запустении с великими жертвами созданной и украшенной ими обители, где были могилы дорогих им лиц. Они не могли оставить ее в таком разрушении. И вновь, как было при основании обители, объединились в стремлении добиться ее восстановления. Особенное участие в этом деле принял тогдашний Харьковский и Воронежский генерал-губернатор Андрей Яковлевич Леванидов (умер в 1800 г.). Благодаря его и ряду других именитых харьковчан ходатайствам, Куряжский монастырь в 1796 году был восстановлен со званием заштатного общежительного монастыря: «1796 год. Куряжский монастырь (1788), по ходатайству Харьковского наместника генерал - поручика Леванидова и при содействии действительного тайного советника Сабурова, восстановлен со званием заштатной общежительной пустыни».¹⁴

Архимандрит Стефан об этом событии пишет: «20-го ноября 1796 года указ о сем от 5-го ноября был получен из Св. Синода в Белгороде. Преосвященный Феоктист немедленно распорядился отправить в оный монастырь из Харьковского монастыря трех

монашествующих как для священослужения, так и для приготовления келий и провизии».¹⁵

Как не велико было разорение монастыря, но настойчивость и любовь харьковчан к нему и его святыне - Озерянской иконе Божьей Матери, восстановили справедливость. История сохранила имена людей, которые приложили много усилий и средств для этого. В источниках встречаются имена новых попечителей и благоустроителей монастыря: И.В.Будянского, тайного советника П.Ф.Сабурова и его супруги Анны Андреевны, преосвященного Иннокентия, добившегося превращения обители во второклассный штатный монастырь, настоятелей архимандритов и, в особенности, настоятелей викариев преосвященных Гермогена, Вениамина, Геннадия, Петра, Владимира, Иоанна, Петра (Другова), Иннокентия, Стефана, Алексия, Евгения, и Василия, много потрудившихся над приведением монастыря в надлежащий вид.

Вскоре после восстановления монастыря, Харьковская епархия отделилась от Белгородской: «16 октября 1799 года последовало повеление об отделении Харьковской епархии от Белгородской с названием Слободско - Украинской, а с 19 марта 1800 года восприняла действие свое Слободско - Украинская Консисто-рия».¹⁶

Указом новой консистории от 19 ноября 1800 г. предписано: в должности строителя и казначея Куряжского монастыря быть иеромонаху Савватию, бывшему строителю Донецкого Успенского монастыря, состоявшему в это время в числе братии Покровского монастыря... 1-го декабря он принял монастырь и все имущество. Братии в это время было 20 человек, кроме епитимцев. А заведовали монастырем в этот период следующие настоятели: иеромонах Константин в 1796 г., игумен Илларион с 1797 г., иеромонах Феодосий с 1806 г., неволью вызывавший улыбку своею простотой; иеромонах Афанасий с 1818 г., игумен Адриан.¹⁷

В 1819 году при настоятеле Нафанаиле в Онуфриевской церкви были благоустроены колодцы (доктор Е.Следзиевский в 1845 году исследовал Куряжские источники и считал их целебными и ходатайствовал об устроении водолечебного заведения при этом

источнике). Этими целебными водами и в наше время пользуется местное население и харьковчане.

Исторические хронологи Шелкова отмечают как знаменательное событие посещение Куряжского монастыря русским царем Александром I: «1820 год. 31 июля Государь Император Александр Благословенный (1817) изволил прибыть в Харьков и был встречен высшим начальством при многочисленном ликующем народе. Во вновь построенном доме дворянского собрания, заложенном в 1814 г. на суммы земских соборов, дан бал в честь Его Величества. 1 августа Государь, следуя в город Полтаву мимо Куряжского монастыря, заехал помолиться святыне его. Увидя оторопевших и растерявшихся иноков, император сам начал: «Спаси Господи, люди твоя» и т.д. Следуя дальше, государь изволил кушать в Люботине в доме г-жи Михайловской в отведенной для него квартире (Ф.П.291; Устинов, 209)».¹⁸

Далее, в 1836 году, произошло еще более значительное для монастыря событие. Указом Святого Синода он был возведен во 2-й класс штатных монастырей: «1836 год. Куряжский монастырь Высочайшим повелено, 4 апреля, возвести во I-й класс с содержанием в 2610 р. 32 1/4 к. (Ук.Св.Син. 13 апр. N42156) и (3 июля N8032)».¹⁹

Епископ Стефан также коснулся этого знаменательного события: «4 апреля 1836 года, по ходатайству Преосвященного Иннокентия (Александрова), Куряжский монастырь Высочайше возведен во 2-й класс штатных монастырей, с штатным количеством 17 монашествующих во главе настоятеля - архимандрита, 1 подьячного и 16 штатных служителей, на содержание его по новым штатам, вместо получаемого до сего времени 300 руб. пособия, было определено 2610 рублей ассигнациями...».²⁰ Это было сделано потому, сообщает далее автор, что при принятых строгих мерах к искоренению пороков в духовенстве, число посылаемых духовных лиц на исправление в Куряжский монастырь, единственный в то время мужской монастырь на всю епархию, весьма увеличилось, да к тому же сюда посылались «в значительном чис-

ле» и люди светского звания «за разные вины и преступления по требованию гражданского правительства».²¹

Необходимо было также и значительное количество монашествующих для надзора за ними и необходимое количество служителей, чего монастырь не в силах был осуществить при незначительном пособии в 300 руб. ассигн. в год и незначительных добровольных приношениях.

9-го октября 1866 года учреждено было в Харькове викарианство. Ректора семинарии освобождены были от настоятельства в Куряжском монастыре, и последний поручен настоятельству Харьковских викариев. Первым настоятелем-епископом был Преосв. Герман из архимандритов Новгородского Юрьевского монастыря. Епископ Стефан пишет о нем, что тот много сделал полезного для Куряжского монастыря. Стены Георгиевского храма он украсил хорошей живописью (масляными красками), возобновил иконостас. Подремонтировал и Петро-Павловскую церковь в 1870 году.

После него, 30 июля 1872 г., настоятелем назначен архимандрит Вениамин. При нем, в 1875 году, вся живопись в иконостасе Преображенской церкви переписана живописцем Бунаковым за 800 р. (55 икон). В 1876 году по обе стороны Преображенского храма пристроены два придела с восьмиричными куполами, один - правый, в честь чудотворной иконы Озерянской Божьей Матери и освящен 30 июня 1880 г., а другой - левый, в честь Св. Целителя, освященный 15 октября 1878 г.

При Вениамине же, в 1872 году непогодой был сорван крест с Георгиево-Петро-Павловского храма и сделаны некоторые другие повреждения. Все это при Вениамине было устроено. В 1876 году иконостас Петро-Павловской церкви был перекрашен, позолота и иконы перечищены и возобновлены. В этом же году к этому храму с северной стороны алтаря над пономаркою Георгиевской церкви надстроена каменная ризница с пономаркой для Петро-Павловской церкви. Также и в Онуфриевской церкви иконостас в том же году вновь был переделан, переписаны иконы. В 1878 году она была покрашена масляными красками.

С 1883 по 1886 год настоятелем в Куряже был Преосв. Викарий Геннадий Левитский. После него последовательно Епископы: Петр Лосев (с 20 октября 1887 г. по 22 июля 1889 г.), Владимир Шимкович (с 24 августа 1890 г. по 5 декабря 1892 г.), Иоанн Кра-тиров (с 26 марта 1893 г. по 17 января 1895 г.), Петр Другов (с 17 января 1895 г. по 30 мая 1899 г.), Епископ Иннокентий (Беляев), со 2 июня 1899 г. по декабрь 1901 г.), Епископ Стефан (Архангельский) - с 21 декабря 1901 г.

Значительные заботы о восстановлении и переустройстве обветшавших храмов и зданий приложил еп. Стефан, сумевший привлечь к этому делу именитое купечество Харькова во главе с А.Я.Жлудским и, в особенности, И.Г.Безчетвертный. Последний за свои крупные пожертвования и труды по возобновлению Петро-Павловского храма получил звание почетного старосты обители, впервые после основателя монастыря «почетного ктитора» Донец-Захаржевского.

Настоятель монастыря преосв. Федор приложил много сил и усердия в период своего настоятельства. Немало было сделано по устройству внутренней жизни монастыря и, в особенности, в расширении его влияния на население через устройство в городе Харькове монастырского подворья с великолепным храмом.

Так, архимандрит Афанасий пишет, что управляющий Харьковской Епархией, Архиепископ Харьковский и Ахтырский Арсений распорядился, чтобы в каждом монастыре было открыто училище, где такого еще не было. Также последовало распоряжение об открытии «больницы с аптеками не только для монашествующих, но и для мирян, с амбулаториями для последних. Далее, чтобы были открыты богадельни как для духовных, так и для светских лиц, и в заключение были открыты при монастырях детские приюты для сирот разных сословий».²²

Архимандрит Афанасий приводит краткие сведения по каждому монастырю Харьковской епархии отдельно. Вот, что он сообщает о Куряжском монастыре.

Спасо-Преображенский Куряжский монастырь.

Церковно-монастырское училище. (1887-1912 гг.)

1. Основано училище в 1887 году.
2. Здание построено жертвователем, стоит 3500 руб.
3. Комнат в училище 5.
4. На ремонт училища затрат не производится.
5. Длина училища 20 ар., а ширина 13 аршин.
6. Квартира учителя состоит из 2-х комнат.
7. Классной мебели, при основании училища, приобретено на сумму 77 руб.50 коп.
8. Журналы для училища не выписываются.
9. Книг для чтения имеется 150 экз. разного наименования.
10. Жалование законоучителю - 30 руб. и учителю - 360 руб.
11. Для учителя отпускается обед из общей монастырской кухни.
12. Училище ежегодно отапливает монастырь и нанимает прислугу, что обходится в 65 руб. в год.
13. Попечителя в училище не имеется.
14. Здание застраховано в «Русском Страховом обществе».
15. Заведующим училищем состоит казначей монастыря.
16. О числе учившихся и окончивших курс со дня открытия училища сведений не имеется.
17. В 1912 году обучалось 65 человек и окончило курс 7 чел.

Благоустройство монастыря, его укрепление, расцвет, а также богослужение, крестные ходы с переносом иконы Озерянской Божьей Матери в Харьковский Покровский Собор и обратно продолжались вплоть до 1918 года. Все соборы монастыря действовали, велась служба, исполнялись обряды. Имеются сведения, например, о крестном ходе 10-11 мая 1918 года, где подробно описывается весь этот процесс, а также имеется описание самого Куряжского монастыря. Это, пожалуй, один из последних найденных источников, где наглядно, и даже несколько идиллически дается описание монастыря (храмы, подворье, природа, ландшафт) в последние годы его существования перед окончательным закрытием, причем непосредственными очевидцами и участниками этого мероприятия.²³

Найдены также фотографии монастырских соборов, колокольни и главных ворот с каменным забором, опубликованные в книге А.И.Макаровой-Мирской «Два дня в Куряжском монастыре».²⁴

Имеется исторический очерк, составленный графом Кулжинским об Озерянской иконе Божьей Матери со снимком образа.²⁵

Известно, что вскоре после Октябрьской революции последовал декрет, направленный на отделение церкви от государства. С этого времени по всей стране для культовых организаций и учреждений начинаются «черные времена». Куряжский монастырь не избежал этой печальной участи. Уже в начале 1918 года местные власти принимают решение о запрещении крестного хода в Куряжскую обитель. Так в газетном органе Харьковского Совета рабочих и Солдатских Депутатов «Известия Юга» от 15 февраля 1918 года было опубликовано «Обращение к населению» и «Воззвание», а также «Приказ №2», где говорилось о том, что на 15 февраля (2-е февраля по стар. ст.) духовными властями назначен крестный ход с молебствием. А военные власти города Харькова этот крестный ход своим распоряжением отменяли такими аргументами: «Это не допустимо сейчас, когда трудящиеся народные массы напрягают все силы в борьбе с буржуазией, пытающейся отнять у народа его завоевания в великой русской революции ... Когда революция закрепится и враг будет сломлен, всякие стеснения немедленно будут отменены».²⁶

В «Воззвании» говорится, что, не имея ввиду чинить каких либо препятствий выражению религиозных чувств граждан города Харькова, но вместе с тем, не доверяя высшему духовенству в лояльности интересам трудового народа, главный штаб по борьбе с контрреволюцией предлагает жителям Харькова, ввиду военного положения, не принимать участие ни в каких шествиях, которые предпринимаются высшим духовенством, во избежание могущих произойти эксцессов и провокационных выступлений. Вся ответственность за устройство крестного хода была возложена на духовенство.

Заверения властей о том, что всякие стеснения церкви будут немедленно отменены, не суждено было сбыться. Началась Граж-

данская война. В ходе ее монастырь был частично разрушен и разграблен. Духовенство и братия разбрелись по бурной военной жизни. Монастырь, просуществовав без малого 250 лет, прекратил свою деятельность.

За всю свою историю монастырь претерпел немало перемен как в лучшую, так и в худшую сторону. История его оригинальна и богата. В ней нашли место подъемы и спады, яркие и мрачные страницы истории нашего края. Кураяжский монастырь пережил становление, развитие, расцвет, закрытие (1788 г.), разорение, упадок, возрождение, опять развитие, расцвет, и, наконец - крах, запущение, разорение (1918-1919 гг.).

Роль Кураяжского монастыря в истории края сложно переоценить. В XVII в. он выполнял некую духовно-оборонительную функцию. В XVII-XIX вв. одной из главных в его деятельности была духовно-религиозная роль. Следует также выделить хозяйственно-экономическое значение образцового монастырского земледелия на Слобожанщине, его просветительскую и благотворительную роль в повседневной жизни населения.

Для справки

Патриарх – глава всех православных церквей (патриархата).

Архиерей – общее название для высших чинов духовенства (епископа, архиепископа, митрополита).

Пресвитеры – священники, стоящие на ступень ниже высших чинов. Им доверяется возглавить церковную жизнь в городских и сельских приходах. Священники делятся на иереев и протоиереев.

Настоятель – старший священник в приходе.

Дьякон – священник, который помогает осуществлению таинств архиерею и священнику, но сам не осуществляет их.

Черное духовенство – монахи, в православии давшие обет безбрачия. Существует три ступени монашества: рясофор, мантия (или малая схима) и схима (или еще большая схима). Нижняя степень – рясофор – означает того, кто носит рясу. Малая и большая схима («форма», «образ») отличаются более суровыми обетами Богу.

Все архиереи являются монахами. Их наименования в переводе с греческого означает: **патриарх** – родоначальник; **митрополит** – человек с глав-

ного рода (патриархи и митрополиты являются главами всех православных церковных организаций в православных странах); **епископ** – блюститель, **архиепископ** – старший пастырь.

Священники – монахи называются иеромонахами, игуменами и архимандритами. **Архимандрит** (начальник пещер) – настоятель большого монастыря, лавры. Некоторые монахи получают этот титул за большие заслуги перед церковью и не являясь настоятелями крупных монастырей.

Игумен – ведущий, проводящий – настоятель обыкновенного монастыря или приходского храма.

Примечания

1. Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. - X., 1855. - с. 69.
2. Там же.
3. Щелков К.П. Историческая хронология Харьковской губернии. - X., 1882. - с.75.
4. Там же, с.112.
5. Там же, с.116.
6. Там же, с.118.
7. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях России. Университетская типография. - 1852. - с.529-530.
8. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под редакцией Семенова В.П. - М., 1903. - Т.7.
9. Щелков К.П. Историческая хронология Харьковской губернии. - X., 1882.
10. Стефан Преосвященный Епископ Сумской. Куряжская обитель и ее Георгиевско-Петро-Павловский храм (1673 - 1903). - X., 1904.
11. Там же, с. 46-48.
12. Список иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Сост. Строев П. - СПб., 1877. - с.968-969.
13. Стефан Преосвященный Епископ Сумской. Куряжская обитель и ее Георгиевско-Петро-Павловский храм (1673 - 1903). - X., 1904. - с.22.
14. Там же, с.25.
15. Там же, с.29.
16. Там же, с.37.
17. Юхи В.К. История Куряжского монастыря. - X., 1992.
18. Стефан Преосвященный Епископ Сумской. Куряжская обитель и ее Георгиевско-Петро-Павловский храм (1673 - 1903). - X., 1904. - с.37.
19. Щелков К.П. Историческая хронология Харьковской губернии. - X., 1882. - с. 204.
20. Там же, с. 204.
21. Стефан Преосвященный Епископ Сумской. Куряжская обитель и ее Георгиевско-Петро-Павловский храм (1673 - 1903). - X., 1904. - с.37.
22. Щелков К.П. Историческая хронология Харьковской губернии. - X., 1882. - с. 204.
23. Юхи В.К. История Куряжского монастыря. - X., 1992.
24. Макарова-Мирская А.И. Два дня в Куряжском монастыре.
25. Исторический очерк. Сост. граф Кулжинский. "Об Озерянской иконе Божьей Матери".
26. Известия Юга. Газета Харьковского горювета рабочих и солдатских депутатов. 15 февр. 1918 г.

Куряжская колония

Скоро исполнится почти сто лет, как прекратил свое существование Куряжский монастырь. И хотя «рукописи не горят», местное население практически мало что знает о замечательном прошлом монастыря. Эти «знания» живут на уровне различных легенд о «чудотворных» колодцах бывшего монастыря, о подземном ходе, протянувшегося из Куряжа в Харьков, о кладах и других.

Хотя некоторые традиции сохранились до сегодняшнего дня. Ежегодно 25 июня, по традиции, у Куряжских колодцев собирается очень много верующих и не верующих, местных и приехавших из Харькова, близлежащих поселков и сел. На месте бывшей монастырской церкви Св. Онуфрия проходит молебен по случаю праздника в честь Св. Онуфрия и водосвятие. Люди набирают воду домой, пьют, омывают лицо, чтобы поправить свое здоровье и т.п. Ходит в народе легенда, что писатель Квитка-Основьяненко в детстве промывал куряжской водой глаза и улучшил зрение. Куряжские колодцы всегда пользовались и пользуются у народа популярностью.

Не менее захватывающие легенды о подземельях Куряжа. В статье «Тайна харьковских подземелий» авторы С. Аверьянов и В. Надеждин пишут: «Еще в прошлом веке прослежены ходы (подземные) до конца Конторской улицы, недалеко от завода Пильстрема (ныне завод «Красный Октябрь» по улице Краснооктябрьской). А один из подземных ходов выходил чуть ли не на Холодную гору (в сторону Куряжа).

Возможно, что строительство подземных ходов начиналось задолго до Харьковской Крепости..... начатую работу продолжили в XVII веке, и возможно, именно тогда были укреплены своды кладкой кирпича, весом 20 фунтов (8,2 кг.) каждый».

А вот какие интересные факты слышал автор письма от бабушки, умершей в 1998 году: «От Собора есть один (подземный ход) к бурсе (сейчас Академия Культуры - автор), к бурсакам, а второй

ход - к монастырю. А третий шел до самого Куряжа и там выходил к монастырской ограде».¹

Нет дыма без огня – подземные ходы действительно существуют. Жители Холодной горы помнят, что после Великой Отечественной войны по подземным ходам из центра Харькова на Холодную гору был протянут телефонный кабель. Только после 1945 года подземные ходы стали заваливать, чтобы в обвалах не погибли любопытные дети.

На территории нынешней Куряжской колонии, где размещался Куряжский монастырь, в 1945 году воспитанники находили лазы в подземные ходы, а в шестидесятых годах у бывшей Георгиево-Петро-Павловской церкви случился обвал земли (по направлению к Харькову) диаметром до 4,5 метров, а глубиной до 3-х метров. Аналогичный случай был в 1997 году. Местные охотники неоднократно подтверждали, что по направлению из Куряжа в Харьков в лесу имеются отдельные провалы земли.

Ходит и поныне легенда, о том, что из центра города Харькова (Университетской горки) шел подземный ход в Куряж и что по этому ходу могли на лошадях рядом ехать три вооруженных всадника (очевидно легенда связана с оборонительной ролью Куряжского монастыря, что было, немаловажно для Харькова).

Местный житель П.С.Чернуха рассказал о том, как, обучаясь в Подворской церковно-приходской школе, он с учителем ходил в монастырское подземелье со свечкой со стороны Онуфриевской церкви и эти подземные ходы напоминали ему Киево-Печерскую лавру. Безусловно, монастырь имел ценности, собирал средства на его устройство. Была у монастыря и ценная утварь для проведения культовых обрядов. Монастырю знатные люди Харькова завещали свое наследство. Так, например, прародитель отечественной реактивной артиллерии генерал Засядко жертвовал ему значительные средства и завещал после смерти захоронить его в Куряжском монастыре. В 1939 году, когда рыли траншею, наткнулись на склеп, в котором были обнаружены генеральская амуниция и золотое оружие, врученное Засядко как герою Отечественной войны 1812 года. Все найденное было передано в Харь-

ковский исторический музей, но пропало во время эвакуации в дни Великой Отечественной войны.

Упомянутый уже П.С.Чернуха рассказывал автору о том, что у дороги в село Сиряки стояла деревянная кампльчка. У стола с иконой под тесовым прикрытием от дождя сидел монах. Прохожие подходили к иконе молились и бросали на поднос деньги. Наиболее хулиганистые мальчишки, ради денег на конфеты, сговорившись, подходили к иконе, наклонялись, хватали с тарелки деньги и убегали.

Содержали монахи и гостиницу, которая давала им доход. Вспоминается случай, о котором рассказал известный харьковский анатом Синельников. Его коллега, анатом, профессор Воробьев до революции приезжал в Куряжский монастырь, жил в гостинице. После изрядного угощения к Воробьеву подошел монах с книгой отзывов. Свой отзыв Воробьев закончил словами: «... а вино монастырское было превосходное» и подписался «А.Пушкин». В Советское время была найдена монастырская книга отзывов и у Воробьева спросили: «А почему Вы так подписались?». Он честно ответил: «Мне так захотелось».

Воробьев был человеком с юмором, об этом можно судить, опять таки, но рассказу Синельникова. Обычно Воробьев перед лекциями рассказывал студентам анекдот или какой-либо случай. И

вот однажды перед лекцией он только открыл рот, как вдруг из аудитории кто-то выкрикнул: «Профессор, хватить бузить, давай лекцию!». Воробьев настолько смутился, что покинул аудиторию. Синельников, его ассистент, успокаивал Воробьева: «Не обращайтесь внимания на этот выкрик, это же колонист, из Куряжа, бывший беспризорник, Николай Шершнев». Когда Николай сдал на отлично анатомию, Воробьев его расцеловал. Н.Шершнев первым из горьковцев получил высшее образование, закончил Харьковский медицинский институт и работал главврачом в Комсомольске-на-Амуре.

В дни Гражданской войны Куряжский монастырь был еще действующим. По рассказам жителей Куряжа, когда красноармейцы выбили белых из монастыря, то отдыхали в монастырских келиях. Монахи развлекали бойцов игрой на граммофоне. После отдыха красноармейцы пошли на Харьков, чтобы отбить его у белых. К 1924 году монастырь поспешно был упразднен. Считалось, что монастырские ценности монахи упрятали, т.к. с собой все взять не смогли. Так родилась версия о кладях.

Возможно, она имеет право на жизнь. Монахи, как известно, люди бережливые. Так, П.С.Чернуха вспоминает, как он еще мальчиком поднял скатившееся по склону холма яблоко из монастырского сада. И тут, как из-под земли, перед ним встал монах: «Чей ты?» А на другой день парня ремнем отшмагал отец, приговаривая: «Не бери яблоки у монахов!»

В 60-х годах, когда в колонии рыли траншеи для отопительной системы, не раз находили останки захоронений: кости, куски тканей, останки церковной утвари.

В 70-х годах во время ремонта музея (в молельне бывшей церкви Петра и Павла) размыли стены и обнаружили церковные росписи, которые частично восстановили в 1992 г. А воспитанники колонии не теряли надежду найти клад. Они пытались простукивать стены. Однажды воспитатели колонии увидели выбитые в стене кирпичи. Мальчишки натолкнулись на закопченное отверстие старого дымохода. А этажом ниже в кинобудке, выбив кирпичи, обнаружили какие-то истлевшие записки. Скорее всего, за-

писки были периода Великой Отечественной войны, когда на территории колонии немцы держали арестованных советских граждан, которых расстреливали в Куряжском лесу. В братской могиле Куряжского леса захоронено более 3000 харьковчан, в том числе тех, которые были умерщвлены немцами в машинах-душегубках.

Ходят слухи, будто на месте нынешнего колонийского общежития, сооруженного в 1938 году, была монастырская часовня с подземельем, где монахи хранили свои ценности, в том числе и изделия из благородного металла. И что, бьющие ключи из под холма в глинистых сланцах, имеют, каким-то образом, связь с кладом монастыря и поэтому целебны.

Местный житель и воспитанник А.С.Макаренко Г.Т. Беленький рассказал автору такой случай: «Макаренко в 1927 году нанял работников разбирать монастырский забор, чтобы из кирпича строить животноводческие постройки. И как же все были удивлены когда через несколько дней эти работники сбежали даже не получив зарплаты. Оказалось, что работники натолкнулись на замурованную в стене нишу, очевидно с кладом.

А однажды летом на крутом спуске к Онуфриевскому колодцу под холмом где-то на 37-ой ступеньке, точнее под ступенькой, колонисты обнаружили вырытую кем-то ночью яму, все посчитали, что это тоже был клад. Но что было найдено и кем никто не знает».

Что представлял собой Куряжский монастырь перед тем, как прекратил существование, мы уже рассказали. Теперь самое время поведать о «монастырском подворье». Окружавшая его деревня Куряж находилась во владении монастыря. По архивным данным в 1785 году в ней было подданных черкас 35 дворов, в которых жило 163 мужчины и 156 женщин. До 80 душ занималось извозом лесных материалов и дров из ближайших лесов, да 25 домохозяев работали поденно и помесечно у посторонних лиц.

В 1900 году в деревне была открыта бесплатная библиотека-читальня, а в 1909 году земская библиотека.

Сведенья от декабря 1917 года гласят о существовании земского смешанного одноклассного училища со сроком обучения 3 года.

Воспитанники Куряжской колонии на разборке построек монастыря. 1927 г.

В нем занималось 63 учащихся. Занятия вела одна учительница, проводились они в одной классной комнате. Преподавание велось на русском языке.

В 1920 году в Куряжском начальном училище обучалось 64 ученика, учитель был один.

В 1921 году в селе был открыт драматический кружок и художественная студия.

В 1922 году в Куряже уже имелась партийная ячейка, из восьми членов партии и одного кандидата. Была также ячейка КСМУ.

Переименование деревни Куряж в село Подворки, произошло, по архивным данным, в августе 1921 года.² Во всяком случае, в документе говорилось, что Куряж стал называться селом Подворки Пересечанской волости Харьковского уезда, в нем образован комитет незаможных селян. В Подворках в этот период проживало мужчин - 643, из них неграмотных - 283, малограмотных - 262, грамотных - 98. Женщин - 670, из них неграмотных - 420, малограмотных - 280, грамотных - 130 человек.

Прямым следствием Октябрьского вооруженного восстания 1917 года, Гражданской войны, интервенции, голода и разрухи,

стало появление в российском государстве более пяти миллионов беспризорных детей. Только в Харьковской области было создано тринадцать колоний для их содержания. Харьковские чиновники от просвещения в Наркомпросе усмотрели в куряжских монастырских строениях и земельных угодьях благодатные условия для создания колонии малолетних правонарушителей. Таким было превращение Куряжа из монастырского поселка в поселок, прославившийся колонией в деле перевоспитания малолетних правонарушителей.

1924 – 1945

С 1924 года в бывшем Куряжском монастыре был образован детский реформаториум. Об этом гласит протокол Президиума Харьковского Губернского Исполкома от 28 августа 1924 года:

Слушали: Об организации реформаториума в помещении Куряжского монастыря.

Постановили: Довести до Губфинотдела о необходимости организации реформаториума, после чего приступить к ремонту помещения.³

Как свидетельствует архивный документ от 1925 года «Об открытии в Куряжском монастыре колонии для беспризорных детей и борьбе с беспризорностью в городе», колония имела в распоряжении 71 га земли.⁴

Таким образом, можно с исторической достоверностью констатировать, что в 1924 году Куряжский монастырь прекратил свое существование, на его месте была организована колония им. 7-го Ноября. Хотя в этот период на территории колонии в Преображенской церкви еще проходила служба для местного населения, а воспитанники колонии, фактически участники уголовного мира, не раз обворовывали церковь, монастыря, как единого комплекса, уже не существовало.

В Куряж было направлено около 400 детей, официально названных воспитанниками. Наркомпрос направил в колонию сорок педагогов и многочисленный обслуживающий персонал. Помдет

(Помощь детям) Куряж субсидировал средствами, Наркомпрос (Народное просвещение) - педагогами. Наркомпросовские и научно-педагогические работники Харькова решили, что для более успешного формирования современного детдомовского поколения в новом духе необходимо ликвидировать многочисленные небольшие детские дома Харькова и на базе бывших монастырей, дворянских усадеб и т.п. создать огромные детские дома, колонии, городки.

Что же представлял собой состав воспитанников 1924 года? В основном, это были дети упраздненных небольших детских домов города Харькова, главным образом сироты, как следствие Гражданской войны и интервенции, а также беженцы из западных областей бывшей царской России, спасавшиеся от неурожая, разрухи, болезней. В Куряже можно было встретить не только украинских детей, но и волжан, и уральцев, которые ушли из родных мест в 1921 году в связи с засухой и голодом. Колонисты по умственному и физическому развитию, в подавляющем большинстве, не отличались от детей, живших в семьях, ибо они еще сами совсем недавно жили в нормальных семейных условиях. Кстати, позже, когда в стране наладилась жизнь, некоторые из них вернулись домой.

Несколько сотен колонистов Куряжа были разными как по возрасту, так и по дисциплине. Были совсем маленькие, лет 8-10-ти, но жили с ними и такие, которым исполнилось по 22-23 года.

В летнее время количество ребят уменьшалось, а к зиме доходило до четырехсот человек. Колония представляла собой нечто вроде ночлежки, т.к. часть ребят свободно уходила и целыми днями бродяжничала по базарам, вокзалам, улицам Харькова и близлежащих населенных пунктов. К вечеру они возвращались в колонию. Среди них немало было и уголовников, носивших кликухи «глофы» и «сявки».

Подростки отлично знали, что за мелкое уголовное преступление их, чаще всего, вместо тюрьмы направляли на перевоспитание в детские учреждения типа Куряжской колонии. Эта категория ребят изо всех сил старалась поубавить свои годы. Сердо-

больные члены комиссии на эти проделки смотрели снисходительно и тем самым засоряли колонии уголовными элементами. В результате в Куряже, начиная с 1924 года, свила себе прочное гнездо ватага парней до 25-30 человек в возрасте 17-ти лет и старше. Будучи настоящими уголовниками, они прикрывались колонией, продолжая заниматься грабежами, налетами. Из колонии делали набеги в ближайшие поселки, а здесь хранили награбленное. Здесь же, в колонии, скрывались от органов милиции и правосудия. Несмотря на тщательную конспирацию, основная масса ребят в колонии была в курсе их преступных дел, но свято хранила «тайну», даже смотрела на них как на героев удачи.

Большая группа подростков старше пятнадцати лет являлась домашними ворами, их называли «глотами». От них основной массе детей, не было спасения. Они систематически разворовывали колонистские кладовые, мастерские, квартиры педагогов и обслуживающего персонала, тащили все, что имело хотя бы минимальную денежную ценность, и, в основном, никогда не попадались. «Глоты» имели свои притоны в селе Подворки. Там, у бывших служителей монастыря, как ни странно, они перепрятывали награбленное.

«Глоты» неплохо одевались, питались и время от времени предавались разгулу. Денег у них хватало и на папиросы и на водку. «Глоты» в Куряже жили привольно, не брезговали гнуснейшими формами «эксплуатации» своих же товарищей - колонистов. Под угрозой физической расправы, «глоты» заставляли колонистов воровать и просить милостыню в городе. Такса сбора средств была очень высокой, доходила до 5 рублей с носа. «Глот» забирал себе две трети сборов от своих «собачек». Горе было той «собачке», которая не выполнит эту кабальную грабительскую норму. Мальчишку жестоко избивали. Спасти от преследования «глотов» можно было только бегством из колонии. Но куда идти? Кому ты нужен?

«Глоты» никого не боялись, держались обособленной кучкой и были грозой колонии. Их боялись не только младшие колонисты, но и педагогический персонал. Воспитатели уже в сумерки пря-

тались в своих квартирах, закрывали двери на многочисленные запоры.

«Глоты» прекрасно видели, что делается в колонии, что и когда привозилось из города, куда складывалось наиболее ценное, и знали, как имущество колонии охранялось. Фактически, им оставалось только успешно осуществить хищение, чтобы остаться неразоблаченными. Иногда «глоты» вместо себя, чтобы избежать кары, хитро подставляли так называемых «сявок».

«Сявки» - многочисленная когорта ребят 12-14-ти лет, совершавших мелкие кражи на базарах, вокзалах, улицах. «Сявки» были энергичной, жизнестойкой и активнейшей частью колонистов. Они имели опыт в бесконечных путешествиях по стране. Зимой «сявки» пересиживали в каком-либо детском доме, а летом искатели приключений мчались в тамбурах или на крышах вагонов железнодорожных составов в «неведомые» края за «синей птицей». «Сявки» дружили с «глотами», ибо получали от них небольшую долю с «добычи» и пользовались их покровительством. «Глоты» для «сявок» были наивысшим авторитетом и «примером» в колонистской жизни.

Но, по сути, воспитанники оставались по-прежнему беспризорными детьми, так как никто не имел опыта работы с такой категорией детей. А Куряжский эксперимент по созданию единственной большой колонии, превратил детское учреждение в полуворовской притон, рассадник полууголовных элементов, с которым его создатели не справились.

Педагоги жили в многочисленных колонистских домиках, которых немало осталось от старого времени. Педагоги сначала стремились устроиться надолго, поэтому жили с семьями, в Куряж привозили различное имущество, которое в глазах колонистов, как оказалось, имело неплохую базарную ценность. При первой же возможности колонисты начали похищать имущество педагогов, которые вынуждены были защищать свое добро хитроумными запорами. Колонисты с удовольствием приняли этот джентльменский вызов. Пошли в ход отмычки и другие средства вплоть до взлома дверей, штурмовались окна, атаки колонистов на педа-

гогические квартиры не прекращались до самого прихода горьковцев. Учитель Соболев здоровенный, красивый мужчина, имел прекрасную смушковую шубу, и ребята настойчиво охотились за ней, но Соболев свою квартиру превратил в непреступный замок. «Глоты» шли на различные ухищрения, но шуба оставалась на плечах хитрого учителя.

Но чаще всего в неравной борьбе педагоги все-таки вынуждены были капитулировать перед настойчивой ватагой малоимущественной колонистской братии. Мало-помалу все более или менее ценное имущество перекочевывало в Харьков на базар. В квартирах педагогов оставалось только то, что не имело спроса на рынке и интерес к квартирам педагогов постепенно начал иссякать. Жизнь педагогов, как и их пустые квартиры, была неинтересной, проходила под давлением страха, от присутствия в колонии уголовников. Понимали ли педагоги во главе с директором колонии Уткиным какую роль в борьбе с хищениями мог бы сыграть организованный колонистский коллектив ребят? Думается мне, что понимали, но обстоятельства сложились так, что педагоги в основном только и занимались личными делами, а не воспитанием нашего брата, поэтому целенаправленная воспитательная работа практически отсутствовала. В этом был основной порок Куряжского педагогического состава и его руководства в то время.⁵

Таким образом, как свидетельствует очевидец, одной из главных причин развала созданной единственной крупной в Харькове в 1924 году колонии в Куряже, было отсутствие профессионализма у педагогического коллектива, возглавляемого директором Уткиным в работе с контингентом детей беспризорных и правонарушителей. И это несмотря на хорошее, по тем временам материально-техническое снабжение.

Попытка организовать крупную детскую колонию для беспризорников длилась с августа 1924 года по май 1926 года.

В это время подобная трудовая колония им. М. Горького под Полтавой, созданная А.С.Макаренко в 1920 году, успешно развивалась: работал коллектив воспитанников с самоуправлением через «Совет командиров», воспитанники учились в школе и тру-

дились в сельском хозяйстве, имели свои мастерские - сапожную, столярную, швейную, кузницу. Колония жила с перспективой. К 1926 году, когда численность воспитанников колонии достигла 120 человек, им стало тесно в небольшом помещицком имении Трепке в селе Ковалевка. Горьковцы искали место, где бы можно было развернуться с хозяйством для более успешного развития колонии.

Двухэтажная монастырская гостиница, оборудованная под спальни для мальчиков. Куряж. 1928 г.

Наркомпрос Украины предложил горьковцам перебраться в Куряж. Харьковская власть, крайне обеспокоенная положением в колонии, вначале не соглашалась. Но все же харьковские чиновники приглашают для решения проблемы с беспризорниками «человека со стороны».

Антону Семеновичу «загаженный Куряж», каким он его увидел в первое знакомство, пришелся не по душе, тем более со славой «бандитского гнезда». Но близость его к столице Украины, каким тогда являлся Харьков, город рабочих и студентов, и увиденное им тяжелое положение младших детей-куряжан, заставила задуматься. Здесь его воспитанники могли устроить свои судьбы, продолжить учебу и найти работу. Важным стало и то, что переезд в Куряж для горьковцев стал экзаменом проверки силы и жизнедеятельности коллектива. И на общем собрании своей колонии, горьковцы решили «завоевать Куряж», спасти куряжан от дальнейшего морального падения. Будущий великий педагог приезжает не один. Документ от 23 апреля 1926 года называется: «О переводе детколониим. Максима Горького из Полтавы в Куряж».⁶

Вот как вспоминает о своем приезде А.С.Макаренко в «Педагогической поэме»: «Пролетев километров шесть от города Харькова по песчаной скучной дороге, взобрались мы на пригорок и въехали в облезшие ворота монастыря. Посреди круглого двора бесформенная громада древнего, тем не менее безобразного храма, за ним что-то трехэтажнос, а по окружности длинные приземистые флигели, подпертые полусгнившими крылечками. Немного в сторону по краю обрыва деревянная двухэтажная гостиница в период перестройки. По углам и закоулкам попрятались черт его знает из чего слеplенные домики, сарайчики, кухоньки, всякая дрянь, скопившаяся за триста молитвенных лет. Меня, прежде всего, поразил царящий в колонии запах. Это была сложная смесь из уборных, борща, навоза и ... ладана. В церкви пели, на ступенях у входа сидели сухие несимпатичные старухи и, наверное, вспоминали о тех счастливых временах, когда было у кого просить милостыню. Но колонистов не было видно».⁷

Более подробно об остатках монастыря упоминает в своих воспоминаниях воспитанник колонии 7-го Ноября и колонии им. М.Горького А.Кадысон: «Километрах в восьми от Харькова, не вдалеке от большой Ахтырской дороги (рядом проходит дорога Харьков-Сумы) расположился на холме, окруженный с трех сторон полями, лугами, лесами, рощами и паркообразными насаждениями Куряжский монастырь, основанный Харьковской знатью в 1673 году. На юг и на запад от него виднелись живописные селения, типичные для восточной Украины, утопающих в зелени, население которых батрачило на чужих землях и скотоводческих фермах, а также обслуживало монастырскую братию.

Мощными полуторасажеными стенами из красного кирпича, скрепленного крепким известковым раствором, была обнесена центральная монастырская усадьба.

При входе в монастырь стояла высокая с воротами звонарня. В середине большого двора расположена зимняя богато орнаментированная церковь, а чуть поодаль находилась летняя церковь. Невдалеке за оградой, на спуске с холма по направлению к монастырскому пруду находилась огромная, аляповатой архитектуры

монастырская деревянная гостиница. Над обрывом холма, к западу стояла часовня и в ней над источником словно магнит, притягивающий людей к Онуфриевской церкви, помещалась чудотворная икона, приносившая доход монастырю от прихожан-богомольцев.

В дни Гражданской войны парковые насаждения частично были вырублены, источник стал скудеть, часовню разграбили, почти все стены монастырского забора разобраны, обветшавшая звонаря стала прибежищем голубей и грачей. Бывшая летняя церковь, с которой сняли главы, превратилась в трехэтажное здание, и в нем разместили колониальный клуб без мебели, где, несмотря на две утермаровские печки был холодный зал, столовая на 150-200 человек, несколько спален для мальчиков и девочек, административные службы (контора), в том числе кабинет заведующего колонией.

У подножья холма находился захламленный пруд - рассадник малярийного комара».⁸

А.С.Макаренко в своих работах отмечал, что в Куряже в 1925 году колонисты разворовали имущества на 30 тыс. рублей, а в 1926 году только за первых 4 месяца - на 14 тыс. рублей. При этом, каждому колонисту тогда ассигновали на одежду в год 28 рублей. Материальная база колонии для проведения трудового, особенно сельскохозяйственного обучения, была неплохой. Колонии принадлежало 120 га различных и неплохих угодий, среди которых были и богатые черноземы. Из них более 50 га занимали пахотные и огородные земли. До 30 га было занято лесом. На остальной территории были расположены всевозможные дома, сараи и другие подсобные помещения. В колонии имелись лошади, коровы, свиньи, необходимый сельскохозяйственный инвентарь, ряд добротных хозяйственных построек.

В столярно-слесарной мастерской было более десятка различных станков для проведения работ с деревом и металлом. Относительно неплохо была оборудована швейная мастерская. Сапожная мастерская имела необходимый набор сапожного инструмента. Для охвата трудовым обучением всех колонистов была

необходимая база. Но столярно-слесарная мастерская всегда была на замке, ибо инструменты и материалы были разворованы колонистами, а сапожная мастерская по тем же причинам, влачила жалкое существование. Лучше всего работала только швейная мастерская для девочек.

Все сельскохозяйственные работы ложились на плечи вольнонаемных рабочих. Возле звонарни в небольшом флигеле жило около десяти 16-18 летних подростков, они-то и занимались сельскохозяйственными работами. Им были созданы лучшие условия, доплачивали небольшие деньги и «кормили» различными обещаниями. Вот пахотные земли и были засеяны хлебными культурами.

В «Педагогической поэме» упоминается: «Халабуда настойчиво тянул на поле.

- Сто двадцать десятин! Богатство!

- Озимые посеяны? - спросил Макаренко неосторожно.

- Озимые! - Вскричал в восторге Халабуда. - Тридцать десятин жита, считайте по сто пудов, три тысячи пудов одного жита! Без хлеба не будем. А жито, какое? Если люди будут сеять жито, можно одно жито. Пшеница - это что? Житный хлеб, ты знаешь, немцы его не могут есть, да и французы не могут . . . А наш брат, если есть житный хлеб...

Мастерские нам не удалось посмотреть: кто-то таинственный владел ключами, и никакие поиски заведующего не привели к выяснению тайны. Мы ограничились тем, что заглянули в окна. Здесь были штамповальные станки, деревоотделочные и два токарных, всего двенадцать станков. В отдельных флигелях помещались сапожная и швейная - мастерские.

- У вас сегодня праздник, что ли?

Заведующий Уткин не ответил. Юрьев взял снова на себя этот каторжный труд:

- Я вам удивляюсь, Антон Семенович, Вы должны уже всё понять. Никто здесь не работает, это общее положение. А, кроме того, инструменты раскрадены, материала нет, энергии нет, заказов нет, ничего нет. Да ведь и работать никто не умеет.

Собственная электростанция, о которой Халабуда тоже рассказал целую историю, само собой, не работала: что-то было поломано.

... Я бродил по колонии до наступления темноты, обуреваемый самыми тяжелыми мыслями. На самом древнем круглом пространстве, огороженном трехсотлетними стенами саженной толщины, с облезлым bestолковым собором в центре, на каждом квадратном метре загаженной земли росли победоносным бурьяном педагогические проблемы.

В пошатнувшейся старой конюшне, по горло утонувшей в навозе, в коровнике, представлявшем собой богадельню для десятка старых, дев коровьего племени, на всем хозяйском дворе, в изломанной решетке уничтоженного давно сада, по всему пространству, окружавшему меня, торчали засохшие стебли соевоса. А в спальнях колонистов и поближе к ним, в пустых квартирах персонала, в так называемых клубах, на кухне, в столовой на этих стеблях качались тучные ядовитые плоды, которые я обязан был проглотить в течение самых ближайших дней.

Вместе с мыслями у меня расшевелилась злоба. Я начинал узнавать в себе гнев тысяча девятьсот двадцатого года. За моей спиной вдруг обнаружился соблазняющий демон бесшабашной ненависти. Хотелось сейчас, немедленно, не сходя с места, взять кого-то за шиворот, тыкать носом в зловонные кучи и лужи, требовать самых первоначальных действий; нет, не педагогики, не теории соевоса, не революционного дома, не коммунистического пафоса, нет, нет, - обыкновенного здравого смысла, обыкновенной презренной мещанской честности. Злоба потушила у меня страх перед неудачей...»⁹

Несмотря на педагогические успехи А. С. Макаренко, новая власть не признавала новатора. Руководитель комиссии Наркомпроса Брегалъ как-то сказала: «Коллектив у вас чудесный. Но это ничего не значит, методы у вас ужасные».¹⁰

И в чем же обвиняли А.С. Макаренко в период его работы в Полтаве? Об этом говорит один из персонажей «Педагогической поэмы», профессор Чайкин: «Конкуренция между воспитанни-

ками: кто больше сделает - того хвалят, кто меньше - того порицают. Поле пахали, и была конкуренция. Конкуренция - метод сугубо буржуазный. Вы выдаете карманные деньги не всем поровну, так сказать, пропорционально заслугам. Наказание воспитывает раба, а нам нужна свободная личность, определяющая свои поступки не боязнью палки или другой меры воздействия, а внутренними стимулами и политическим сознанием...»¹¹

О том, как было принято решение власти о переводе его в Харьков Макаренко пишет кратко: «Наконец меня вызвали в кабинет высокой организации. Бритый человек поднял голову от бумаг и сказал:

- Садитесь, товарищ Макаренко.

В кабинете были Джуриная и Клямер.

Я уселся.

Бритый негромко спросил:

- Вы уверены, что с вашими воспитанниками вы одолеете разложение в Куряже?

Я, вероятно, побледнел, потому что мне пришлось прямо в глаза, в ответ на честно поставленный вопрос, солгать:

- Уверен».

Но, конечно же, Антон Семенович прекрасно отдавал себе отчет о многочисленных проблемах при слиянии двух колоний. Было очевидно, что без конфликта не обойтись, и тогда Антон Семенович сделал вывод о том, что в подобных ситуациях «педагогика без риска быть не может». Хирург тоже рискует, когда делает операцию! Но риск меньше, когда наилучшим образом подготовлена операция. И Антон Семенович начал готовиться к педагогической операции «Завоевание Куряжа»: «Подготавливаясь к борьбе с Куряжем, я рассчитывал на один молниеносный удар, - куряжан надо было взять сразу; всякая оттяжка надежды на эволюцию, всякая ставка на «постепенное проникновение» обращали всю нашу операцию в сомнительное дело. Я хорошо знал, что, постепенно проникать будут не только наши формы, традиции, тон, но и традиции Куряжской анархии. Харьковские мудрецы, настаивая на «постепенном проникновении», собственно гово-

ря, сидели на старых, кустарной работы, стульях: хорошие мальчики будут полезно влиять на плохих мальчиков. А мне уже было известно, что самые первосортные мальчики в рыхлых организационных формах коллектива очень легко превращаются в диких зверенышей. С «мудрецами» я не вступал в открытый спор, арифметически точно подсчитывая, что решительный удар окончится раньше, чем начнется разная постепенная возня».¹²

Более строго и непредвзято о причинах, побудивших Макаренко «взять» Куряж, о том, какую борьбу вели чиновники с Педагогом, чтобы не уронить лица, свидетельствуют документы. Вот что сообщает газета «Харьковский пролетарий» о причинах перевода колонии им. М. Горького в Куряж (сохранен стиль оригинала):

«Вопрос о борьбе с детской преступностью находится в тесной связи с вопросом о беспризорности. До тех пор, пока будет существовать беспризорность, вопрос о детской преступности не будет сходиться с повестки дня нашей общественности. Однако, при нынешних условиях борьба с детской преступностью усложняется не только из-за наличия большого числа беспризорных, но и из-за отсутствия соответствующего кадра работников, на обязанности которых лежит воспитательная работа среди беспризорных, и особенно среди малолетних правонарушителей.

Харьков, привлекающий к себе много сотен беспризорных и являющийся одним из главных центров детской преступности, особенно сильно испытывает эту нужду в специалистах - педагогах. Окружная харьковская комиссия по делам несовершеннолетних преступников /!/ за последние три месяца пропустила 1. 800 подростков, совершивших крупные правонарушения. Эта масса детей нуждается в перевоспитании. Однако отсутствие специальных заведений и работников не дает возможности поставить это дело на должную почву.

Возьмем, к примеру, Куряжскую детскую колонию. В ней живет много правонарушителей, однако, педагогическая работа, ведущаяся среди них, оставляет желать много лучшего.

Между тем в настоящее время назревает возможность перевода в Куряж Полтавской колонии для малолетних правонаруши-

телей имени Максима Горького. Это опытно-показательное учреждение Наркомпроса является одним из лучших в СССР. В этой колонии работает коллектив из 35 специалистов, единственный на Украине, имеющий большой опыт в деле воспитания детей - преступников. Наркомпрос готов перевести эту колонию в Куряж в полном составе служащих и воспитанников со всем имуществом, принадлежащим колонии, с оборудованием и т.п. Нашей Окринспектуре Наробраза будет предоставлено в колонии 150 мест для малолетних правонарушителей. Колония останется на содержании госбюджета.

Не приходится много говорить о том большом значении, которое будет иметь эта колония для Харькова. До сих пор Окрпомдету нередко приходилось обращаться в колонию имени Максима Горького с ходатайством о приёме в нее Харьковских правонарушителей. На устройство там детей Помдету приходится затрачивать не мало средств, но не всех детей возможно устроить.

Куряжская же колония, находящаяся в чрезвычайно плохих условиях, вместе с тем поглощает большие средства. Дети не получают там того, что могли бы получить при хорошей постановке дела. Перевод Полтавской колонии, несомненно, оздоровит ту ненормальную атмосферу, которая наблюдается в Куряже.

Вопрос о переводе в Куряж Полтавской колонии, однако, не у всех встречает сочувствие. Высказываются опасения, что Наркомпрос через некоторое время передаёт эту колонию на содержание местного бюджета, что ляжет тяжелым бременем на наш окружной бюджет. Вопрос серьезный, необходимо взвесить все данные - за и против.

Но правильно ли, на основании одних предположений о будущей политике Наркомпроса в этом деле, решать в отрицательном смысле вопрос, столь важный для правильной постановки дела борьбы с детской преступностью в Харькове.¹³

З протоколу №124/154 от 23.4.1926 г. об'єднаного засідання президіу Харківського окрвиконкому та Міської Ради

Головує - тов. Гаврилін І. Д.

Слухали:

1. Про перевід дитячої колонії ім. Максима Горького з міста Полтави до Куряжу та перевід Курязької колонії до Вівчанська. / ОкрІНО т. Махно, Окрплан т. Канторович, представник Наркомосу т. Берлін /!//

/Справа ч. 20/, вх. 12277, 13518. Прот. През. ОВК У № 120/150, арт. 316/ІУ-26 р./

Ухвалили:

1.а/ Погодитися з пропозицією Накомосвіти про перевід із міста Полтави до Куряжу досвідно-показової дитячої колонії ім. Максима Горького при обов'язковій умові, що утримання цієї установи Наркомосвіти залишена, як досвідно - показову за рахунок державного бюджету.

Прохати Раду Народних Комісарів підтвердити цю постанову. Визнати за необхідне, аби Наркомосвіта поширила цю колонію до 300-350 чол. після її переведу до Куряжу, з тим щоб можна було підібрати дітей із вулиць Харкова.

б/ Доручити Наркомосвіті приступити до складання угоди з Наркомосвітою про порядок та умови переведу колонії.

в/ В додаток до цього визнати за необхідне, щоб Наркомосвіта взяла на себе не тільки всі витрати по переведу і перевезу колонії ім. Горького із Полтави до Куряжу, але ж і часткові витрати переведу з Курязької колонії дітей, що утримуються за рахунок Помдіту до м. Валки, вважаючи на те, що цей перевід зв'язаний з переведом колонії з Полтави.¹⁴

Сообщение газеты «Харьковский пролетарий» о переводе колонии им. Горького в Куряж:

«Воспитательная работа в наших детских учреждениях очень часто наталкивается на затруднения. В этих домах, помимо нормальных детей, имеется большое количество правонарушителей, нуждающихся в особых методах воспитания. К сожалению, наличные кадры педагогов-воспитателей недостаточно знакомы с этой работой. В результате малолетние правонарушители, не поддаваясь обычному воспитанию, разлагают остальных детей. Особенно много правонарушителей имеется в Куряжской детской колонии. Здесь они составляют добрую половину всего детского

населения. Несмотря на то, что на организацию трудовой колонии затрачены изрядные средства, колония находится далеко не в удовлетворительном состоянии и даже угрожает полным упадком.

В связи с этим встал вопрос о переводе в Куряж прекрасно оборудованной полтавской трудовой колонии им. Максима Горького. Эта колония является опытно-показательным учреждением Наркомпроса. Постановка воспитательной работы среди беспризорных налажена здесь образцово. Квалифицированный штат педагогов этой колонии имеет большой опыт в деле воспитания малолетних правонарушителей. Их педагогическая работа дала прекрасные результаты: 80% всех воспитанников колонии являются комсомольцами. Случаи побегов из колонии чрезвычайно редки, составляют 1%.

Хозяйственное положение колонии хорошее. Она регулярно получает прибыль от своего хозяйства.

Наркомпрос считает чрезвычайно важным и необходимым перевод Полтавской колонии в Куряж, так как этим достигается ряд положительных результатов.

Вопрос о переводе Полтавской колонии в Куряж обсуждался на расширенном заседании президиума Окрисполкома и Горсовета. Президиум признал возможным перевести колонию в Куряж при условии оставления её, как показательного учреждения, в ведении Наркомпроса и постановления Совнаркома о дальнейшем нахождении колонии на госбюжете.

Вторым необходимым условием Окрисполком считает отнесение за счет Наркомпроса всех расходов по переводу колонии и по размещению детей, находящихся сейчас в Куряже в другие детские учреждения. Колония постепенно должна быть расширена для того, чтобы правонарушители, находящиеся в детдомах Харьковщины, могли быть переведены сюда».¹⁵

В письме А.М.Горькому после окончания баталий и получения результата, Макаренко не скрывает истинных интересов всех участников этого решения.

Письмо А.С.Макаренко А. М. Горькому от 8.5.1926 г.

«Полтава, 8 мая 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Только вчера окончилась страстная борьба за Куряж. Я уже Вам писал, что, потерпев поражение в войне за Запорожье, мы поставили вопрос о передаче нам имения бывшего Куряжского монастыря в 7 верстах от Харькова. В первые же дни вопрос как будто был решен окончательно, но потом нашлись другие претенденты и заварилось целая каша, потому что «Засватана дівка всім гарна». Харьковская Комиссия Помощи детям, которой принадлежит нынешняя весьма неудачная колония в Куряже, не хотела передавать колонию нам главным образом потому, что не хотела признать своей неудачи, и надеялась в будущем поправить дело. Мы требовали от комиссии 20 000 рублей на ремонт домов, приведенных в негодность. Комиссия согласилось дать нам 50 000, но с тем условием, чтобы колония по-прежнему называлась «Куряжской колонией им. 7-го Ноября» и была ответственна перед Помдетом. На общем нашем собрании единогласно было заявлено категорическое требование, чтобы колония называлась «Харьковской колонией им. М. Горького» и подчинялась Наркомпросу. Помдет на это не согласился и, пользуясь тем, что ставки жалованья Наркомпроса очень малы (воспитатель у нас получает 48 рублей), гораздо ниже ставок Помдета, предложил перейти в Куряж нашему персоналу. Когда наши хлопцы узнали об этом, возмущению не было границ. Воспитателей стали подозревать в желании «продать Горького». Нужно сказать, что эти подозрения были неосновательны. Разумеется, каждому лучше жить под Харьковом и получать 90 рублей, но без меня и без наших хлопцев ехать в Куряж на растерзание 200 малыми хулиганами никто бы не решился. Независимо от этого каждому воспитателю имя Ваше дорого, как наше знамя.

В последнем счете мы одержали победу. Договор подписали. Копию Вам посылаю. У нас страшный подъем.

В то же время переживаем очень большое напряжение. В Куряже все работники снимаются. 200 детей, какие там имеются, представляют из себя огромный клубок, копошащихся в грязи распущенных подростков, привыкших к пьянству и матерной ругани.

Перебросить в Куряж наших 130 хлопцев немедленно, значит создать там сразу два враждебных лагеря. Наши будут задиать носы, и задаваться, куряжане от стыда и старого озлобления будут смотреть на нас, как на завоевателей. Поэтому я решил ехать один. Надеюсь, что мне удастся заразить куряжан хоть небольшим пафосом, увлечь моей верой в их человеческую ценность / Вашей верой/. Тогда они смогут встретить наших хлопцев с некоторым достоинством, тем более что я постараюсь их организовать и поставить на работу.

Не скрою, я немного побаиваюсь. Мне еще не приходилось сразу нарушать свою волю и нервы такой массой человеческого несчастья, принявшего уже формы застаревших язв.

Завтра я с двумя воспитанниками выезжаю в Куряж принимать колонию. Вам будем сообщать о нашей работе.

Разрешите в этот критический, может быть, самый интересный момент в жизни нашей колонии приветствовать Вас от имени всей колонии и благодарить за ту энергию и бодрость, которую сообщает нам одно Ваше имя, не говоря уже о живом общении с Вами.

Преданный Вам А. Макаренко».¹⁶

Вскоре Антон Семенович приступил к реализации своего плана. О нем он написал в письме А.М. Горькому от 23.5.1926 г.

«Дорогой Алексей Максимович!

Пишем из Куряжа. Сюда собрался первый наш эшелон - 4 воспитателя, 11 воспитанников и старший инструктор. Вот уже две недели спим на столах и кое-как организуем новую жизнь. Трудно представить себе большую степень запустения, хозяйственного, педагогического, просто человеческого. 200 детей живет, не умываясь, не зная, что такое мыло и полотенце, загаживая все вокруг себя, потому что нет уборных, отвыкли от всякого подобия работы и дисциплины. Но дети в общем хорошие, мы надеемся, что за лето их удастся привести в некоторый порядок. Очень надеемся на организующее влияние горьковцев. После завтра они уже грузятся в вагоны, и числа 27, вероятно будут здесь. Как нашим хлопцам, так и работникам придется, вероятно, еще долго жить во временной обстановке, т. к. здания все крайне запущены,

требуют большого ремонта. Жизнь начинается интересная и странно напряженная. Самая главная задача - изжить потребительскую философию наших питомцев. Ко всему они подходят с единственным вопросом: нельзя ли потребить? Очень любят лечиться: приблизительно 30% больных всякими болезнями. Мы надеемся, что огромная работа по ремонту и развитию хозяйства поможет нам перевести эту философию на рабочие рельсы.

Положение наше затрудняется тем, что борьба за Куряж еще не окончена. Наши враги пустили в дело последнее средство - пытались опорочить Полтавскую колонию и добились даже посылки в Полтаву представителя РКИ для обследования. Это очень понизило, было, наше настроение - просто стало обидно. Разве можно обследовать колонию, которая вся запакована в ящики, откуда уже уехал заведующий и большая половина персонала?

Теперь к этой обиде уже привыкли. Как-то хочется смотреть больше вперед. Мешают очень церкви, колокольни бывшего монастыря в самом центре нашей усадьбы. В главном храме совершаются служения, и мы представляем соединение двух стихий не соединяемых. Нужно много положить энергии, чтобы добиться сноса церкви.

К нам вчера вечером приехали гости. Софья Владимировна Короленко и заведующий Полтавской колонией им. В.Г. Короленко Ф. Д. Иванов. Они являются нашими наследниками - занимают нашу полтавскую усадьбу. Вчера они меня «накрыли». В Полтаве мы сговорились, что посевы мы уступаем им за 1600 рублей, а в Харькове они завлекли меня в кабинет к важному лицу, и я, по своей провинциальной скромности, принужден был уступить посевы за 1200 рублей, за это я их тут же в кабинете выругал «интеллигентами».

Но люди они страшно хорошие и так приятно, что они навестили нас в нашей яме. Дорогой Алексей Максимович, к Вам большая просьба: если Вам не трудно и если Вы находите удобным, напишите несколько слов благодарности президиуму Харьковского Окрисполкома в лице его председателя тов. Гаврилина. Они оказали нам огромное доверие, защищая нашу колонию и выдер-

жав большую борьбу из-за нашего перевода. Это обстоятельство в особенности понуждает нас все сделать, чтобы колония Вашего имени и под Харьковом справилась с задачей.

Будьте здоровы. Приветствуем Вас в самый критический момент нашей работы. Преданные Вам горьковцы.

А. Макаренко.

Наш новый адрес: Харьков, Песочин. Почтовое отделение. Колония им. М. Горького.¹⁷

Приехав в Куряж со своими ребятами горьковцами, на общем собрании колонии Макаренко рассказал о необходимости объединения двух колоний. Он сообщил также, что часть горьковцев останется жить в Куряже, чтобы на собственном примере убедить куряжан в светлом будущем, рассказывая о достижениях колонии им. М. Горького. Один из участников собрания красочно описывает события тех дней: «Все собрались в клубе, мы стояли, ибо мебели в зале не было. На собрании с речью выступил Антон Семенович, Он лаконично, но красочно рассказал о колонии Горького, о том, какие стоят задачи перед объединением двух колониетских коллективов, и каким путем мы будем их решать. Горьковцы провели перепись колониетов Куряжа, предварительно распределили нас по отрядам, выделили командиров отрядов, пока что временно наших ребят, до приезда всего коллектива горьковцев. Антон Семенович обратил наше внимание на то обстоятельство, что улучшение жизни мы можем добиться, если будем ежедневно работать по шесть часов. Работать будем после завтрака до обеда, и после обеда до 17 часов. Указал и на то, что этот труд для нас всех обязателен. Школа начнет свою деятельность позже, и посещение школы тоже будет обязательным. Антон Семенович нарисовал нам обширнейшую перспективу на создание своего большого хозяйства, которое улучшит материальную сторону нашей жизни. Поэтому работать начинать, нужно было с сегодняшнего дня. Хорошо помню, какие работы были обозначены первоочередными: уборка спален и двора, копка грядок для цветников, подготовка участка для строительства большой оранжереи, разборка кирпичной монастырской стены для строительства свинар-

Н.И. Иванов, директор
Харьковской
ювелирной фабрики

ни. Все работы распределялись по отрядам и по справедливости. Выполненную работу должны принимать ежедневно специально назначенные лица. Для выполнения работ из города привезли различный инвентарь: лопаты, грабли, вилы, метелки и прочие хозяйственные мелочи.

Привезли так же несколько сот тарелок, деревянных ложек и кружек. Установили твердый распорядок работы столовой. Завтрак с семи часов утра, обед с двенадцати часов дня и ужин с шести часов вечера. Столовая должна работать в две смены. Каждому отряду в столовой будет отведено постоянное место, есть будут все вместе отрядами. Командир отряда несет полную ответственность за все дела, связанные с питанием отряда.

В первых числах мая проведено было ещё немало различных реорганизаций, которые должны были содействовать началу дружной работы всех колонистов. Большинство из нас охотно поддержали новый порядок только в столовой. Четче стала работать столовая во времени, да и пища стала сытнее и вкуснее. Однако на работу практически никто из куряжан не выходил. Новый хозяйственный инвентарь лежал без дела. После завтрака, как и прежде, масса ребят отправлялась в город. Болтались, где попало, но стремились не опоздать на обед. Ибо новый порядок работы столовой закрывал надежно все прежние лазейки.

Вскоре А. С. Макаренко уехал. Приехавшие горьковцы из первого сводного и часто приезжавшие студенты из Харькова где-то до 20 человек самоотверженно работали, непокладая рук над наведением порядка в Куряже. Но намеченные на общем собрании работы почти не выполнялись из-за саботажа куряжан. Наши «глофы» и примыкавшие к ним колонисты куряжане с горьковцами не входили в конфликт. Они пассивно созерцали, как горьковцы взяли в свои руки бразды руководства делами колонии. Горьковцы

никого силой не заставляли работать, сами работали, напряженно утверждая, что основной состав горьковцев нужно встретить хоть каким-то порядком и чистотой.

С приездом горьковцев-студентов стали упорно распространяться слухи о том, что в Куряж переедет жить колония им. М. Горького, которая находилась под Полтавой. В кулуарных разговорах утверждали, что заведующий колонией Горького бывший военный, установивший военный порядок, что «железобетонные» воспитатели ребятам и вздохнуть не дают. Говорили, что многие горьковцы, попавшие в колонию за уголовные дела, бывалые урки, и что все они возьмут «местных» в такие железные тиски, что и пикнуть никто не посмеет. Этим разговорам способствовали и некоторые работники Куряжа, дескать, приедут горьковцы, они то уж возьмут воспитанников - куряжан в ежовые рукавицы.

По многочисленным воспоминаниям самих воспитанников, в жарких дискуссиях большинство высказалось за изменение сложившихся порядков в колонии, и все с нетерпением ждали близких перемен, улучшения жизни. Но часть ребят во главе с «глотами» зло посмеивались над этими надеждами, утверждая, что они сумеют подчинить своей воле горьковцев, и воспитанников, и воспитателей. А если потребуется, то применят силу, рассчитывая на помощь своих харьковских дружков. Многие из колонистов в то время решили не стоять в стороне от надвигающейся схватки в борьбе с Куряжской анархией.

Одним из них, к примеру, Н.И. Иванов, который находился в Куряже до прихода горьковцев. Николай в колонию им. 7 Ноября попал за то, что грабил в Харькове ювелирные магазины. Ночью резал витринное стекло и через отверстие проволокой собирал выставленные ювелирные изделия, которые продавал в Харькове. По его воспоминаниям он в первую же ночь, когда приехали горьковцы, снял со спавших горьковцев одиннадцать одеял, дескать «знай наших». Долго куряжане бузотерили и мешали Антону Семеновичу в наведении порядка, но потом поняли, что Макаренко хочет лучшей жизни для куряжан, и стали ему во всем по-

могать. Это он, Иванов, с колокольни увидел первый, ехавшего на машине в Куряж А. М. Горького 8 июля 1928 года. В том же году его направили на учебу в рабфак при институте. В 1930 году Иванов поступил в институт. Потом работал на заводе имени Малышева, там же его приняли в 1939 году в Коммунистическую партию. С 1946 по 1956 год был советским и партийным работником, секретарем Ленинского райкома партии в г. Харькове. А на пенсию Н. И. Иванов пошел с должности директора Харьковской ювелирной фабрики.¹⁸

В Куряже установилось напряженное ожидание грядущих событий. В эти дни в основном никаких причин для столкновения между куряжанами и горьковцами не было, но и поддержки со стороны куряжан тоже не было. Так до приезда колонии им. М. Горького в Куряже существовало негласное перемирие между горьковцами и куряжинами, своеобразный статус кво. «Глоты» с «съявками» капитулировали, потому что представляли собой индивидуумов, которые могли объединиться в небольшие товарищеские группки, но они не составляли организации, имеющей общую высокую цель. Три десятка горьковцев для них не представляло опасности. Так что для мирного сосуществования двух колоний возникли реальные условия. Прибывших из Полтавы ребят узнали поближе. Вокруг них всегда собирались куряжане, чтобы узнать о жизни в колонии им. Горького.

С. Калабалин, К. Белковский, Н. Шершнев, А. Колос, П. Колос своим личным примером и трудолюбием с первых дней завоевали любовь и уважение многих куряжских ребят. Куряжане всё больше и больше группировались возле них. С каким-то ожесточением горьковцы приводили порядок в столовой, на кухне, в бане, в пекарне, наводили порядок в спальнях, убирали двор, словно бы боролись с вражьей силой. В колонии заметно стало чище и уютнее. Куряжане убеждались, что коллективным трудом можно добиться определенного успеха. Таким образом, первый сводный разведотряд успешно выполнил свою миссию.

Из рассказов горьковцев куряжане узнали, что у полтавчан создано их руками большое хозяйство: есть коровы, лошади, сви-

нии, сельскохозяйственные машины и всё это принадлежит колонистам. Но самое главное у них хороший, спаянный коллектив - большая трудовая семья, где все трудятся в меру своих сил, и все являются равноправными членами этого дружного коллектива.

День объединения двух колоний - 17 мая 1926 года. Часть из колонистов, вместе с директором Уткиным отправились к железнодорожной станции Рыжов. Пошло человек 150, шли неорганизованно, одеты были небрежно. К приезду поезда опоздали и встретились с приехавшими приблизительно за километр от станции. Когда они увидели колонистов-горьковцев, то оказались весьма удивлены. Стройные ряды колонистов со знаменем под оркестр шли в единой колонне. По команде Уткина куряжане стали строиться в две шеренги и не дружно прокричали «ура». Горьковцы же приветствовали восторженно, радостно, по-дружески.

В первую очередь куряжских колонистов интересовало: «Всегда ли так красиво одеваются горьковцы? Как кормят в колонии им. М. Горького? Не бьёт ли Макаренко воспитанников?»

Горьковцы отвечали сдержанно и с достоинством, что вот, мол, соберемся в клубе на собрание и там всё расскажем. Некоторые недоверчиво поглядывали на приезжих, думая о том, какова будет жизнь теперь при слиянии двух колоний, может быть еще хуже? Ведь самые отъявленные хулиганы, противники слияния двух колоний, говорили, что Макаренко будет чистить всех, кто под руку попадет.

Вот как вспоминает приезд горьковцев в Куряж один из воспитанников А. Кадысон.

«Был чудесный майский день, будораживший нас, настраивая на встречу со своими сверстниками из Полтавы, о которых ходило множество самых разнообразных слухов злых и добрых, выдуманных и правдивых. Где-то часов в одиннадцать наши вновь организованные отряды без должной четкости начали строиться на плацу для предстоящей встречи. При всех своих минусах мы уже не смотрелись толпой абсолютно неорганизованных колонистов, а представляли собой уже какой-то зародыш коллектива, во главе каждой его ячейки стоял выбранный командир, наделенный важ-

А. Кадысон,
воспитанник
А.С. Макаренко

ными функциями. И это был результат приезда в Куряж Макаренко и его воспитанников в начале мая. Отряды жадно, нетерпеливо ждали того мгновения, когда появится славная когорта юных горьковцев во главе со своим руководителем Макаренко. Воспитатели, которые приехали из колонии Горького после Первого мая готовили нас к встрече, и мы были им благодарны. Царил дух необыкновенного морального подъёма, вскоре до нашего слуха донеслись мощные звуки оркестра и барабанной дроби, напоминающие раскаты грома. Они медленно, но уверенно нарастали, по мере приближения к нашей усадьбе. Наконец в монастырских во-

ротах появился строй трубачей и барабанщиков, игравших в мажорном тоне встречу. За ними шел Антон Семенович в своей излюбленной форме - белой на выпуск рубашке, охваченной в талии узким кавказским ремешком. За ним шли одетые в белые майки, синие трусы в талии, перехваченные нарядными поясами, хлопцы, безукоризненными стройными рядами по шесть человек в шеренгу. Их головы украшали расшитые тюбетейки. В центре колонны находились девочки в нарядных синих юбках и белых кофточках. По сторонам и в конце радостно шествовали, встречавшие горьковцев наши куряжане. Всё ярко освещалось майскими солнечными лучами и на фоне зелени трав и деревьев образовался каскад неповторимых световых бликов на лицах ребят, инструментах духового оркестра и красного знамени, рождая ощущения радости и торжества. Мы, куряжане, были ошеломлены неожиданным и невиданным зрелищем прекрасного детского коллектива колонии им. М. Горького.

Дежурный педагог подал куряжанам команду «Смирно!» На передний фланг было вынесено богато разукрашенное бархатное красное знамя колонии им. Горького. Антон Семенович обратился к нам с небольшой речью. Он говорил о роли и значения этого

события в жизни объединенного отныне детского коллектива, о перспективах, которые открывались перед нами. После чего знамя было отнесено на место постоянного его хранения. Антон Семенович объявил, что через полчаса в клубе назначается общее собрание колонистов, а пока можно разойдись и познакомиться друг с другом.

Приехавшие ребята разбрелись по двору, с интересом рассматривая здания церквей, надгробные памятники, заглядывая во все уголки колонии. Многие наши ребята, как хозяева, сопровождали гостей, показывая свои владения. Но вот вскоре звонко заиграл горнист. Это оказался сигнал сбора на общее собрание. Пришли в клуб все, никто не хотел оставаться в стороне от важнейших событий дня, когда должна была решаться судьба каждого. Недовольные уселись отдельно своей кучкой.

Антон Семенович рассказал о будущей совместной жизни колонистов, о том, что теперь это единый коллектив, и интересы должны быть общие.

«Но работать придется всем», - объяснил Антон Семенович. Некоторым это, конечно, не нравилось, кое-кто из «глотов» выкрикивал недовольствие. А Антон Семенович продолжал рассказывать, как будем жить по-новому, он поставил перед всеми вопрос о том, чтобы все подумали, и те, которые не хотят работать, должны были выйти и сказать об этом честно коллективу. Но никто не вышел. Каждый по-своему представлял новую жизнь и развитие хозяйства в колонии, определял свое место в новом коллективе. Один из горьковцев прочитал постановление комсомольской организации колонии им. Горького, это постановление можно смело сказать, вносило тогда революционный переворот в наш жизненный уклад. Это была короткая декларация, которая провозглашала основные принципы и задачи, подлежащие выполнению в самое ближайшее время. Оно охватывало буквально все стороны нашей жизни. В этом документе предусматривалась организация новых двадцати отрядов колонистов, объединенной колонии. Все силы четырехсот колонистов должны были быть направлены, в первую очередь, на наведение санитарно-хозяй-

ственного порядка в помещениях и во дворе, в кратчайший срок необходимо было окончить огородные работы, ускоренными темпами необходимо разобрать кирпичную стену бывшего монастыря и построить современный свинарник на триста голов, на южном склоне куряжского холма посадить сад, вычистить пруд с таким расчетом, чтобы в ближайшее время колонисты могли в нем купаться. Предлагалось сегодня же, сразу после собрания сдать в кладовые носильные и постельные вещи для дезинфекции и ремонта, и получить новую одежду /труссы, рубашки голошейки, тюбикейки/, постричься, выкупаться. Были оглашены списки состава каждого нового отряда, указано имя командира. Горьковцев, как более опытных, поставили командирами, куряжан - заместителями.

Было намечено еще немало интересных мероприятий, но уже из приведенного достаточно, чтобы понять всю грандиозность намеченных мероприятий. Мы, как замороженные, слушали, что с нами должно было произойти в этот день. И вот зашумела, загудела, загудела и пришла в движение вся колония, все четыреста колонистов. Каждому надо было найти своего командира, свой отряд, пойти в свою спальню, вытрясти весь матрасный мотлох, всё своё тряпье и сдать его для дезинфекции, посетить парикмахера, получить новую одежду, сбегать на речку покупаться. На территории колонии нужно было найти место, где должен устроиться на ночлег отряд, ибо наши спальни подвергались дезинфекции. Каждому отряду было выделено минимум постельных принадлежностей. И уже через два-три часа всем стали видны плоды деятельности Антона Семеновича в Куряже.

Я вижу вокруг себя множество моих закадычных приятелей и с трудом узнаю их, как они на глазах у меня изменились. Где чубатые головы, грязные лица, руки и уши, засаленные и оборванные одежды? Передо мной стоят нарядные ребята, лица которых сияют от радости. Кто мог бы подумать что они, мои сверстники так спортивно сложены, выглядят цветущими, изменились вмиг не только внешне, но и разговоры стали преобладать коллективные над частными. Старшие ребята сами по себе начали шефствовать

над младшими. Задачи, возникавшие перед отрядом, решали совместно, и это спланивало нас, возникало чувство ответственности перед товарищами. Правда, не все были довольны новой спортивной одеждой, в которую мы все облачились, т. к. на базаре в Харькове, да в других значных местах в такой одежде делать было нечего, уж больно будешь заметен. Но для большинства из нас это огорчение было незначительным. Главное, что мы очистились от прошлого так быстро и решительно.

Но завоевание Куряжа продолжалось. Часа в три прозвучал сигнал на обед. Преобразования коснулись и столовой. Она стала необыкновенно привлекательной и красивой. Столы были покрыты настоящими белоснежными скатертями, которых сроду мы не видели в Куряже. В центральном месте были поставлены портреты вождей. Под звуки барабанного боя мы, стоя приветствовали наше горьковское знамя, которое внесли в столовую. Затем начался «пир на весь мир». Дежурные по столовой подавали нам наваристый мясной борщ, затем на доброй тарелке свинины с кашей, напоследок нам подали грамм по триста с гаком отличнейшего сливочного мороженого. От обеда мы были в восторге.

Так Антон Семенович в первый же день объединения двух колоний одержал блистательную победу в своём начинании по завоеванию сердец куряжских воспитанников. А необычный день продолжался. В клубе долго тянулись различные развлечения, главным образом неистовые украинские танцы с гопаком, которые лихо исполнялись ребятами и девушками. Знаменательный день для колонии им. М. Горького прошел пышно и торжественно. Вечером провели первый совет командиров в Куряже вместе с педагогическим коллективом, где наметили план работы на следующий день.

Начались героические будни. Еще солнце только позолотило верхушки многолетних деревьев - во дворе, точно в улье ожила жизнь. Всюду сновали ребята в ожидании распоряжений. В этот же день всех воспитанников разделили на пять коллективов, по четыре отряда в каждом. Всех ребят распределили по корпусам. Не было деления на куряжан и полтавчан, Антон Семенович зая-

Вынос знамени колонии им. Горького на торжественное построение.
На заднем плане вход в Спасо-Преображенскую церковь.

вил, что теперь весь коллектив является одной семьей и деление на отдельные две колонии не должно быть. Территория колонии была завалена строительными материалами: брёвнами, досками, обаполами, известью, цементом и т. д. Особенно активно строилась свинарня. Сюда были брошены самые лучшие силы колонистов. Триста свиней были под открытым небом. Все работали напряженно, результативно. Строение росло не по дням, а по часам. От того дня, когда был заложен первый камень, и до заселения свинарни прошло не более месяца.

Большая оранжерея ежедневно требовала много рабочих рук. Работа здесь была нелегкой, но двигалась так быстро, что всех нас радовала. Бывшая наша школа переоборудовалась под спальни, а значительная часть спален под школу. И на этом участке работа кипела. Были все основания предполагать - до первого сентября классы будут готовы принять учащихся.

Копались траншеи для проводки воды из звонарни, где был обнаружен огромный котел, который в свое время снабжал водой весь монастырь. По территории колонии прокладывались дорожки, которые утрамбовывались остатками от кирпичной стены. Их обрамляли нарядные бордюры, повсюду разбивались цветники,

Физические упражнения на церковном подворье

ставились прочные и изящные скамейки. Для различных спортивных игр строились современные спортивные игровые площадки.

Кипела напряженная трудовая жизнь на огородных участках колонии. Осуществлялась посадка плодовых и декоративных деревьев по всей территории усадьбы. Обаятельный, необычно работоспособный, будущий профессор Московского сельскохозяйственного института, Николай Эдуардович Фере творил чудеса с ребятами на наших земельных участках. Огородные участки приводились в идеальный порядок, здесь господствовала высшая агрономическая культура. Трудно было найти какой-либо сорняк на наших полях. На полях колонии введено было многополье, каждая полевая или огородная делянка четко отделялась от другой, всюду были аккуратно расставлены красиво написанные таблички, в которых указывались все необходимые данные их культур, это и нам, колонистам, помогало обогащать свой агрономический багаж. На южном склоне холма также кипела работа, высаживался террасового типа сад. Под опытным руководством напористого Николая Эдуардовича ребята работали вдохновенно. Каждое рабочее звено получало на неделю определенный участок рабо-

Группа колонистов в строю на фоне еще не разрушенной Спасо-Преображенской церкви. 1928 г.

ты. За проделанную работу несло ответственность звено во главе со своим командиром.

Чтобы количественно и качественно выполнить задание, мы, не привыкшие работать, теперь за каждый шестичасовой рабочий день выполняли столько работ, что не раз и сами удивлялись. Великая преобразующая сила труда содействовала росту нашего общественного самосознания. Коллективизм объединял нас, цементировал нашу взаимозависимость, развивал чувство ответственности. Принцип «один за всех, все за одного» приобрел для нас конкретный материальный смысл, реальное содержание. Конечно, работать было нелегко. Но наша работа приносила нам моральное удовлетворение. Когда Николай Эдуардович принимал нашу работу, хвалил нас, мы воспринимали эту похвалу как высшую награду. Поощрение еще больше сплачивало нас, создавало новые стимулы к работе.

Труд нас воспитывал морально, духовно, делал полезными участниками общего дела, вызывал гордость. С особым энтузиазмом

Группа воспитанников-куряжан на фоне домиков, в которых прежде обитали монахи

мы работали над очисткой большого, бывшего монастырского пруда, который за многие годы настолько заилился, что в нем нельзя было купаться. Ежедневно несколько десятков ребят среднего и старшего возраста работало по очистке пруда. Вначале ил выносили ведрами и носилками. Но такая работа давала слабые результаты, очистка пруда продвигалась медленно. Затем какая-то умная голова придумала очистительное устройство, которое при помощи лошадей стало за один раз вывозить ила гораздо больше, чем сделали вручную за всё это время. Работа пошла веселее, труд делался гораздо продуктивнее. Несмотря на грязь на этой стройке царил дух веселья, непринужденности, товарищеской спайки, дружбы. Все задания по очистке пруда не только выполнялись, а и в значительной мере перевыполнялись.

Наши студенты из Харькова во главе с Семеном Калабалиным были для нас образцом отношения к работе. Они были всегда на самых трудных участках, показывая образцы трудовой доблести. Это благоприятно действовало на наше сознание. За месяц рабо-

та по очистке пруда, была успешно выполнена и полностью завершена. Теперь не надо было ходить за два километра на реку, т. к. рядом был пруд. Это еще раз продемонстрировало нам силу коллективного труда.

Блистательный ум Антона Семеновича создал новые отряды таким образом, что в них входили инициативные и трудолюбивые горьковцы, которые заражали нас своей работоспособностью, даже какой-то страстью, и мы невольно следовали их примеру. Новое отношение к труду преображало наши души. Особое внимание Антон Семенович уделил организации и реорганизации мастерских. На них возлагали большие надежды. Во-первых, ребятам необходимо было дать рабочую квалификацию. Во-вторых, выполнить дорогостоящие работы непосредственно для нужд колонии. В-третьих, начать изготавливать заказы на сторону, что принесет денежные доходы колонии и улучшит финансовое положение колонии. В-четвертых, необычное сочетание производственного труда с школьным обучением разрешало проблему подготовки значительной части колонистов к самостоятельной жизни, способствовало получению знаний в средних и высших специальных учебных заведениях. В-пятых, в мастерских колонистам прививали любовь к труду, повышали моральный уровень для участия в труде на промышленных предприятиях страны. В колонии были не плохо оборудованные слесарная, столярная, сапожная, швейная мастерские. Разнообразными станками были оборудованы мастерские /до десятка/. Многие ребята хотели бы работать на станках. Совет командиров, инструктора производственного обучения сумели обеспечить мастерские всем необходимым оборудованием и материалами, укомплектовать колонистами все рабочие места в мастерских.

Под руководством Антона Семеновича была разработана программа трудового обучения. Мастерские стали приносить колонии изрядные доходы. Так, например, уже на протяжении 1926-1927 гг. сапожная мастерская изготовила 300 пар ботинок, швейная мастерская не только обеспечивала колонистов бельём, простынями, наволочками, полотенцами и т. д., а и выполняла зна-

чительные заказы со стороны. Столярная и слесарная мастерские также выполняли заказы для колонии и заказчикам. Доходы от мастерских служили важным подспорьем в улучшении материальных условий воспитанников.

Апофеозом коллективного труда стал День первого снопа, когда наиболее зримо проявился итог великих перемен, происшедших в объединенной колонии им. М. Горького за короткое время. Июньские дни, предшествующие Дню первого снопа, были наполнены радостным чувством приближения какого-то необыкновенного события в нашей жизни. Вся колония была занята подготовкой к этому величайшему колониистскому празднику. Труд сотворил человека, но и продолжал совершенствовать его, а в колонии им. М. Горького формировался человек-коллективист, которому предстояло жить в новую эпоху. Душой этого праздника был Антон Семенович - всесторонне одаренный человек. Было у него и немало талантливых помощников из сотрудников колонии и колониистов. Все эти силы были приведены в активное действие. Не было ни одного равнодушного к этому событию человека. Общими усилиями был разработан великолепный план проведения праздника. Накануне праздника совет командиров согласовал и утвердил комсомольской и пионерской организациями список лиц, которым в качестве поощрения за общественно-полезный труд присваивались высокие звания колонииста и старшего колонииста. Те, кто носил это звание, имели право получать небольшие карманные деньги. В числе счастливых оказался и я. Мне было присвоено звание колонииста.

Необычно красочно и торжественно при многочисленных гостях города Харькова прошел этот день в жизни нашей колонии. Он наполнил наши сердца гордостью за колонию, за её славные дела. В этом была, бесспорно, заслуга всего педагогического коллектива колонии им. М. Горького - полтавцев и, несомненно, нашего - куряжан. Значительная часть ребят нашего бывшего куряжского коллектива внесла в общий котел свой вклад.

Антон Семенович Макаренко, будучи выходцем из простой трудовой семьи, придавал труду огромное значение в формиро-

вании новых отношений в детских коллективах. Труд Антон Семенович считал основной деятельностью человека. Великое преклонение перед трудом пронизывало всю теоретическую и фактическую деятельность замечательного педагога нашей современности». ¹⁹

Однако не всё так гладко было с приходом А. С. Макаренко. А.Д. Свободный, также находившийся в эти годы в Куряжской колонии, вспоминает:

«Глоты» и «съявки» продолжали свои дела. В колонию приходили крестьяне соседних сел с жалобами на колонистов: то они обворовали, то ограбили, то устроили драку по пьянке. Очень трудно приходилось Антону Семеновичу и всему коллективу бороться с проявлениями хулиганства и подчас и бандитизма. Но Антон Семенович был волевым и настойчивым человеком. Даже с самыми отъявленными нарушителями он разговаривал спокойно и убедительно, стараясь внушать им мысль о необходимости оставить прошлое и начать новую, честную жизнь. Очень большое внимание он уделял воспитанию детского актива, на который можно было бы опереться в повседневной работе. Воспитанники-активисты были его лучшими помощниками, хотя ему и с ними приходилось работать немало.

В колонии уже не было таких, которые бы открыто выступали против колониистских порядков, но со стороны местных жителей - крестьян жалобы всё-таки поступили. Все были очень удивлены, когда Антон Семенович поймал двух воров из наших Козлова и Загорского, которые держали в страхе многих ребят, но прикрывались активным участием в общественной работе. Это были скрытые воры и преступники, которые на стороне творили черные дела, а в колонии выдавали себя за активистов. С такими подростками было очень трудно бороться и разоблачать их. Козлова и Загорского судили товарищеским судом. После этого случая многие ребята призадумались. Перед каждым стал выбор, каким путем идти в жизни. Мы, конечно, видели, как изменился к лучшему порядок в колонии, как помогали нам в выборе правильного жизненного

пути и без сожаления расставались со своим преступным прошлым, о котором нам никто не вспоминал в колонии.

Значительное место в работе колонии отводилось библиотеке. Библиотекарями были два коренных горьковца и один бывший куряжанин Петя Дроздук. В библиотеке, которую привезли полтавчане, насчитывалось более пяти тысяч книг. В ней оказались широко представленными отечественные и мировые классики, много было литературы для юношества. Мы знакомились с множеством газет и журналов, в том числе и литературных. Огромная комната в главном корпусе была оборудована самодельными столами и скамьями. Здесь же мы играли в шашки, шахматы и различные настольные игры. Увлекались колонисты интереснейшими техническими, военными и спортивными играми. Игры были так подобраны, что всесторонне развивали умственные способности. Библиотека одновременно могла обслуживать более двухсот ребят и соблюдать при этом образцовый порядок.

Вскоре после объединения двух колоний, Антон Семенович рассказал о жизни и деятельности Алексея Максимовича Горького, именем которого была названа Куряжская колония. После этого многие стали горячими поклонниками творчества Горького. Хотя его книг в библиотеке было много, после выступления Макаренко их трудно было заставить в библиотеке.

С приходом на работу в колонию педагога Виктора Николаевича Терского иначе стала вестись и клубная работа. Терский был человеком поразительной работоспособности, оптимист, верующий в творческие силы ребят, сам искуснейший изобретатель. В результате его кипучей деятельности было вовлечено в различную внеклассную работу огромная масса ребят. Виктор Николаевич знакомил их с интересными местами, организуя походы. Под его руководством выпускались всевозможные ребусники, стенгазеты. Все его начинания носили всегда творческий характер. Каждый участник кружка имел право проявлять свою инициативу, спорить, доказывать, экспериментировать, изобретать даже вечный двигатель. Виктор Николаевич строил свою работу так, чтобы ребята сами вносили свои предложения в культурно-массо-

вый быт колонии. Он глубоко анализировал любое предложение ребят то ли в проведении какого-либо мероприятия, то ли по изготовлению какой-либо модели и т. п. Всегда стремился содействовать умственному развитию колонистов. Глубоко уважая ребят, никогда не позволял себе обидеть кого-либо. Впоследствии В.Н. Терский написал солидную книгу об опыте своей работы по организации и проведению внеклассной работы. Он был заслуженным учителем РСФСР, награжден орденом Ленина, значком Отличник Народного образования РСФСР.

Антон Семенович выделил для школы лучшие помещения, в них был проведен тщательный ремонт. Классы были оснащены всем необходимым школьным инвентарем. Школьными досками, шкафами для хранения учебных пособий. Первого сентября школа готова была принять своих питомцев. Предварительно учителя провели большую и кропотливую работу по подготовке и распределению ребят по классам. Во внимание брались фактические знания того или иного колониста.

Каждый учащийся нес строгую ответственность за систематическое посещение школьных занятий. За прогул уроков строго наказывали. В школе проходила напряженная учебная работа: выполняли грамматические упражнения, решали задачи и примеры, заучивали на память стихотворения, правила. Постепенно втянулись в новый школьный ритм жизни. Уже через несколько месяцев все учащиеся школы ощущали положительные результаты учебы в школе. Прогулы, двоечники были редкими явлениями. С отстающими ребятами систематически работала группа преподавателей, да и товарищеская взаимопомощь помогало сравняться по знаниям со своими сверстниками. Большинство ребят школу посещало с удовольствием, т. к. она помогала познавать окружающий мир. В то время были введены отчеты перед ответственностью колонии - комсомольской и пионерской организацией о своей успеваемости. Были случаи затруднений в учебе некоторых ребят, назревал в коллективе конфликт, Антон Семенович разбирался, выясняя, в чем дело, помогал сложившиеся не-

благоприятные эксцессы изживать, ликвидировать. Школа работала как хорошо отлаженный механизм.

Куряжская колония была рассчитана человек на четыреста. Столько приблизительно их и было. Горьковцев приехало 130 человек. Перед Антоном Семеновичем возникла, очень деликатная проблема, как, каким образом разместить всех воспитанников. Легче всего было одним росчерком пера перевести сотню ребят в другие детские дома, тем более, что на это ему было дано соответствующее разрешение. Обычно ребят переводили из одного детского дома в другой, не спрашивая их согласия. «Переселенцы» безропотно подчинялись команде, ибо иного выхода не было. Решение принимали работники наркомпроса. Правда, некоторые ребята по различным причинам не подчинялись этим решениям и убегали из детдомов, которые им не нравились и вновь попадали в комиссию по делам безнадзорных детей, а комиссия обычно направляла их в основном туда, куда они просились. В Харькове на Панасовке был организован эвакуационный пункт, где беспризорники, находившиеся временно. Это был пункт для сбора всех переселенцев города Харькова и он пользовался у ребят особой популярностью. Отсюда ребят направляли в различные детдома. Вообще в конце двадцатых годов шел интенсивный процесс по ликвидации и реорганизации детских домов, поэтому для ребят было привычным путешествовать из одного детского дома в другой. Коекому это даже нравилось, и они по своей инициативе совершали эти вояжи. Это были своеобразные джеклондонские бродяги.

С приходом в Куряж горьковцев основная масса куряжан надеялась на изменение порядков в лучшую сторону и не хотела покидать колонию им. Горького. Эти настроения хорошо были известны Антону Семеновичу и он оставил в Куряже всех желающих.

До прихода горьковцев в Куряж в колонии им. 7-го Ноября не было точного учета воспитанников, многие беспризорники из Харькова приходили в колонию переночевать, а утром уходили в город. В 1926 году в колонии насчитывалось где-то около 400-450 воспитанников. Чтобы разместить 130 горьковцев, прибывших из Полтавы, решено было оставить в Куряже до 300 воспитанни-

ков куряжан, а их осталось больше, т.к. они надеялись на улучшение жизни в Куряже. Поэтому в разных документах встречалось различное число воспитанников, находившихся в Куряже в 1926 году.

В 1926-1928 г.г. в Куряже было немало ребят 15-18 лет и старше. Они прекрасно понимали, что неумолимо подходит такое время, когда надо серьезно подумать о своём ближайшем будущем. У этой категории колонистов была огромная тяга приобрести производственную квалификацию на харьковских предприятиях, поступить в фабрично-заводские училища, которые функционировали на базе начальной школы. С трудоустройством ребят из детдомов и колоний было трудно, сказывались экономические трудности в стране. Поэтому стать учащимися ФЗУ удавалось небольшой части ребят.

Антону Семеновичу пришлось решать вопрос трудоустройства старших ребят. С этой целью была организована летняя школа по подготовке ребят к экзаменам в ФЗУ. Ее посещало до ста ребят, работала она по особой учебной программе. Ребята понимали, что от их учебы в летней школе и успешно сданных в ФЗУ экзаменов зависит их будущая судьба. Опытные, высококвалифицированные учителя приехали с Антоном Семеновичем из Полтавы.

В соответствующих организациях Антон Семенович добился разрешения колонистам сдавать экзамены на крупнейших предприятиях города. В подавляющем большинстве экзамены были успешно сданы и ребята зачислены в соответствующие ФЗУ. Это вызывало ответную привязанность и любовь к нему тех, кого он окружал вниманием и заботой, сердечным участием, дал возможность стать полезным человеком для общества.

Антон Семенович приложил немало сил, чтобы объединить «старых» и «новых» горьковцев. Многие бывшие куряжане работали командирами отрядов, занимали различные ответственные посты в нашем сложном колонистском хозяйстве, возглавляли ряд участков внеклассной работы, отвечали за комсомольскую и пионерскую работу. За все колонистские дела все несли равную ответственность. Это сплачивало подростков.

До прихода А.С. Макаренко в колонии находилось около сорока воспитателей, а под его руководством работало всего пятнадцать человек, которые занимались воспитательной работой и частично преподавали в школе отдельные предметы. Прекрасно организованная работа педагогического коллектива дала результаты: все ребята работали, серьёзных нарушений дисциплины почти не было, прекратились кражи.

В колонии Антон Семенович поручал охрану колониистского имущества ребятам, колониисты воспитывались на доверии. Попасть в сторожевой отряд, вооруженный трехлинейными винтовками с боевыми патронами, было для каждого из нас немалой честью. При подборе очередного состава сторожевого отряда совет командиров скрупулезно обсуждал каждую кандидатуру. Попадали в отряд только те ребята, за которых единогласно высказывались все члены совета командиров. В результате такого тщательного просеивания в его состав попадали только надежные колониисты. В обязанности отряда входила охрана всего движимого и недвижимого достояния колонии.

Куряжане, привыкшие быть негласными хозяевами колониистского имущества, вначале смотрели на это с насмешкой и ждали его быстрого и неминуемого провала. Они искренне считали, что, как и прежде, так и с приходом полтавчан, будет действовать неизблемый принцип круговой поруки, согласно которому колониист не должен подводить, выдавать, ловить «своих», независимо от тяжести преступления. В противном случае грозила жестокая месть, либо уход из колонии. Но сторожевой отряд всех, кто попадался на воровстве, несмотря на угрозы, уверения, что он, дескать, «свой» и т. п., запирали в сторожку, а утром доставлял к Антону Семеновичу в кабинет. Затем шло разбирательство в Совете командиров и на общем собрании колониистов. На собрании перед лицом своих товарищей необходимо было рассказать, почему и как пошел на кражу, что думает сам о своём поступке, как бы он сам поступил с тем, кто совершил бы подобный поступок. Вначале обвиняемый, как правило, что-то лепетал, хмыкал, нес всякую чушь, что, мол, не виноват, нечаянно попал в эту историю,

что его сам чёрт попутал, что этого с ним не повторится. Ребята в такие минуты иронизировали, насмешливо ему сочувствовали, бросали язвительные реплики и окончательно обескураживали, добивали «героя» собрания своими насмешками. После такой жесткой критики виновный имел жалкий вид, где девались его «геройство» и спесь. Чаще всего таких ребят наказывали внеочередными нарядами по уборке помещений, двора. Со временем ребята все реже попадали на товарищеский суд, председателем, которого был неизменный Волков - парень кристально честный, неумолимый страж колониистских порядков.

Такая профилактическая работа в скором времени привела к тому, что кражи в колонии практически прекратились. Главное, колониисты осознали, что воруют у самих себя, у них исчез страх перед мезтью. В результате укрепилась вера в то, что Антон Семенович успешно справится и с другими сложными вопросами. Хотя кражи в колонии прекратились, сторожевой отряд продолжил нести свои охранные функции и это было необходимо потому, что иногда «палили» местные жители в наших сельскохозяйственных угодьях и в лесу.

С первого дня А.С. Макаренко организывает бурную деятельность по развитию у колониистов эстетических вкусов, приобщает их к прекрасному. Ребят начали красиво и добротнo одевать летом, и зимой. Во всех помещениях была идеальная чистота, за которой они все бдительно следили. Была построена великолепная оранжерея, которая давала изобилие разнообразных цветов. Везде в колонии от ранней весны до поздней осени вдоль аллей, домов, школы цвели сотни сортов цветов. Территорию колонии украшали клумбы разнообразных цветовых наборов, сочетание цветов не носило случайный характер. Тут чувствовался тонкий знаток. Только одни цветы начинали отцветать, как другие пышно расцветали, а третьи только чуть-чуть свои бутоны раскрывали. Возле цветников стояли скамейки. Ребята после трудового дня, расположившись на скамейках, вели оживленные беседы и нет-нет да глянут на дивную красоту цветников, вдыхая аромат различных цветов. Возле центрального корпуса стояла длинную-

шая скамейка человек на 60-70. Тут летними вечерами всегда можно было увидеть колонистов, оживленно беседовавших с Антоном Семеновичем. Красиво, уютно было летними вечерами в колонии. Цветы повсюду благоухали нежнейшими запахами. А среди цветников весёлые горьковцы всех возрастов в сверкающих разными красками тюбетейках, ладно сидящих на ухоженных причёсках. Счастливые цветущие здоровьем лица детских голов. У нас даже оркестр играл марш «Веселый горьковец».

Западная часть колонии круто опускалась к пруду и селу Подворки. На этом склоне Антон Семенович распорядился посадить большой сад, и унылый склон преобразился молодыми фруктовыми деревьями. По утрам и вечерам можно было видеть купающихся колонистов в пруду, расчищенном своими руками.

Часто по вечерам в нашем клубе демонстрировали кинофильмы, к нам в гости приходила молодежь из села Подворки. Мы с ними подружились. На всю округу разносил мажорные звуки, улаждая слух, большой слаженный оркестр колонии, в котором играло человек шестьдесят. Мы и не предполагали, что у нас в Куряже есть ребята, наделенные музыкальными способностями. Были среди ребят и талантливые, которые быстро овладели музыкальной грамотой, приобщаясь к тайнам музыкальной культуры. Без оркестра мы не представляли себе ни единого праздника. Праздник Первого снопа, праздник 1-го Мая, годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Колония всегда принимала участие в торжественном параде трудящихся Харькова, вся колония на три дня отправлялась в Харьков. Где мы только не бывали за эти три дня, что мы только не видели, восхищение - главное, что осталось в памяти, что запало в душу.

Все ребята трудились в мастерских, которые стали давать доходы, наше сельское хозяйство по праву считалось образцовым, и мы устраивали выставки наших достижений. А уже летом 1927 года мы торжественно выпустили семиклассников, значительная часть которых пошла в средние и высшие учебные заведения, продолжать свою учебу. Я в это время трудился в столярной мастерской, которая выполняла сложный и дорогой заказ, и успешно учил-

ся в шестом классе. Нельзя не восхищаться мастерством А. С. Макаренко, который всего за один год преобразил в Куряже не только внешний облик колонии, но и моральный облик, вселил в наши сердца уверенность, что мы родились, чтобы жить счастливо в нашем обществе».²⁰

А. С. Макаренко в «Педагогической поэме» раскрывает механизм «завоевания» Куряжа. «Человек, - пишет он, - не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы. Сначала нужно организовать саму радость, вызвать её к жизни и поставить как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво претворять более простые виды радости в более сложные и человечески значительные. Здесь проходит интересная линия: от примитивного удовлетворения каким-нибудь пряником до глубочайшего чувства долга.

Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке - это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий своё поведение самой близкой перспективой, сегодняшним обедом, именно сегодняшних, есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далекой, он может представляться сильным, но он не вызывает у нас ощущения красоты личности и её настоящей ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше.

Воспитать человека - значит воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость. Она заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной постановке более ценных. Начинать можно и с хорошего обеда, и с похода в цирк, и с очистки пруда, но надо всегда возбуждать к жизни и постепенно расширять перспективы целого коллектива, доводить их до перспектив всего Союза».²¹

На примерах организации коллектива колонии им. М. Горького под Полтавой и в Куряже, вчитываясь в воспоминания воспи-

танников А.С. Макаренко А. Кадысона, А. Свободного, Г. Беленького, И. Шагаева, мы еще раз убеждаемся в педагогическом мастерстве Антона Семеновича.

8-10 июля 1928 года в Куряже побывал А.М. Горький, который высоко оценил деятельность педагога: «Кто мог так неузнаваемо изменить, перевоспитать сотни детей, так жестоко и оскорбительно помятых жизнью? - писал А.М. Горький. – Это, бесспорно, талантливый педагог. Колонисты действительно любят его и говорят о нем тоном такой гордости, как будто они создали его».

А.М. Горький усматривал в деятельности Макаренко всемирное значение: «Ваш эксперимент выходит за рамки Советского Союза». Прозвучали и такие слова: «Вы должны писать обо всем этом. Нельзя молчать. Пишите книгу».

К сожалению, неизвестно во чтобы выросло мастерство Педагога, останься А.С. Макаренко работать в Куряжской колонии. Жизнь, однако, распорядилась иначе. Успехи педагога-новатора на коллегии Наркомпроса предвзято оценили «несоветской системой».

Антон Семенович решил оставить Куряж. Тогда его пригласили руководить коммуной им. Ф.Э.Дзержинского, которую построили чекисты Харькова на личные средства для беспризорных детей. Там он работал до 1935 г. В этом же году его переводят в Киев, а с 1937 г. Антон Семенович работает в Москве.

1 апреля 1939 г. его настигла неожиданная для многих смерть. А.С. Макаренко умер в вагоне пригородного поезда под Москвой. Сердце не выдержало напряжения из-за постоянных нападков недоброжелателей. К тому же за эти годы Куряж пришел в упадок и стал обычным приютом для беспризорных детей. В год смерти Педагога Куряж стал закрытым учреждением и утратил имя А.М. Горького, а в сентябре 1941 года колония была эвакуирована в город Томск.

Смерть, однако, не могла остановить рост его воспитанников, становление личности полноценных граждан своей страны. В этом нетрудно убедиться, глядя на короткие строчки биографий «детей» Макаренко. О некоторых из них в свое время рассказал

Горький в гостях у колонистов. 1928 г. А.С. Макаренко крайний справа в первом ряду. Между ним и А.М. Горьким сидит сын великого пролетарского писателя

И.И.Марченко, преподаватель Харьковского политехнического института им. Ленина, шефствовавшего над Куряжской колонией.

«География расселения многочисленной армии воспитанников колонии им. Горького в Полтаве и в Куряже, коммуны им. Ф.Э Дзержинского в Харькове очень обширна. Мы ставим целью коротко рассказать о судьбе только небольшого числа питомцев А.С.Макаренко.

Когда немецкие фашисты вероломно напали на нашу Отчизну, сотни куряжан и дзержинцев сражались в первых рядах на фронтах Отечественной войны. В 1949 году при разборке развалин одной из башен Брестской крепости были найдены останки советского воина с пистолетом на боевом взводе. В кармане убитого сохранился комсомольский билет. Это оказался командир взвода полковой школы 333 полка лейтенант Алексей Наганов. Так героически в первые дни войны погиб при защите Бреста один из воспитанников А.С. Макаренко.

На траурном митинге, посвященном похоронам А.С.Макаренко от имени Совета командиров Куряжской колонии взволнованную речь произнес воспитанник Тубин. «Я сегодня потерял отца», сказал он. Военный инженер-сапер Тубин (в «Поэме» – Ужиков) также отдал свою жизнь в борьбе за Родину на одном из фронтов Великой Отечественной войны.

Незаменимый помощник Калины Ивановича, первый организатор комсомола в Куряже, медлительный и честный Денис Кудлатый (в жизни Денис Горгуль) сражался против врагов в партизанском отряде. Случилось непредвиденное: он попал в руки фашистов, которые расстреляли его на глазах семьи в с. Ольшаны Харьковской области.

В боях за родину пали смертью храбрых Антон Браткевич (в «Поэме» - Антон Братченко), Евгений Волков - Волохов, Матвей Шелухин - Ванька Шелапутин. Погиб на боевом посту под Сталинградом командир авиазвена Дмитрий Чевелий (в «Поэме» - Жевелий старший). Сейчас многие участники великих сражений - полковники Богданович и Ключник, офицер Токарев и другие передают свой опыт молодому пополнению Советской Армии. Дмитрий Анисимов (в «Поэме» Митька Нисимов из компании Вани Зайченко) и Александр Чевелий (Жевелий младший), который разводил кроликов, водят боевые корабли советской авиации. В Москве проживает инвалид Отечественной войны Лапотецкий (Лапоть), в Харькове - бывшие моряки Черноморского флота Лиф и Левенко.

К числу верных защитников Родины с полным правом следует отнести и Раису Соколову. После колонии она вышла замуж и уехала в пограничный район. Однажды на пост напали басмачи. Раиса Соколова подносила патроны и воду, перевязывала раненных, а в критическую минуту взялась за винтовку. Она была несколько раз ранена. Теперь Соколова - многодетная мать, живет в Полтаве.

А.С.Макаренко учил своих питомцев находить радость жизни в труде. Он готовил стране квалифицированных и культурных рабочих, способных организаторов и командиров. Пожалуй, труд-

но найти такую отрасль экономической и культурной жизни социалистической Родины, где бы мы ни встречали людей, получивших путевку в жизнь из рук А.С.Макаренко.

В различных уголках Советского Союза трудятся на благо Родины питомцы педагога-новатора. Вот несколько примеров. Николай Фролович Шершнев (в «Поэме» - Вершнев) закончил Харьковский медицинский институт, работает главным врачом больницы в Комсомольске-на-Амуре.

Петр Тимофеевич Толиков (Петька Маликов) - инженер-электрик на Волго-Донском канале. В течении 25 лет трудится на Манчегорском заводе начальник цеха Иван Григорьевич Колос (в «Поэме» - Голос, это у него в рабфаке «арифметика не выходила»). Три его дочери - студентки вуза. Скоро станет советским дипломатом Н. Баймуратов. Нет в живых Ольги Вороновой, агронома и председателя колхоза, свадьба которой так красочно описана в «Педагогической поэме».

Почти десять лет учебно-воспитательной деятельности А.С. Макаренко связаны с Харьковом. Поэтому вполне естественно, что многие горьковцы и дзержинцы навсегда связали жизнь и работу с промышленными предприятиями области. На заводе «ФЭД» трудятся передовики производства А. Беляков, Ф. Шатаев, коммунист А. Землянский (в «Флагах на Башнях» - Зырянский).

Возглавляет ответственный участок работы в Куряжской детской трудовой колонии коммунист Ибрагим Шагаев, бывший куряжанин. Здесь же трудятся его друзья - А.Д. Свободный, Е.П. Чемова, старший мастер производственного обучения Г.Т. Беленький и др. Хорошо известны харьковчанам имена судьи В. Шапошникова, старшего мастера коммуниста Ф. Зайки, инженера В. Коломийцева, рабочего Меревянского стекольного завода Ф. Дорохова, юриста Н.Чудной. Имен много. Всех не перечить.

Михаил Владимирович Сухорученко окончил сельскохозяйственный техникум и пединститут, стал учителем. С оружием в руках защищал нашу Родину от фашистских орд. Ныне Сухорученко тридцатитысячник, в Лозовском районе он возглавляет колхоз им. Жданова. Его колхоз участник ВСХВ.

Харьков стал традиционным местом встреч бывших воспитанников А.С. Макаренко. Такие встречи за последнее время состоялись в студии телевидения, в Доме Учителя, в саду им. Шевченко.

Часть питомцев А.С. Макаренко посвятила свою жизнь искусству и литературе. В «Флагах на башнях» Клава Коширская увлекалась театром и мечтала стать актрисой. Ее мечта осуществилась. За 18 лет Клавдия Тимофеевна Борискина сыграла сотни ролей. Сейчас она работает в Харьковском театре русской драмы. Пользуется успехом у зрителей Ворошиловограда артист Н. Дуденко. Стали артистами и выступают на сценах различных театров страны Д. Терентюк, А. Сыромятников, И. Ткачук. Кисть и палитра стали орудием труда В. Грицюка, Ю. Камышанского. Бывший дзержинец Василий Зайцев - крымский поэт и журналист, в настоящее время заканчивает книгу рассказов - воспоминаний о своем учителе и друзьях-коммунарах. С воспоминаниями о А.С. Макаренко, встречах с А.М. Горьким и А.Барбюсом выступает журналист П. Дроздук (бывший куряжанин). Он учился в литературном институте им. М. Горького. В настоящее время работает в редакции районной газеты «Червона Заря» Сумской области.

На страницах «Педагогической поэмы» упоминается имя комсомолки Оксаны. Сейчас Оксана Дмитриевна Иваненкова - известная украинская писательница. Ее произведениями увлекаются юные читатели не только в республиках бывшего Советского Союза, но и за рубежом.

В одной из своих работ А.С. Макаренко писал: «Я убежден, что цель нашего воспитания заключается не только в том, чтобы воспитать человека-творца, человека-гражданина, способного с наибольшим эффектом участвовать в строительстве государства. Мы должны воспитать человека, который обязан быть счастливым».

Эти замечательные слова положили в основу своей трудовой деятельности многие юноши и девушки, которым А.С. Макаренко вручил путевку в жизнь. Среди многомиллионной армии советских учителей мы встречаем и бывших коммунаров.

Всем памятен Семен Карабанов (Калабалин), который, как известно, не мог жить без пацанов. «Раз Вы, Антон Семенович, в

этом деле потрудились, так и мне можно» - заявил он решительно своему учителю. С.А. Калабалин долгое время работал в детских домах в Винницкой области, под Ленинградом и в Москве. После Великой Отечественной войны майор-разведчик снова вернулся к своему любимому делу - воспитанию молодых строителей коммунистического общества. Его имя хорошо известно в Кутаиси и в Мотовиловке под Киевом, где воспитывал он детей, родители которых погибли в борьбе с фашизмом. В настоящее время Семен Афанасьевич - директор детского дома в Егорьевском районе Московской области. Он и его жена Галина Константиновна воспитывают семеро родных и пятеро приемных детей. Трудовой путь Семена Афанасьевича Калабалина описан Вигдоровой в повестях «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка».

По следам А.С. Макаренко пошли и другие его питомцы. В. Руденко работает в Богодуховском детском доме, а Швед А. - начальник Винницкой колонии, Конисевич - директор детдома в Петропавловске, В. Камардинов - заведующий кафедрой истории в одном из вузов страны, М. Заика преподает физику в средней школе г. Волчанска.

Кто читал замечательную «Книгу для родителей», тот никогда не забудет дружную семью Веткиных, состоящую из 13 детей. Супругов Веткиных А.С. Макаренко называл «пионерами семейной педагогики». Эта семья не выдумана автором, а взята прямо из жизни. Недавно на очередном «четверге» в редакции Алма-Атинской газеты «Ленинская смена» выступила Агафья Николаевна Пенкина (по книге - Анна Семеновна) и рассказала о дальнейшей судьбе своих детей. Старший сын Николай - главный врач районной больницы в г. Фрунзе, а самый младший Петр, демобилизовавшись из рядов Советской Армии, трудится на электромеханическом заводе; Валя и Аня - «масляных дел мастера» - первая начальник цеха Золочевского маслозавода, вторая работает на маслозаводе в Молдавии; Борис - скульптор в Алма-Ате. Приобрели специальности и трудятся на благо Родины и другие дети Веткиных.

Хотелось бы сказать несколько слов и о тех, кто, работая плечом к плечу с А.С. Макаренко, вложил частицу своего скромного труда в дело воспитания нового человека социалистической эпохи.

Безусловно, всем читателям запомнился никогда неунывающий Калина Иванович. Он не поехал с колонистами в Куряж, и следы его были потеряны. Прошел слух, что он умер. Но вот вышла в свет «Педагогическая поэма» и А.С. Макаренко получил от него письмо. В период съемки кинофильма «Педагогическая поэма» артист М.Ф.Покотило ездил в Полтаву и виделся с персональным пенсионером К.И. Сердюком.

Неутомимый агроном Э.Н. Ферре защитил диссертацию и работал доцентом в институте механизации и электрификации сельского хозяйства в Москве. Недавно вышла в свет его книга воспоминаний «Мой учитель». Она была издана также в Германской демократической республике.

Бывший заведующий учебной частью коммуны им. Дзержинского ныне доцент кандидат филологических наук Е.С. Магура заведует кафедрой русского языка в Харьковском педагогическом институте.

Елизавета Федоровна Григорович (в «Поэме» - воспитательница Екатерина Григорьевна), знавшая А.С. Макаренко с 1905 года, после колонии работала в школе, в детском доме. Сейчас она на пенсии, проживает в Крюкове.

Долгое время возглавляла лабораторию по изучению педагогического наследия А.С. Макаренко в Академии педагогических наук РСФСР Галина Стахивевна Макаренко (в «Поэме» - воспитательница Лидия Петровна). Сейчас она ведет научную разработку архива своего покойного мужа и является одним из редакторов собрания сочинений А.С. Макаренко.

Трудовая деятельность воспитанников А.С. Макаренко - это неопровержимое свидетельство жизненности педагогических идей и практики замечательного советского педагога-новатора.²²

Более трех тысяч детей прошли через руки А.С. Макаренко. Им пришлось пройти суровую школу жизни с детских лет до глубокой старости. Дети-сироты времени Первой империалистичес-

кой войны, Гражданской войны, сами участники Второй Мировой войны и восстановления народного хозяйства. Среди них сотни рабочих, организаторов производства врачей, учителей, журналистов, художников, актеров, военных. Были среди них и Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда. Все они жили у общества на виду и дорожили памятью Макаренко. Были среди них более известные и мало известные и те, у которых сложилась жизнь не так, как им хотелось, но все они живые свидетели отеческой заботы Макаренко, все они отмечают личное участие Макаренко в своих судьбах.

Но были среди воспитанников, кто в силу разных причин не смог оценить, что называется, подарок судьбы. Это была бы не вся правда, если бы рассказывая об истории становления Куряжской колонии в период ее руководства Макаренко, мы не привели примеры того, как не сложились человеческие судьбы.

В 1968 году в Куряжское воспитательно-трудовое учреждение неожиданно пришло письмо от бывшего колониста, который обращался к сегодняшним воспитанникам колонии через 40 лет после того, как сам покинул ее. Это была исповедь - и наставление, и боль за прошлую тяжелую жизнь. Василий Владимирович Черноиваненко, 1911 г. рождения, проживал в Луганской области на станции Луганская.

«Дорогие колонисты! Не знаю с чего начать свое письмо. Не раз меня побуждало в мыслях обратиться в ту далекую пору, на родную колонию, где я воспитывался год. Все время было как-то не спокойно на душе. И хочется с вами, новым поколением, поделиться своими мыслями о прошлой жизни, какое горе постигло нас, обездоленных детей периода революции. Огненным пламенем пронеслось по России, словно грозой поразило и поля, и леса, словно стихийное бедствие прошло — тиф, голод, холод и т. д. И много несчастных безродных детей, погибших матерей и отцов, детей, жертв революции, бродивших стайками по больной земле. Особенно много детей-сирот скапливалось в городах. А вы счастливые, вы не видели даже того, что выпало в жизни на нашу долю. Но есть, конечно, и у вас трудности. А мне все вспоминается как

каждый час, каждую минуту нас в то трудное время подстерегала смерть. Бездомные малолетки вынуждены были искать хоть кого-нибудь, кто бы мог поделиться крошкой хлеба. Ведь многим из нас было по 7-10 лет. А мне шел тогда пятнадцатый годок. Много я уже объездил городов. Был на Кавказе и на Кубани. Сперва я добывал себе пищу как нищий. А потом повстречался с группой беспризорников, которые шатались по полям и рыли картошку. А хлеба достать было трудно. Не хочу я сказать, что я жизнь прожил честно. На вокзалах у сонных разрезали сумки, чтобы добыть себе еду, нас били, некоторых убивали... Люди в то время были злые. Оно и понятно, сами были голодные, за каждой крошкой еды следили, не спускали с нее глаз. Вы подумайте сами, что такое хлеб!? Я не собираюсь вас утомлять подробностями моей жизни. О жизни беспризорников писал в свое время Антон Семенович Макаренко, но и он не мог всего описать. Я хотел бы рассказать вам о моем пребывании в городе Харькове.

Жить было негде, и я искал какой-то защиты от всех бед именно в этом городе. От непогоды, дождей и морозов, от летнего зноя выручали тогда многолюдные железнодорожные вокзалы. Да в стране и детских домов в то время не хватало. Один вид беспризорных пугал людей. Мы были оборваны, как будто собаки порвали нашу одежду в клочья: грязные и завшивленные. На вокзалах от нас шарахались люди и стремились выгнать на улицу, ведь мы просили хлеба, а иногда и воровали. В Харькове хоть какая-то защита была от начальства, говорили, что Петровский (Председатель Украины) беспокоился о беспризорных детях и не позволял обижать. Я обычно на вокзале забивался под лавку и спал прямо на полу. Переворачиваясь с боку на бок, чтобы не замерзнуть, а когда прогоняли, то садился в пригородный поезд и залезал на верхнюю полку, чтобы хоть час спокойно в тепле переспать, а то ведь выгоняли на холод. А иногда так намаешься, что рад залезть в мусорный ящик, где гноился мусор, и шло от него тепло. А по утрам я шел на базар добывать что-либо съестное, - воровать. Когда нас ловили мы убегали в развалины домов, залезали в трубы. От

нас беспризорных в городе было не спокойно. Только и слышишь: «Держи, лови, бей!»

Люди прижимали к себе вещи, сумки, кошельки. Воры, грабители, аферисты, бандиты, всякие «фокусники», одним словом уголовщина, отнимали у рабочего люда последний кусок хлеба. Когда нас выгоняли из Харькова, мы размещались по маленьким пригородным железнодорожным станциям, прыгали с поезда на поезд на ходу, цепляясь за тормозную раму, а то в собачий ящик залезали. Вымазывались в разный мазут и грязь так, что только одни белые зубы блестели. Зимой обогревались у паровозов. На станциях мы искали погреба, где добывали съестное.

Однажды около Харьковского Южного вокзала кто-то из беспризорников велел нам набрать с собой побольше камней. Нас было человек 50 в возрасте от 7 до 20 лет. И все мы по команде бросились к продуктовому магазину. Били и ломали прилавки, витрины, хватали все съестное. Деньги нам наказали не брать. А когда нас пытались задержать мы побежали в рассыпную. Я бежал по Екатеринославской (сейчас улица Полтавский шлях). По сторонам звенели битые стекла, люди увидев нас, разбежались по сторонам. У реки я спрятался под мостом. А на мост уже въехала грузовая машина, а на ней на ножках стоял фотоаппарат, а я подумал тогда, что то пулемет. Оказалось, что нас фотографировали. А на другой день милиция организовала облаву.

На улице было холодно, осенняя слякотная погода. Я забрался в здание на 4-й этаж и на пороге одной двери на цементном полу свернулся калачиком и всю ночь лежал, боялся выйти на улицу, где шла облава. А во время облавы редко кто мог спастись. Я уже был согласен, куда угодно попасть, хоть бы и в колонию, чтобы спастись от долгих мучений. И вдруг я услышал цоканье подков сапог, скорее всего военных. Открыл глаза, а передо мной уже два милиционера. Один из них говорит мне: «Вставай и спускайся вниз». А на улице уже стояла группа пацанов. Всех нас направили во второе отделение милиции около вокзала. Утром покормили, дали колбасы, халвы и хлеба. А через несколько дней нас вызывали по 2-3 человека в большое помещение, где за столом сиде-

ла комиссия по делам несовершеннолетних. Нас распределяли в разные колонии, учитывая наше поведение, кто с чем попал в милицию. А кого и за решетку в тюрьму на Холодную гору. Я попал в Мерэфу, во временно устроенное с нарами помещение, куда приходил Антон Семенович Макаренко, который расспрашивал о нас у сторожихи. Сторожиха сидела у порога здания и стерегла имущество, постельные принадлежности, когда иногда воровали пацаны. Я видел, как он заходил к нам с лозинкой и тому, кто не спал, как бы угрожал: «Не спишь?!» Утром он расспрашивал нас, кто куда хочет пойти работать или учиться. Меня он направил в колонию им. М. Горького.

В колонии мне очень понравилось, я просто так полюбил ее. Уход за нами был очень хороший. Особенно я запомнил двух молодых красивых воспитательниц. Они учили нас танцевать в клубе. А на втором этаже занимались музыкой и проводились собрания. На втором этаже была и контора колонии. Дисциплина у нас была твердая. Одевали нас хорошо. Черные шинели, сатиновые рубашки, гамашы и ботинки. Все мы учились в школе, а работали по желанию, кто, где захочет. Я работал на свинарнике, а позже в пекарне. Во время занятий в школе иногда появлялся Макаренко. Как-то раз он склонился над моей тетрадкой и сказал: «Хорошо рисуешь, может, пойдешь учиться на художника?» Я ответил, что хорошо бы. А сам не думал об этом. Заблудился в жизни, связался с плохими товарищами и решил убежать из колонии. А убежать было не трудно. Ни забора, ни проволоки тогда не было. По углам колонии дежурили наши же старшие колонисты.

Уже при мне четверо наших парней пошли учиться на летчиков, они приезжали к нам в гости. Мы их встречали на станции Бавария. Как-то на одном из собраний Макаренко сказал нам, что скоро к нам приедет в гости писатель А.М. Горький, именем которого названа колония. Нам уже и подарки привезли в честь приезда Горького, давали конфеты, печенье. В колонии только и слышно было: «Горький, Горький»... Духовой оркестр встречал его у монастырских ворот колонии. 8 июля 1928 года был незабываемый день, наполненный радостью. Мне кажется, что Горький приез-

жал на маленькой черной машине. А Макаренко взял его под руку, были еще какие-то женщины. Об этом хорошо показано в кино.

Только я очень и очень жалею, что я убежал из колонии не получив должного образования и воспитания. Я сейчас только разобрался, что колония им. М. Горького была для нас тогда Академией. Поэтому я обращаюсь к вам, воспитанники Куряжа, слушайте воспитателей, они вам не хотят плохого. Хочу, чтоб в жизни не пропали ваши юные годы зря. Как жаль теперь мне тех моих лет, ведь их никогда не вернешь, что прожил я по-пустому. Ну что ж, «что с воза упало, то пропало». А теперь, прошу вас, напишите, как живете вы, какие у вас сейчас мастерские? Какая у вас школа, до какого возраста вас содержат в колонии? Сколько у вас воспитанников? Какие старые здания сохранились? Какая у вас дисциплина?

Желаю вам, ребята, выйти в люди. Хорошего вам здоровья!

До свидания! Счастливой вам юности...»

Выше уже говорилось о том, что многие из воспитанников Макаренко пошли по его стопам и добились разных успехов. Кто-то стал ученым, профессором, кто-то посвятил свою жизнь непосредственному общению с малолетними преступниками – Куряжская колония продолжила свое существование и после Великой Отечественной войны, правда, уже в другом статусе. Но об этом – чуть ниже, а пока в заключение о макаренковском периоде Куряжской колонии приведем воспоминания Г.Т. Беленького, мастера производственного обучения Куряжской колонии, оставленные им в 1958 г.

«В колонию им. М. Горького я попал осенью 1922 года, не по своей воле. За несколько месяцев до этого, я, двенадцатилетним мальчишкой убежал из дома и связался с группой беспризорников. Наша компания часто менялась, так как ребята попадали в облавы на беспризорников и исчезали, как нам казалось, неизвестно куда. Как-то от одного такого паренька, которого неожиданно встретил на полтавском базаре, узнал, что недалеко от города есть колония, где живут сытно, но где заставляют работать и даже учиться. Мой знакомый рассказал, что у них очень строгий на-

чальник, но что с ним можно всегда договориться, если хорошо работать, и даже получить отпуск в город к родным. Он пригласил меня с собой, но я не захотел расставаться с «вольной жизнью». А через несколько недель я попал в облаву и вместе с другими ребятами был направлен в эту колонию.

Помню, первую мою встречу с Антоном Семеновичем. Нас ввели к нему в кабинет. Антон Семенович сидел за столом и расспрашивал нашего сопровождающего о нас.

На первый взгляд Макаренко мне действительно показался строгим и жестким человеком, как и говорил мой знакомый: худой, в полувоенной одежде, в пенсне, которое усиливало пристальность и пронизательность взгляда. Говорит хрипло, басистым голосом, разговор ведет отрывисто, но в то же время как-то особенно выразительно, четко. Первая мысль была — бежать, этот человек зажмет — прощай свобода... Однако интересно было узнать, как же все-таки живется в колонии. Я решил прожить несколько дней и остался до 1928 года, когда кончил производственное обучение и получил от Антона Семеновича путевку в жизнь. В колонии одним из первых колонистов сел на трактор. На нашей Куряжской выставке, посвященной А.С.Макаренко, есть фотография (к сожалению плохого качества), на которой я изображен на тракторе вместе с А.М. Горьким.

А.С. Макаренко навсегда остался в моей памяти образцом требовательности, дисциплинированности и справедливости. Эти качества он высоко ценил в людях и умел их последовательно и настойчиво вырабатывать у своих сотрудников и у нас, колонистов.

Помню, что когда у нас была введена форма для дежурных по колонии, одна из воспитательниц отказалась надеть положенную для дежурного красную фуражку. Антон Семенович в присутствии дежурных колонистов предложил ей надеть фуражку и явиться в полной форме к нему в кабинет. Нас тогда особенно поразила, требовательность, с какой он отдавал ей это приказание, ибо мы видели, что за несколько минут до развода дежурных Макаренко, здороваясь с этой воспитательницей, любезно целовал ей руку.

В первомайские дни 1924 года я участвовал в трехдневном походе колонистов в Полтаву. Во время одной из остановок нашей колонны я, мягко выражаясь, «нашалил»: подставил ножку девочке-колонистке и «уронил» её в грязь. На ходу получил от Антона Семеновича, взыскание: по возвращении в колонию на пять часов под винтовку. Мы трое суток пробыли в городе, но я не забыл об этом взыскании и сразу же после возвращения встал под винтовку в обычном месте у двери в кабинет Макаренко. Минут через двадцать слышу его шаги и готовлюсь к самому худшему, ясно понимая, что мою выходку в походе ничем оправдать нельзя.

Антон Семенович подходит вплотную, смотрит мне в глаза, и, прочитав, вероятно, что-то хорошее, командует «вольно».

— Это за то, — сказал он мне, — что ты, Беленький, за трое суток не забыл о взыскании.

Много неприятностей доставлял нам, так называемый, «комендантский обход» — ежедневный осмотр общежитий, столовой и других помещений колонии. Не было случая, чтобы Антон Семенович отменил этот обход или поручил его другому сотруднику. Всегда он совершал его вместе с дежурными по колонии. Глаз у него был необыкновенно острый и наметанный, он замечал малейший беспорядок. И поступал при этом так: чисто и хорошо, например, в спальне, Антон Семенович отмечает это и благодарит, а иногда и руку пожмет дежурному. Но если где-либо заметил грязь — молча поворачивается и уходит. Дежурный уже знает: «Антон заметил беспорядок». Но где? Что? Он не сказал, надо найти самому. И вот начинаются поиски соринки или паутинки, загнутого края одеяла или чего-либо иного в этом роде. Поиски иногда длятся долго, на помощь дежурному приходят другие колонисты, всех занимает вопрос — «что же заметил Антон»? Наконец что-то найдено и приведено в порядок. Дежурный докладывает об этом Макаренко и только тогда спокойно вздыхает.

Антон Семенович доверял нам, колонистам, ответственные и сложные работы. Его обычная требовательность хорошо сочеталась с таким доверием. Когда возник вопрос о переезде в Куряж,

сразу появились многочисленные заботы. Нужно было уложить и перевезти имущество, скот, фураж и т.д. Для этого требовалось 15-16 вагонов. «Кому поручить эту ответственную работу?» — Спросил Антон Семенович на собрании. Решили обойтись без посторонних. И действительно, все доставили на новое место в сохранности. Для старых колонистов этот переезд был хорошей школой практической жизни, для новичков - примером, показавшим им как надо заботиться не только о личном, но и об общественном имуществе.

Мне лично, как и многим другим колонистам, Антон Семенович привил любовь к работе с подростками. Получив специальность, я остался работать в колонии им. Горького трактористом. С перерывом в военные годы я работаю в Куряже до настоящего времени» (мастером фрезерного дела - автор).²³

Примечания

1. Событие. 23 февраля 1991г. N 23-24
2. Южно В.К. История Куряжского монастыря. - ХГУ, 1992 г.
3. О переводе колонии им. М. Горького из Полтавы на новое место. 1925-1926 гг. // Сб. документов. Сост. Гец Хиллинг. - Марбург, 1985. - с. 56.
4. Там же.
5. Из воспоминаний А. Калысона. Рукопись хранится в Куряжском музее А.С. Макаренко.
6. О переводе колонии им. М. Горького из Полтавы на новое место. 1925-1926 гг. // Сб. документов. Сост. Гец Хиллинг. - Марбург, 1985. - с. 56.
7. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. - М., 1967. - с. 390.
8. Из воспоминаний А. Калысона. Рукопись хранится в Куряжском музее А.С. Макаренко.
9. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. - М., 1967. - с. 444.
10. Там же, с.375.
11. Там же, с. 374.
12. Там же, с. 409.
13. Харьковский пролетарий. № 87 /596/. 17 апреля 1926 года. С. 3.
14. ХОГА, Ф. Р-845, он. 2, ел. хр. 675, Л. 439.
15. Харьковский пролетарий, №94 /605/. 25 апреля 1926 года. С. 4
16. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. Т.5 С. 413-415
17. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. Т.5 С. 417
18. Из воспоминаний П. Иванова. Рукопись хранится в Куряжском музее им. А.С. Макаренко.
19. Из воспоминаний А. Калысона. Рукопись хранится в Куряжском музее А.С. Макаренко.
20. Там же.
21. Там же.
22. Детские колонии, № 2. - М., 1958 г. - с. 16.
23. Там же, с. 23-24.

1945 – 2006

С освобождением г. Харькова от немецко-фашистских захватчиков началось восстановление Куряжской колонии. Большой вклад в организацию ее работы внес начальник колонии Евгений Денисович Матковский (1945 - 1966 г.) В это время был заложен фундамент для всестороннего развития этого специфического учреждения. Был отремонтирован четырехэтажный жилой дом для воспитанников, вступили в строй два механических и литейный цеха, построены новые средняя школа и профессионально-техническое училище, дом для карантина, столовая и первых четыре дома для сотрудников колонии, создана база для построения спортивной площадки.

Вот как вспоминают об этом периоде очевидцы. В 1945 году, в период реорганизации Куряжской колонии, из Харьковского детприемника на должность заместителя начальника по учебно-воспитательной работе прислали Горячева Алексея Михайловича (фамилия и имя изменены). Ниже приведены первые впечатления Алексея Михайловича об этих днях.

«3 июня 1945 года, в солнечный день, к детприенику подъехала легковая машина. Меня разыскал шофер и передал распоряжение начальника Харьковского УВД полковника Вережки ехать в Куряжскую детскую колонию. Дорога была отвратительная: булыжник чередовался с песком. По дороге шофер рассказал о том, как он заехал в Куряж заправиться бензином, а воспитанники украли у него деньги и хлеб. В Куряже нас встретил полковник Вережка у входа в колонию и познакомил со старшим лейтенантом Болдыревым из Киева, заместителем начальника отдела по борьбе с детской беспризорностью при НКВД УССР. Болдырев поздоровался и представил инспектора ОБДББ (отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью) Галину Ивановну Шамрай и предложил немедленно ознакомиться с колонией.

Все вместе мы вошли на территорию колонии, за нами закрыли огромные двери на огромные замки огромным ключом. За воро-

тами во дворе колонии высокие стены показались еще выше. Во дворе группками стоят и сидят худые, грязные, в развязных позах подростки. Одни играют на деньги у стенок, другие - в «слепца», третьи режутся в карты. Все в открытую курят и на их несуразное поведение никто не обращает внимания. В общежитии в бывших монашеских кельях нашли по 2-3 подростка, некоторые из них катали свертки ваты по столу, добывали огонь для курева. Матрацы на кроватях, как правило, без соломы или ваты, кое-где виднелись грязные скомканные простыни. Всюду убогость и грязь.

На кухне нас встретила заведующая столовой Клавдия Ивановна Рюшина. Не успели перекинуться словом, как возле котла с борщом откуда-то появился подросток в грязном замусоленном обмундировании (якобы спецовки), и начал наливать ковшом в ведро борщ. Я возьми, да и спроси у заведующей:

- Зачем же вы такого грязного подростка к котлу допускаете?

Хотел задать еще какой-то вопрос, да не успел, потому что внезапно очутился за порогом кухни, буквально шлепнулся на четвереньки на пол от внезапного толчка. Когда поднялся, увидел, как Клавдия Ивановна, вбежав на кухню, закрыла двери на ключ. Я от растерянности ничего не мог понять. А Галина Ивановна прошептала, когда выходили из кухни:

- Да вы знаете, кто это стоял у котла? Это же главный заправила, «вор в законе», Женька Близнюк. Когда вы спросили у Клавдии Ивановны, почему она допускает его к котлу, он прошипел, указывая на вас: «Уберите его, а то этот ковш с кипящим борщом у него на голове окажется». Мы-то и вытолкали вас из столовой, миг оставался до беды.

В столовой я увидел, как во время обеда одни съедают свою порцию без хлеба, а другие возле себя накопили по 2 - 3 порции второго, некоторые совсем не едят, кто-то несет на выход пайки хлеба. И понял, что контроль за питанием никто не осуществляет. Не вытерпел и спросил Галину Ивановну:

- За чем вы водите меня по этой ночлежке, здесь мерзко и смотреть на все это тошно. Увиденное напоминает мне беспризорников двадцатых годов, когда Макаренко впервые посетил Куряж.

- Вы скоро все узнаете, - сказала Галина Ивановна.

Производство состояло из трех цехов: кузницы, механического и столярного. Это были помещения барачного типа, обшарпанные, замусоленные, без вентиляции, оборудованные устаревшими станками. В механическом цехе я увидел обрезанные трансмиссии, за двумя токарными станками и у точила работали несколько человек. Начальник цеха Романенко доложил Галине Ивановне, что они на час раньше отпустили воспитанников, т. к. в цехе делать нечего, нет материалов. В кузнице работало всего три человека. Только в столярной мастерской было оживленно. Мальчики лет 13-15 делали табуретки. Как я потом узнал, мастер Чернуха Петр Степанович в этом маленьком помещении сумел оборудовать рабочие места для подростков и организовать труд так, что каждый подросток был при деле. Ребята, не занятые на производстве, заполняли свой досуг играми, подчас, как я уже увидел, не безобидными. Когда мы выходили из зоны, Галина Ивановна сказала мне:

- Вы увидели, что творится в Куряже. Думаю, что не открою бог весть какую тайну: Вас назначают заместителем начальника этой колонии по учебно-воспитательной работе. Конечно, придется нелегко, но Вы здесь нужны.

За воротами колонии меня ожидал Василий Антонович Болдырев.

- Видел зону? Подростки в зону не всех впускают. У них счеты с некоторыми надзирателями и воспитателями... Зона выходит из повиновения. Начальник колонии - новый товарищ, Матковский Евгений Денисович, работает здесь всего три месяца. Два из них не был дома... Полковник Веревка дал ему два дня отпуска: искупаться, поменять белье и тому подобное. Понимаешь? Матковский по профессии инженер, старше тебя на 12 лет, человек он ответственный. Но ему в помощь нужен педагог. Ты - коммунист, человек военный. Принимай хозяйство, наводи порядок. Только прошу: первую неделю ходи по колонии, наблюдай, изучай, больше слушай и ни во что не вмешивайся. Нужно накопить как можно больше информации, чтобы действовать наверняка. Встретим-

ся вечером, все обдумаем, и только тогда будем действовать. В Куряж меня направили из НКВД УССР навести порядок. Сейчас уже поздно, в зоне идет вечерняя проверка. Я хочу представить тебя ребятам. Уложи их спать. А утро вечера мудренее, только еще раз тебя прощу, наберись терпения, присматривайся.

После этих слов мы с Болдыревым снова вошли в зону. Ребята уже выстроились. Кто-то смотрел сподлобья, кто-то ехидно улыбался, кто-то из-за любопытства подошел к нам. Маленький шустрый паренек с приятным личиком обратился ко мне: «Мы вас знаем, Алексей Михайлович. У нас тут есть пацаны из вашего детприемника. Сразу же заявляем: здесь Вы боговать не будете. Это вам не детприемник. И актив здесь не приживется». Он показал ладонью себе на затылок: «Вот у нас, где ваши линейки, зарядки. Вы понимаете? Здесь хозяева - мы! А Вы должны выполнять нашу волю. Тогда все будет «ништяк».

Болдырев пристально смотрел на меня и как бы глазами говорил: «Не сорвись!». Ему не хотелось, чтобы я в первый же день потерпел фиаско. Я как-то старался собраться с мыслями и успокоиться. И вдруг вспомнил личико паренька, подростка из детприемника - Толю Звонарева.

- Я тебя узнал, Толя, - ответил я пареньку. Вижу, что еще есть ребята из детприемника. Толя, только откровенно, тебе нравится такая жизнь? Все вдруг притихли, насторожились, ждали ответа:

- А чего ж не нравится? Жрать дают, курить достаем, работаем, когда схочется. Что хотим, то и делаем...

Этим диалогом день знакомства с куряжанами запомнился мне на всю жизнь. Разговор по душам не состоялся, нами перестали интересоваться и вскоре воспитанники разошлись. Отдельными группами и в одиночку подростки направились к спальному корпусу.

Уже выйдя из зоны, Болдырев рассказал об обстановке в Куряже. Оказывается, в одну из ночей часть воспитателей и надзирателей сорвались - им надоели издевательства некоторых подростков и они их избили. Это были действительно злостные нарушители дисциплины. А пострадавшие, чтобы отомстить сотрудникам

колони, начали подстрекать всю зону, всеми способами вселяли подросткам ненависть к воспитателям и охране. Затем приняли предложение Женьки Близнюка, которое всем пацанам понравилось, как справедливое: «В зону не впускать тех воспитателей и надзирателей, которые приняли участие в «карательной» акции. Болдырев охарактеризовал мне основной состав воспитателей как людей, в основном, добросовестных. Почти все были фронтовиками, но людей с педагогическим образованием не хватало. Новый начальник колонии Матковский трудяга, хороший хозяин, но не может создать нормальные взаимоотношения между воспитателями и подростками. А у тебя, дескать, есть опыт работы с детьми в детприемнике, вот тебе и карты в руки. Ведь ребятишек спасать надо. Здесь много ребят сирот, есть и такие, у которых отцы на фронте, а отдельные бунтари подбивают их к неповиновению.

Второй день в Куряже был для меня еще сложнее, я входил в должность заместителя по учебно-воспитательной работе. Внимательно наблюдал за жизнью колонии, прикидывал, как лучше поступить.

После утренней проверки ребята разбрелись по зоне, некоторых из них можно было увидеть и в мастерских. Вдруг из производственной зоны послышался крик. Кричал вольнонаемный парень. Часть воспитанников напало на пекарню и мигом растащили хлеб. В разных местах зоны воспитанники дружно жевали хлеб. Некоторые разбрасывали куски хлеба, но никто его не подбирали. Когда пекаря разыскали замкнутого в кладовке и спросили кто напал на него, он все отнекивался, утверждал, что не знает и все тут.

Не успели разобраться с хлебом, как раздался крик в бытовой зоне - кричал вольнонаемный кладовщик. Оказалось, что группа колонистов ворвалась в склад и забрала весь запас колбасы, при этом они перевернули бочку с подсолнечным маслом.

У меня происходящие события не укладывались в голове. И при этом нужно смотреть, слушать, терпеть и не вмешиваться... Начальник колонии Матковский на службу еще не явился и надо экстренно что-то предпринять самому. Романенко, начальник механического цеха, понимая мое состояние, подошел ко мне и стал

рассказывать, что он в этой колонии работал и до войны когда эта колония носила имя А.М. Горького, но такого варварского отношения ребят ко всему он еще не видел. Он все у меня допытывался: «Что же думает предпринять руководство? Ведь воспитателей и надзирателей выгнали за зону, остается наш черед - производственников, а там и до учителей доберутся. Что же это за колония?»

Неожиданно прямо на меня вразвалочку вышел подросток (позже я узнал, что это был Владимир Шепелев по кличке «Волосатик») и на ходу бросил:

- Пусть этот «опер» больше на зоне не показывается. Понятно? Так и передайте ему.

- Какой опер? - спросил я.

- Да тот, который представлял вас. Он всем говорит, что из НКВД УССР.

- А почему? - удивленно спросил я у Шепелева.

- Да он вчера вечером водил Толика Звонарева на речку купаться, думал его подкупить. Думал, что Толик продается ему. Да мы за такие шутки «секир башка» делаем. Скажи этому «оперу», что его уже в карты проиграли, пусть лучше в зону не входит...

Час от часу было не легче. Это была уже прямая угроза работнику НКВД из Киева... Я попытался объяснить подростку, что Болдырев фронтовик, хороший человек и вовсе не опер, а заведомо НКВД УССР. Но Шепелев оборвал меня:

- Не «травите», не верю. У нас сведения поточнее, поэтому я и пришел предупредить.

Как потом выяснилось, Волосатик и Звонарев считались главными «шестерками» у Близнюка, главаря воров в законе. Когда я рассказал Болдыреву о том, что и его в зону ребята решили не пускать, он сильно расстроился и срочно приказал позвать к себе командира взвода охраны Охрименко. Командир взвода был низкий ростом, крепыш, но самое главное исполнительный, в звании старшего лейтенанта; все распоряжения выполнял точно, согласно распоряжению и без рассуждений. Болдырев кипел от негодования, курил папиросу за папиросой, писал какой - то список и

«Волосатик» Шепелев
воспитанник колонии
1945 г. На фото -
студент Львовского
университета

когда пришел Охрименко сию же минуту распорядился водворить в карцер воспитанников по предъявленному списку из тех, кто, по его мнению, командовал в зоне.

- Нужно немедленно прекратить этот беспорядок. Важно обезглавить зону от этой мерзости, - возмущенно говорил Болдырев.

- А если мальчишки окажут сопротивление? Как тогда? - спросил Охрименко.

- Применяйте силу. Это мой приказ.

Болдырев написал записку в Управление внутренних дел, в которой сообщил об обстановке в колонии и срочно просил помощи. Телефонной связи в те годы еще не было. Машина до города добиралась по отвратительной дороге более часа. Шофер Фоменко

вскочил в машину, которая тоже держалась на честном слове, все не хотела заводиться и вскоре отправилась в путь.

Между тем, события разворачивались с невероятной быстротой. Охрименко с восьмью надзирателями приступили к «операции». Близнюка они взяли удачно и быстро водворили его в карцер. Но когда стали тащить на вахту остальных отобранных по списку ребят, то вся зона мгновенно ощетибилась. Подростки вооружались кто чем мог - палками, камнями, железными болванками. Надзирателей мгновенно забросали чем попадая. Они были вынуждены спасаться бегством. Многие получили увечья, а надзирателю Чуприне разбили голову. Но самое главное - четырех надзирателей затащили в производственную зону, бросили в подвал и плотно закрыли дверь. Эти четверо стали заложниками разъяренной толпы. Кто-то дал команду: «Забросать дверь подвала!» В течение двух - трех минут дверь подвала была завалена камнями и разным хламом.

Вместе с воспитателями Коцуром и Литовченко я стал свидетелем злобной человеческой стихии, которая готова была смести все, что попадалось на пути. Но этой стихией постоянно кто-то

руководил! Ко мне и воспитателям подскочило несколько мальчишек, и со злостью спросили:

- Ну, чей карцер лучше, ваш или наш? Это вам за Женьку Близнюка!

Я поспешил за зону к Болдыреву, чтобы рассказать об увиденном. На душе было не спокойно. А расстроенный Болдырев все тербил своими вопросами: «Ну что будем делать? Твое мнение? Помощи скоро не дождемся».

Я предложил поговорить с Близнюком. Ведь он в наших руках. Видать парень влиятельный. А может лучше выпустить его? И сразу же обсудить условия об освобождении надзирателей из подвала. Болдырев заупрямился и этот план отверг напрочь. У него еще теплилась надежда на помощь из Управления. А я уже начал понимать, что не следует тянуть время, в разгулявшейся стихии злобы это чревато непредсказуемыми последствиями. Я все больше настаивал на немедленном освобождении Близнюка, но с условием - немедленно освободить и надзирателей. Нужно было идти на педагогический риск. Важно было не подорвать окончательно веру в доверие, добропорядочность, честность офицера.

- Делай, что хочешь! Я за последствия не отвечаю, - бросил мне Болдырев.

Я побежал в карцер. А виновник всего этого ребячьего бунта Женька Близнюк спокойно спал на полу, свернувшись в калачик и подложив кулак под голову. Я начал тормошить Близнюка.

- Женя, в зоне неспокойно. Четырех надзирателей заперли в подвале. Помогите успокоить ребят и освободить надзирателей. Близнюк поставил условие: в карцер его больше не помещать.

Я дал честное слово, сам же думал, что, может быть, этот самый Женька станет первым моим помощником. Парень видно не глупый. правда, разболтанный, злой. Надо поработать, посмотреть что он собой представляет. Человека из подонка сразу не сделаешь, главное – было бы за что зацепиться. Женька подросток влиятельный, если он проявит свой ум, то глядишь и другие за ним пойдут ко мне в помощники.

После небольших переговоров Женька принял мое предложение. Вместе с Близнюком я вошел в зону. Подростки тут как тут, радуются своей победе. «Женька на свободе!»

А Женька подает команду:

- Айда, к подвалу ... Суки, сейчас же разобрать хлам и выпустить навоз (так мальчишки окрестили надзирателей)!

Я стоял и наблюдал, как мгновенно растаскивали ребята гору хлама, завалившего дверь подвала. И откуда у них столько энергии взялось, есть тут и присутствие какого-то коллективного, дружного труда и еще чего-то необъяснимого. Только что-то давит на них. Жалко мне стало ребят с изломанными судьбами, не выдавшими счастливого детства. Вскоре я смог зайти в подвал к «узникам».

- Выходите! Однако один из молодых надзирателей Володя Резник сказал:

- Мы не выйдем, товарищ младший лейтенант. Пусть Близнюк даст слово, что мы останемся живыми, если выйдем...

Я пригласил в подвал Женьку. Тот догадался, в чем дело.

- Не бойтесь, выходите. Я отвечаю за вашу безопасность. Вышли со мной все четверо и мы направились к проходной. Вслед вся компания ребят. Выкрики, кто-то пытается железной палкой ударить надзирателей, кто-то бросить камень. Но Женька идет рядом со мной, все видит и кричит: «Суки, не смей, брось железо, бросьте камни!» Команда выполняется моментально. Дошли до проходной, надзиратели благополучно вышли за зону. Стало темнеть. Я передал Женьке: «А теперь все по спальням!» Тот передал команду остальным и все колонисты пошли в сторону общежития.

Когда я обходил спальни, все было спокойно. А за зоной мне еще долго пришлось беседовать то с Болдыревым, который обнимал меня и подхваливал: «Ну, брат, ты молодец! Спасибо друг. Правильно ты сделал, что Женьку Близнюка освободил». Благодарили и надзиратели, все говорили, что с ребятами так поступать не надо было. Приехал и шофер Фоменко, с ним взвод автоматчиков во главе с офицером Целищевым. Вслед за ним приехали две машины солдат пожарной охраны.

Чтобы удостовериться, что все в порядке мы с офицером вошли в зону, воспитанники спали. Но надо было ждать и начальство из управления. Вскоре приехал начальник Управления полковник Веревка, его зам. по кадрам подполковник Целищев, начальник облотдела по борьбе с беспризорностью капитан Чех и начальник колонии лейтенант Матковский. Доложили обстановку. Полковник Веревка вскоре уехал, а мы остались дожидаться утра. Так прошел второй день моей работы в Куряже.

Я прилег на солдатской кровати в комнате для дежурных. Ночь была теплая. Но никто почти не спал. Ко мне обратился Семен Михайлович Чех:

- Ну, Алексей Михайлович, с Куряжским крещением. Не страшно было?

- А знаете, страшно. Как-то по особому страшно. В чем-то хуже чем на фронте. На фронте я не видел такой разболтанности, такой озлобленности людей к своим же. Сегодня, когда рабочие получают пайку хлеба по карточкам, когда столько людей голодает, эти варвары, с позволения сказать, буханками растаскивают хлеб, опрокидывают бочку с постным маслом, уничтожают недельный запас колбасы и все это прямо у нас взрослых на глазах! А самое главное, могли лишить жизни четырех человек, двое из которых уцелели на фронте. Как это расценить? Шалость, хулиганство, крайняя разнузданность?! А ведь мы этим пацанам желаем только добра, беспокоимся об их будущем. А дальше Семен Михайлович, как бы сам с собою рассуждал:

- Из всех сегодняшних событий я убедился в том, что мальчишки умеют слушать, точно выполнять команду, умеют трудиться, когда захотят. Да они ведь наши ребята. У многих отцы на фронте, у кого-то родители погибли, часть из них пережила фашистскую оккупацию. Но как-то до пацанов не доходит, что сейчас всем трудно, ведь идет война не на жизнь, а на смерть. Но не вечно же будет война! Вот и на Дальнем Востоке успешно японских самураев бьет наша Советская армия. Настанет и на нашей улице праздник. И ребята должны все это понять.

Я ответил ему:

- Осознают и поймут, много несправедливости видели эти ребята, вот и обозлились на все на свете. Теперь работать много с ними надо, умно работать, в первую очередь, чтобы каждый из них чувствовал рядом с собой друга, наставника с его искренним человеческим участием в своей личной судьбе, а не казенного чинушу.

- Вот с этого и начни Алексей Михайлович. Соберите с Матковским сотрудников колонии, поставьте перед ними задачу изменить отношение к ребятам, разъясните положение в стране, в мире.

- Не знаю, Семен Михайлович, получится ли у меня. Мальчики приказания Женьки Близнюка выполняют потому, что боятся его и его компании. А из меня пугала не получится, да и не хочу я этого. Мне хотелось бы, чтобы они выполняли мои команды сознательно. А как сделать? Как пробудить совесть и эту сознательность? Эх, как важно, чтобы они уважали нас, старших, кто отвечает за их судьбы. Как добиться, чтобы они стыдились своих плохих поступков? Ведь для меня, к примеру, не выполнить распоряжение старшего, так просто страшно подумать. На фронте жизни не жалели, а распоряжение или приказ выполняли. Бывало, уважаемый командир попросит, - все сделаешь, нельзя было обидеть, подвести. Это значит потерять уважение, доверие к себе со стороны командира, старшего товарища. Хотелось бы, чтобы такие вот отношения сложились с ребятами.

- Получится, еще, как получится, - подбадривал меня Чех. - Только действуй уверенно, взвешенно, на рожон зря не лезь. Да и начальник колонии Матковский, человек хороший, работайте дружно. Он, как и я, по профессии инженер, здесь много придется строить. А ты работал с молодежью, видать опыт есть, да и образование педагогическое. Действуй. Я через день наведаюсь. А сейчас уже светает, я поеду. Да, вот еще что, Алексей Михайлович. Я заеду к тебе домой, предупрежу семью, что тебя какое-то время дома не будет. Пусть не волнуются, да сюда зря не ездят, чтобы тебя не отвлекать от дела. Скажи, что требуется для дома?

Я передал семье пайковые карточки, попросил, если можно помочь дровами и керосином. Утро, 7 часов ... Начался третий день работы в Куряже. Решили все вместе идти в зону. Офицер Цели-

щев с автоматчиками, Чех, Матковский, воспитатели и надзиратели, которым раньше нельзя было входить. Воспитанников построили. Первым взял слово капитан Чех. Вот что, примерно, он сказал ребятам:

- Воспитанники! Советская Армия и наш народ недавно победили фашизм, сейчас добивают японских самураев. Но в стране сложились трудности и это само собой разумеется. К сожалению, есть среди нас несознательные, которые подстрекают вас к беспорядкам. Они поступают, как настоящие враги, сознательно или несознательно, факт налицо. Но, если наш народ справился с фашистскими полчищами, то с отдельными несознательными людьми и подавно справится, будьте в этом уверены...

Чех не успел договорить свою речь до конца, как строй воспитанников мгновенно рассыпался, как это было и раньше. Офицер Целищев скомандовал:

- Сейчас же стать в строй!

Но его никто не слушал.

- Сейчас же стать в строй! - Прозвенел голос Целищева на плацу, где обычно строились воспитанники, - иначе приму чрезвычайные меры!

Но никто не обращал на него никакого внимания. Тогда он скомандовал:

- Автоматчики к бою! - когда щелкнули затворы автоматов, строй воспитанников стал восстанавливаться.

Матковский дал команду завести всех воспитанников в клуб. За ними в клуб зашли сотрудники колонии и автоматчики. По списку начали выводить на вахту человек 30 тех подростков, которые подстрекали ребят к неповиновению. Некоторых из списка в клубе не оказалось.

Руководство и автоматчики покинули зону. Часть воспитателей и надзирателей остались с ребятами. Напряжение не покидало подростков. В клубе сидели на досках, положенных на кирпичи, скамеек еще не было. Я пытался снять страх у ребят:

- Кто над вами верховодил, тот больше в зону не зайдет. Они вас грабили под видом картежной игры и тому подобное. Забирали у

вас пайку хлеба, еду, вещи. Многие из вас от голоду доведены до крайности, стали дистрофиками. А на чем вы спите? Нет ни подушек, ни матрацов - разве это матрацы? Вы так живете потому, что нет порядка. А порядок кроме нас самих никто не наведет! Так дальше жить, как вы живете, нельзя. И никто не имеет права вас обижать. Нужно, наконец, восстановить справедливость.

Мне пришлось прочесть отдельные письма ваших родителей, они ждут вас домой, ждут вас понявшими смысл жизни, понявшими свой долг перед семьей и перед отечеством. Скоро будет конец войне, а в честь Победы, я надеюсь, будет и для многих амнистия. Но тем, кто организовывал здесь беспорядки, надеяться не на что. В этой колонии работал замечательный человек, педагог и писатель Антон Семенович Макаренко, который помог возвратиться к полноценной жизни тысячам детей и подростков, бывшим беспризорным и правонарушителям. И сегодня, как представитель администрации, я обещаю вам, что мы, все сотрудники колонии, сделаем все, что только будет зависеть от нас, чтобы вернуть вас в ваши семьи, а кого необходимо, трудоустроить, чтобы вы в жизни шли только по верному пути.

Кто-то из зала выкрикнул:

- Хватит, нам это надоело!

- Кому хватит? Выходи сюда, чтобы тебя все видели, - не сдержался я.

Зал молчал, проносился какой-то шепот.

- Что, трусишь?

В зале стало еще тише. Какой-то страх повис над каждым колонистом, лица их были испуганными, растерянными. Может кто-то и верил моим словам, но сказать вслух боялся. Боялся, что будет выглядеть белой вороной среди колонистов. Страх перед ворьем сразу не проходит, подумал я, чтобы вытравить этот страх нужно время. Обычно страх парализует человека, сковывает рассудок, волю, убивает всякую инициативу, направленную на добро. Воровские законы жестокие.

Вдруг заскрипела дверь. Все обернулись. У двери стояло восемь воспитанников, грязных в мокрой одежде. Оказалось, что

после команды офицера Целищева им удалось улизнуть из строя и спрятаться в подземном ходе. При оккупации этот ход был частично разрыт. Местные старожилы рассказывали, что Куряжский монастырь имел подземные сообщения даже с Харьковом (с монастырем на улице Университетской), оборудованные подземные траншеи видели и сотрудники колонии. Во время поисков исчезнувших воспитанников надзиратели и обнаружили след, ведущий в подземный ход. Вход был узкий, мальчишки в него пролезли, а взрослые не смогли проникнуть. Надзиратели кричали, чтобы подростки вернулись, но те затаились и не подавали никаких признаков жизни. Тогда решили проверить, есть ли в траншее кто-нибудь или нет. Пожарники под сильным давлением пустили туда струю воды. Через некоторое время послышался писк и крик: «Ой, спасите, помогите. Тонем!» Несколько надзирателей сразу же направились к траншее, а из траншеи выходили мокрые ребята, вымазанные в глину, все восьмеро.

Появление в клубе грязных, испуганных подростков рассмешило всех, кто-то захихикал, и никто не смог уже удержаться от смеха. А потом в зале стало не привычно тихо. Я обратился к Шепелеву (Волосатику), который был среди восьмерых:

- Расскажи, что с тобой произошло? Где это ты нашел возможность так выкупаться?

- Это меня в земляной траншее замочили, - плаксиво ответил Волосатик. В зале снова раздался хохот.

- А чего это тебя мочили, кто мочил?

И Волосатик рассказал, как все было. А потом неожиданно для всех сказал:

- Простите нас, мы больше не будем.

У меня на душе как-то отлегло от такого покаяния колонистов. Какое-то просветление в мыслях наступало и у ребят. Пусть хоть один из них высказался в слух. А в зале уже мелькали повеселевшие лица. Кто-то вздохнул. Вывели ребят из клуба, организовали построение, пересчитали их. Половину направили на производство, а остальные пошли на стадион. Воспитатели организовали занятия по курсу одиночного бойца. Почти все воспитатели были

военные и занятия прошли успешно. Никаких планов воспитательной работы в этот момент ни у кого не было. Нужно было учить людей воспитательной работе и самому учиться. Так прошел третий день моей работы в Куряже. Всю ночь мне не давала покоя мысль об организации коллектива колонистов так, как это было у Антона Семеновича Макаренко. Возможно ли его опыт сегодня превратить в действительность?»¹

Длительное время Куряжская колония находилась в поисках определенной педагогической системы, которая способствовала бы не просто содержанию осужденных правонарушителей, изолированных от общества, а системы, которая бы способствовала исправлению и перевоспитанию несовершеннолетних осужденных. Встал вопрос о том, нужны ли в колонии какие-либо специфические формы и методы, подходы в воспитании несовершеннолетних осужденных? Ведь даже школа общеобразовательная, сельская и городская имеют различие; есть дневные и вечерние школы, специальные с математическим уклоном, музыкальные, художественные, школы для глухо-немых, слепых, умственно-отсталых. Ошибки в определении задач, отборе средств, форм и методов всегда сказываются на результатах в воспитательной работе.

В 1949 году были проведены и стали традиционными конференции родителей воспитанников, рапорты рабочему классу, военно-патриотические праздники. Начали поддерживать шефские связи с предприятиями и учебными заведениями Харькова.

Я пришел работать в Куряжскую ВТК в 1954 г. В то время наука не занималась вплотную организацией работы в колониях. Администрация и сотрудники колонии действовали интуитивно, приспособляли разработки просветителей, публиковавшихся в периодической печати и журналах «Народное образование», «Начальная школа», «Советская педагогика», в «Учительской газете», «Радянський освіте» и других. Наиболее весомыми и системными в воспитательной работе были труды А.С. Макаренко, к которым и стали обращаться сотрудники колонии.

На работу в Куряжскую ВТК меня принимал сам начальник колонии Евгений Денисович Матковский. Из Харькова я доехал

поездом до станции Рыжов, где зашел в парикмахерскую подстричься и расспросил дорогу в Куряж. Мне сказали, что начальник там строгий, а колонисты - отъявленные хулиганы и об этом хорошо знают люди из ближних сел.

Евгений Денисович, после короткой беседы, дал задание секретарю Нине Андреевне Резниковой выдать мне пропуск в зону, чтобы ознакомиться со школой.

Стояла солнечная сентябрьская погода. На центральной аллее я увидел греющихся на солнышке подростков в черных пэтэушных бушлатах и картузах, одежда не у всех была по росту. Когда проходил мимо, некоторые встали и здоровались. У меня на душе как-то стало легче. Подумалось: «А они еще и здороваются!»

Школа-семилетка размещалась на втором этаже четырехэтажного здания общежития. Директор школы Иван Павлович Тимченко познакомил с учителями, которые рассказали о порядках в школе. Дисциплина у ребят вполне сносная, но учителя в колонию идут работать неохотно. Школьная учебная программа в колонии как и в обычной массовой школе. Офицеры-воспитатели обеспечивают порядок и дисциплину и ежедневно присутствуют на самоподготовке после уроков. От учителя требуется хорошо вести уроки и дополнительно заниматься с отстающими ребятами, т.к. на свободе многие из них не учились. Существовала и другая проблема - текучесть учащихся на протяжении учебного года: одни выбывают, другие прибывают.

На следующий день я занял должность учителя третьего класса. В то время большинство классов в колонии были начальными. На всю школу был единственный седьмой класс, младших классов по 3-4. В колонии тогда было до 700 воспитанников. При первом же знакомстве с ребятами мне бросилось в глаза, что в классе есть подростки, которые верховодят. Когда я вошел в класс, все учащиеся как один вскочили с мест. Я подошел к столу и поздоровался. Все молчали. Раздался легонький свист и все ребята гаркнули: «Здравия желаем!!!» Я предложил сесть, но никто не сдвинулся. Снова раздался легкий свист и все буквально попадали на парты.

Коллектив учителей школы в Куряжской колонии. 1954 г.
Автор книги в верхнем ряду второй слева.

Вскоре я узнал, что заправилой в классе был Попов. Он отрубил себе на правой руке два пальца, чтобы не работать на производстве. В юриспруденции это называется членовредительством. Мордочка у Попова была полненькой, чем-то по-детски симпатичной, с улыбочкой. Одевался он опрятно, часто носил домашние вещи: свитер или рубашку. Администрация колонии, чтобы подыскать подходящую работу, предложила Попову выдавать посылки, которые присылали родители. Попов был «шестеркой» у заправилы всей зоны Пантелеева и его корешей. Когда Попов выдавал посылки, то заставлял воспитанников в ведомости расписываться в получении посылки, а содержимое делил по принципу опереточного героя Попандопулу: «Это мне, это мне, это тоже мне!» Кое-что оставалось и получателю посылки.

Награбленным - колбасой, конфетами, печеньем, вареньем и другими продуктами, Попов подкармливал «бугров» (бригадиров) зоны. Этим вызывал к себе и так называемому «активу» неприязнь. За ряд услуг актив держал зону в повиновении, чем облегчал работу сотрудников колонии. А тех из ребят, кто возмущался или нарушал дисциплину и порядок (в их понимании), тех нака-

зывали. Воспитатели могли по приказу начальника колонии водворить подростка на несколько суток в дисциплинарный изолятор. Актив же мог более изощренно наказать своего сотоварища - от наряда вне очереди по уборке помещения, до пропускания сквозь строй ночью. О проделках «активистов» не многие вольнонаемные тогда могли узнать, издевательства над ребятами продельвались тайно. Но вот удрученный вид отдельных ребят бросался в глаза всем.

Несмотря на то, что в колонии была хорошая дисциплина, угнетенный вид колонистов постоянно настораживал. Это была система воспитания, когда дисциплина, как результат воспитательного воздействия строилась не на сознании ребят, а на муштре, дрессировке, под давлением постоянного страха со стороны актива. И хотя в колонии были воры, убийцы, бандиты, насильники, для меня подобная система была неприемлема, ведь в колонии находились несовершеннолетние...

Но я был молод, не опытен и не мог противиться установившейся системе. Почему-то подумалось, что, очевидно, иначе с преступниками поступать нельзя. Очевидно, в то время идентичное воспитание было и в других колониях. К тому же всех работников заставляли давать расписку о том, что они не должны разглашать увиденное и услышанное в колонии. Это была тайна за семью печатями.

Прошло около месяца моей работы, и я убедился в правоте сомнений относительно существующей системы воспитательной работы. Вскоре в сложившейся педагогической системе вскрылись серьезные изъяны. Одним из принципов воспитания несовершеннолетних осужденных со стороны ряда офицеров колонии и зам. начальника по учебно-воспитательной работе Суслова был такой: «Или воспитанник уважает воспитателя и выполняет все распоряжения, или воспитанник должен бояться воспитателя, но распоряжения должен все равно выполнять». Суслов, как бы подавая пример, время от времени в своем кабинете заставлял подростка искать «пятый угол», т.е. попросту бил, что в правовой терминологии называется «рукоприкладством». Воспитатели,

приверженцы более гуманного и демократичного воспитания, вынуждены были тогда быть в оппозиции, так как открыто высказать свое мнение было невозможно.

Наступила глубокая осень. В школе еще не топили, было прохладно. Ребята на уроках кутались в одежду и, пересиливая свою дремоту после работы на производстве, с трудом усваивали задания на уроках. Чтобы как-то оживить уроки, при хорошем поведении и выполнении заданий, я стремился хоть чем-нибудь их поощрить: рассказать о жизни на свободе, о новом кинофильме, а иногда просто читал сказку. У многих ребят нормального детства не было и они любили сказки. В один из таких дней Иван Павлович Тимченко, директор школы, сообщил учителям, что в Харькове находится Министр Внутренних Дел СССР С. Круглов. Он знакомится с работой колоний Харьковской области и, возможно, будет в Куряже. Всем учителям необходимо быть готовым к возможной встрече. Я пришел в школу на вторую смену, а там шел аврал: натирали мастикой полы, что-то подкрашивали.

После звонка на урок учителя разошлись по классам. Несколько воспитанников продолжали натирать пол в длинном коридоре: один ложился на суконное одеяло, а трое бегом тащили это «изобретение века» по полу и за несколько минут наводился блеск. Руководили уборкой школы дежурные учителя и два подростка, коменданты школы Ярчук и Петров.

Ярчук чем-то напоминал мне ястреба. Очевидно, носом с горбинкой, узкими карими глазами, черной челкой волос, к тому же немного сгорбленный, вроде как нахохлившийся. Другой подросток, Петров, всегда стоял ровно, нос его был как бы вдавленным в лицо, а выпученные серые глаза всегда удивленно смотрели на собеседника.

И Ярчук, и Петров всегда были вежливыми с учителями, только и слышишь: «Здрасьте», «Досвиданьице», «Сейчас помоем графин и принесем свежей водички». И кто бы мог подумать, что в недалеком будущем они то и станут солистами в хоре недовольных подростков, имевшихся в противовес активистам, в так называемом рецидиве.

Не успела «тройка» завершить свой бег, чтобы довести пол до шикарнейшего блеска, как прозвучала команда: «Всем разбежаться по классам, в школу идет министр!». Учителя только что вышли после звонка с урока на перемену, чтобы подготовиться к следующему уроку, как в учительскую зашла целая делегация военных, среди которых выделялся своей дородной фигурой высокий генерал - министр МВД СССР Круглов. Первый раз в жизни мне пришлось увидеть живого министра, да еще где - в колонии! Обычно начальника колонии Матковского воспитанники называли «хозяин». Матковский всегда был подтянут, строен, в начищенных сапогах, ходил в развалочку и, действительно, у него до всего было дело. А тут вдруг и начальник колонии, и работники Управления ВД области перед министром стояли, словно нашкодившие мальчишки, вытянувшиеся и бледные, ели глазами начальство. Сам министр Круглов пятерней чесал левую руку у локтя и давал разнос за двери, которые хлопали при входе в общежитие. Матковский тактично оправдывался, дескать: «Виноват!»

- Какой ты хозяин, если не можешь починить двери, чтобы она не болталась?!

- Что ты все мне рассказываешь, сколько изготовлено насосов да молотков на производстве? Твоя продукция - это ребята, чтобы не было повторной преступности.

Неожиданно Круглов обратился к директору школы Тимченко:

- Вам помогают воспитатели наводить порядок в школе? А может быть после суда у подростков-комсомольцев не забирать комсомольские билеты? А может и из комсомола не исключать осужденных подростков? Как Вы смотрите на то, чтобы директор школы одновременно был бы и начальником колонии, как у Макаренко?

Неожиданно глаза министра остановились на мне. Я в то время был самым молодым учителем в коллективе и никакого трепета от остановившихся глаз министра не ощущал.

- Какая дисциплина ребят на уроках? В колонии давно работаете? - спросил министр. Увидев, что у меня болезненный вид (я был простужен), министр снова обратился ко мне:

- А санчасть колонии помогает вольнонаемным, если кто из сотрудников заболит?

Пообщавшись с учителями, Круглов вновь начал распекал начальника колонии. У Матковского побагровело и взялось пятнами лицо, короткий чубчик вздыбился ежиком, на лбу и висках выступили капельки пота, серо-голубые глаза как-то округлились. Военные молчали, словно в рот воды набрали, стояли навтыжку, словно аршин проглотили. Перестал оправдываться и Матковский. Настало какое-то злое затишье, как перед грозой.

Честное слово, я бы не хотел оказаться на месте начальника колонии в ту минуту. Евгений Денисович Матковский - добросовестнейший служака, день и ночь сидел в колонии и добивался, чтобы коллектив сотрудников был работоспособным. Как все служаки он дорожил честью мундира, найти другую должность, подобную, не так-то просто. Внешне в колонии был порядок - производство выполняло план. Казалось бы, нет необходимости так строго подходить министру к деятельности начальника колонии. Ан, нет, снова басовито звучит его голос:

- Ну что ты мне очки одеваешь? Навел марафет, заставил выкрасить свежей краской перила, двери... Натерли полы везде перед моим приходом. Это же самая настоящая показуха!

Обстановка в учительской накалилась донельзя. И тут вмешался в разговор пожилой учитель четвертого класса Скрипка. Он встряхнул маленькой седой головкой, склонивши её набок, чуть улыбнулся, развел руками и вежливо обратился к министру:

- А какой же хозяин встречает дорогого гостя грязной тряпкой да мусором? Гостя надо встречать, как подобает.

Никто не ожидал такого смелого заявления от пожилого учителя, а ему-то терять нечего.

Министр тоже улыбнулся, кто-то слегка засмеялся. Дело приняло неожиданный поворот, наконец спало напряжение.

Понятно, что глубины жизни воспитанников в колонии, в то время я еще не знал. Это оперуполномоченный Дзюбенко и начальник колонии через ребят многое знали. Больше чем уверен, что и министру не все докладывали, как-то сглаживали острые

углы. Министр судил об обстановке в колонии по тому, что бросилось в глаза, да по тому, что ему рассказали. А в колонии тогда уже проводились ежедневные вечерние линейки, оркестр играл гимн, дежурный по колонии зачитывал приказ начальника колонии, где подводился итог жизни коллектива за день, где ставились задачи на следующий день. Ребята хоть и плохим строем, но шли в школу и на производство по сменам. В клубе два раза в неделю демонстрировали кинофильмы, проводились смотры самодеятельности, выпускались стенные газеты. В колонии сложилась определенная система, которую поддерживали офицеры-воспитатели. Евгений Денисович Матковский тогда мечтал, о том, что бы в колонии с ребятами работали офицеры-педагоги с должным педагогическим образованием, но этого мы не добились и по сегодняшний день.

Вскоре после отъезда министра из Харькова случилось ЧП. Опытный старший воспитатель карантина Коцур Семен Демидович ушел в отпуск, а заменяющий его офицер недосмотрел связи вновь прибывших в колонию подростков с теми, кто был недоволен активом. Эти подростки еще в СИЗО (следственном изоляторе) получили от взрослых рецидивистов задание из «сучьей» колонии сделать «воровскую» и подчинить себе администрацию колонии. Воры решили использовать недовольство ребят на «бугров», отбирающих продукты, вещи, а также отдельные факты издевательств над ребятами.

Недовольные активом рьяно взялись за дело. Тайно изготавливались пики, ножи, прутья, их прятали в разных местах. Позже выяснилось, что Ярчук и Петров, примкнув к руководящей верхушке воров, в каптерке для тряпок и ведер сорвали доски пола и сделали там «зачачку» - тайник, где накапливали холодное оружие. В колонии началось брожение. Это, казалось бы, хаотическое движение подростков вне распорядка дня, отдельные неповиновения замечали сотрудники колонии, но не предполагали к чему оно приведет.

В один из таких дней я вышел на первую смену в школу. Мой третий класс работал на уроках в обычном ритме. Уроки подходи-

ли к концу смены, как вдруг воспитанники сорвались с мест: сначала бросились к окнам, затем часть учащихся выбежала в коридор, а другая часть распахнула окно и по водосточной трубе со второго этажа стала спускаться вниз.

Я глянул в окно и увидел, что со стороны производства и карантина бегут в нашу сторону вос-

питанники с кольями, пиками, ломami. Они что-то кричали. На мои увещания всем учащимся остаться на местах, никто не реагировал. Оставшись в классе один, я понял, что произошло что-то непредвиденное. В учительской учителя обеспокоенно обсуждали неординарное событие. Похоже, это был ребячий бунт.

А подростки в это время разбежались по спальням бить «бугров». «Активисты» один за другим убегали на вахту, спасаясь от преследований. Часть актива заперлась в вагранке литейного цеха, а толпа недовольных колонистов пыталась ломami развалить печь, чтобы расправиться с ними. Из спален и каптерок активисты выпрыгивали во дворик и бежали к вахте, кто-то спрятался в угольной куче кочегарки.

Кто его знает, чем бы все это кончилось, но, к счастью, подоспели солдаты конвойного полка, которых вызвали по телефону, и солдаты загнали всех ребят на стадион. Начались переговоры. Колонисты поставили главное условие: «Убрать всех активистов, разрешить колонистам самим «держать» зону.

Кому это «самим»? Оказалось, тем ворам в законе, которые возглавили бунт. Приехавшие из областного управления начальник отдела детских колоний Харькова П.Д. Хрещатый и начальник колонии Е.Д.Матковский поставили свои условия: «Актив

Ибрагим Шагаев, бывший воспитанник А.С. Макаренко, горьковец, сотрудник Куряжской ВК (крайний слева)

будет удален из зоны, все воспитанники должны выполнять установленный режим дня».

Уже вторая смена учителей как обычно по расписанию проводила уроки в школе. На территории колонии проходила уборка и вскоре следа не осталось от прошедших событий. Но, оставляя зону «воровской», под-

Г. Т. Беленький, воспитанник А.С. Макаренко, горьковец, сотрудник Куряжской ВК (второй справа) и студенты Липецкого педагогического института

чиняться требованиям воров, которые выставляли свои условия, наращивая их, нельзя было. В такой зоне сотрудники становились как бы постоянными заложниками. Тут-то я и стал понимать, что лучше уж какая-нибудь система в перевоспитании преступников, чем работа без системы!

Нужно отдать должное руководству Управления и колонии за оперативность. Уже на утро из колонии было выведено до 40 зачинщиков бунта. Во время утренней физзарядки прозвучала команда: «Ложись!» Откуда только взялись солдаты конвойного полка! По списку надзиратели вывели строптивых воспитанников. Подобного в колонии больше не случалось. Но доверие ребят, которые были участниками тех событий, было потеряно. А вновь прибывшие уже не знали о минувших событиях лично, они только слышали об этом, их прошлое не касалось. Безусловно, Сусллова, зам. начальника по учебно-воспитательной работе, освободили от занимаемой должности.

На его место перевели начальника 1-го отряда Петра Наумовича Розенберга, который нашел пути по налаживанию должного порядка в колонии. Он то и стал душой коллектива ребят и пользовался огромным авторитетом у сотрудников колонии. На прин-

Старый механический цех Куряжской ВК

ципе Макаренко: «Как можно больше требований к воспитанникам и как можно больше уважения к ним и доверия». Все чаще на педсоветы к концу рабочего дня в учительской собирались учителя, воспитатели и мастера ПТУ и производства. Педсо-

веты незаметно переросли в учебно-воспитательские советы. Обсуждались задачи колонии на принципах А.С. Макаренко, стали возрождаться традиции колонии им. М. Горького.

Е.Д. Матковский с одобрением относился к тем сотрудникам, которые перечитывали Макаренко и стремились к возрождению традиций колонии им. М. Горького. Также в колонии работали бывший воспитанник Антона Семеновича завстоловой И. Шагаев, где он проработал 17 лет, мастер фрезерного цеха Г. Беленький, первый из горьковцев тракторист, контролер А.Свободный, которые рассказывали о деятельности колонии им. М. Горького.

Е.Д. Матковский, вероятно, «заболел» мыслью об использовании педагогического наследия А.С. Макаренко в колонии. Жизнь и быт перестраивались буквально не по дням, а по часам. К 1958 году на повестку дня встал вопрос о создании образцового детского учреждения и музея А.С. Макаренко к 70-летию со дня рождения.

Вокруг П.Н. Розенберга начал сколачиваться актив его 1-го отряда. Затем потянулись к нему ребята и с других отрядов. Розенберг сумел организовать работоспособное самоуправление из ребят. Чтобы воспитанники не роптали, что им не разрешают носить прически, он сам первый наголо постригся, а за ним и все командиры. Он, как и ребята, в холодное время года надел фуфайку, чтобы ребята не претендовали на домашнюю одежду. В корот-

кий срок вместо пэтэ-ушных помятых картузов и курток не по росту, ребятам пошили за те же деньги из хлопчатобумажной диагонали пилотки, гимнастерки, которые носили под ремень со звездой на пряжке. Вот когда получила свою путевку в жизнь пресловутая «военизация». Построения, рапорты и салюты, почести знамени, разводы под оркестр в школу и на производство...

Сотрудники и воспитанники колонии. 1952 г.

Во время парадов красивый строй ребят украшал колонию. Да что там говорить! Шагаев и Беленький утверждали: «Вот так, примерно, было и при Макаренко. П.Н. Розенберг день и ночь был в колонии с ребятами, стал душой учителей и воспитателей. Поэтому у него многое удавалось.

С 1954 года над колонией стал шефствовать Харьковский университет им. М. Горького (комсомольцы филфака).

Самым трудным было бороться с воровскими традициями, которые приходили в колонию с каждой новой группой ребят. Уже в следственном изоляторе мальчишек делили на разные группы. Воры обижали слабых, особенно тех, кто к ним не примыкал. Отдельных ребят насиловали, делали их «петухами». В колонии к таким ребятам относились с презрением. С таким мальчишкой никто не садился рядом ни в школе, ни в спальне, ни в столовой. Словом, это были изгои, униженные и оскорбленные.

Помню один случай. В школе пропал звонок в виде колокольчика, им давали звонок на урок дежурные учителя, когда не было электричества. Нечем стало звонить, пробовали колотить о стакан ключами, но разве услышат ребята такой звонок в разных углах коридора и классах во время перемены?! В результате стали

срываться уроки. Учителя собрали всех членов школьной комиссии в учительской и поручили им найти звонок. Никаких результатов. Из старых санкомов был Зеленцов, колонист со стажем. Я, как дежурный учитель, решил обратиться с просьбой к Зеленцову. И что же вы думаете? Глянув на часы, я пошел в учительскую давать звонок и вижу на столе звонок. Я дал звонок. Но мысль о том, каким же образом воспитанник смог так быстро отыскать звонок и вернуть его на место, не покидала меня. Я разыскал Зеленцова, и стал просить его рассказать, каким образом он его нашел. Он долго отнекивался, но, увидев мою настойчивость, попросил, чтобы я об этом никому не рассказывал. Он объявил всем воспитанникам в коридоре: «Если звонок не вернет на место тот, кто его взял, он станет «петухом»....

После суда осужденных подростков привозили в «воронках» в колонию для отбытия срока наказания и начальник колонии или дежурный по колонии водворял их в карантин. В карантине три недели подростки изучались, осматривались медицинскими работниками. Учителя проводили опрос с целью определения уровня образования для направления в соответствующие классы. Работники ПТУ выясняли возможности и пожелания подростка. Начальники отрядов изучали педагогическую запущенность с целью определения их в отряды и отделения.

По-разному, в зависимости от опыта старшего воспитателя, проходило житие-бытие подростков в карантине. Можно было видеть, как подростки летом в зарешеченных окнах, но при открытых рамах сыпали на подоконник сахар, к ним прилетали пчелы и осы и подростки с интересом наблюдали за жизнью насекомых. В комнате обычно было по несколько ребят, от двух до четырех. Когда подростки оставались без контроля, они делились своей осведомленностью о жизни преступников. Из следственных изоляторов подростки приносили богатый багаж рецидивистских событий различных колоний и тюрем. Все эти познания претворялись в практику жизни в карантине. И с этой преступной «романтикой» постоянно велась борьба со стороны сотрудников колонии.

Когда подростков вывели из карантина в отделения, собирался совет командиров. Вначале П.Н. Розенберг такие советы специально готовил, позже они проходили экспромтом. На совет по одному приходили карантинники. Становились посредине комнаты лицом к столу, за

Репетиция в муззвезде

которым сидел Розенберг и секретарь совета командиров, который вел протокол. С трех сторон вдоль стен стояли стулья, на которых размещалось до 30 членов совета командиров. Новенький рассказывал за что он осужден, каково его личное участие в преступлении. Обычно ему подсказывали: «не статью нужно называть, а что ты сделал преступного?» Постепенно разговор переходил к тому, как будет жить новенький в колонии.

- А уборкой будешь заниматься?

- Нет.

- Сорить будешь, а убирать не будешь? А кто за тобой будет убирать?

- А как вести себя будешь?

- Хорошо.

- А почему не отлично?

Совет командиров давал понять, что в колонии новенький должен распрощаться со своим преступным прошлым и начать новую, коллективную жизнь, стремиться своим отличным поведением, трудом и учебой добиваться досрочного освобождения, ему вселялась уверенность в том, что он сможет стать достойным гражданином общества.

Пот проступит, бывало, у новеньких от подобного разговора «по душам».

- А чем занимался для души?

- Играл на гитаре?

Лидия Субтельникова, воспитанница колонии им. М. Горького, в главной роли в музыкальной комедии "Правая рука". ДК "Металлист". Харьков. 1953 г.

- Может, у нас будешь в муззвезде? Если не знаешь, то там научат. Срок у тебя подходящий. Так будешь играть в духовом оркестре?

- Буду.

- Это по желанию? Или просто так сказал?

- По желанию.

П.Н. Розенберг подводил итог и предлагал парня определить в первый

отряд, 9-е отделение, муззвезд. Всканивает командир муззвезда Павличенко, подбегает к новенькому, протягивает ему руку.

- Меня зовут Петром, я командир муззвезда. Будем жить вместе и дружно. У нас хорошие ребята. Я тебя в обиду не дам, - шепчет Петро новенькому.

Новенький как за соломинку хватается за руку Петра и они вдвоем выходят из кабинета замнач, чтобы уже в отделении показать новых товарищей, койку, тумбочку и все необходимое для новой жизни в колонии.

А вот что говорил о применении педагогических принципов А.С. Макаренко начальник колонии Матковский: «В основу воспитательной работы коллектив Куряжской колонии стремился положить важнейшие принципы, разработанные А.С. Макаренко, - воспитание в коллективе, для коллектива и через коллектив, принцип требовательности в соединении с доверием, воспитание в труде, связь с общественностью и ряд других.

Применяя формы и методы воспитания, описанные в трудах А.С. Макаренко, мы помним, что их нельзя механически копировать. Поэтому мы учитывали конкретную обстановку в колонии, условия и особенности детского коллектива и исходили из того, что подростки, содержащиеся в колонии, уже не те, что были 20-25 лет назад в колонии при Антоне Семеновиче.

В колонии была развита активная воспитательная работа по укреплению детского коллектива. Для этой цели, в частности, широко используется принцип перспективных линий, разработанный А.С. Макаренко. Воспитателям и даже подросткам известны примеры использования «перспективных линий», описанных в «Педагогической поэме». Это подготовка к переезду в Куряж, поездка на Кавказ и другое.

После репетиции. Начальник колонии Е.Д. Матковский и участники художественной самодеятельности. 1960 г.

В наших условиях мы ставили перед ребятами такие близкие перспективы, как поездка в университет для встречи с шефами-студентами, получение разряда более высокой квалификации, встреча с родителями, участие во встречах с интересными для подростков людьми, например, писателем С. Михалковым и другие.

Когда создан здоровый детский коллектив и жизнь подростков заполнена интересной деятельностью, ближайшие перспективы возникают почти каждый день, а некоторые из них переходят в средние перспективы и приобретают устойчивость. Так, в Куряжской колонии с 1948 года регулярно проводятся собрания с родителями. Приезд родителей является радостной перспективой для ребят. Готовятся к нему они с большим энтузиазмом, резко улучшают учебу и дисциплину.

Далекую перспективу применяют в отношении ребят, у которых длительной период срок заключения. Например, постройка нового производственного корпуса для целого ряда воспитанников, явилась перспективой улучшения условий производства и получения более высокой квалификации.

Вполне понятно, что если нет перспективы, нет движения вперед, наступает затишье, которое приводит к разложению коллектива со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Обучение токарному делу

Неотъемлемой частью воспитания молодежи является воспитание в труде. Известно, какое серьезное внимание уделял этому вопросу А.С. Макаренко. Воспитание и обучение в условиях производственного труда помогает воспитателю, учителю и мастеру искоре-

нить вредные привычки и дурные наклонности подростка. Но труд должен быть, прежде всего, творческим. Исходя из этого, в колонии всеми способами поддерживается и поощряется рационализаторская мысль подростка. Наши воспитанники вносят десятки предложений, большинство из которых внедряется в производство, что ежегодно приносит около 30 тысяч рублей экономии.

Большую роль играют, конечно, и вопросы организации труда. У нас на производстве были созданы сводные бригады токарей, слесарей, формовщиков и т.д., во главе которых стоит член производственной комиссии или передовик производства. Эти сводные бригады служат замечательным средством развития нравственных качеств и воспитания организационных навыков, так как возглавляются в большинстве случаев рядовыми воспитанниками, в подчинении которых временно входят командиры и другие члены актива. Еженедельно проводятся производственные совещания бригад, на которых подводятся итоги работы, принимаются меры к устранению недостатков, улучшению качества выпускаемой продукции и т.д. Между бригадами развернуто социалистическое соревнование.

Производственный план колонии рассматривается не как самоцель, а как средство для перевоспитания подростков в труде. Созданию и укреплению детского коллектива во многом способ-

ствуется вовлечение подростков в активную жизнь колонии путем участия подростков на выборных началах в совете воспитанников и в общественных комиссиях.

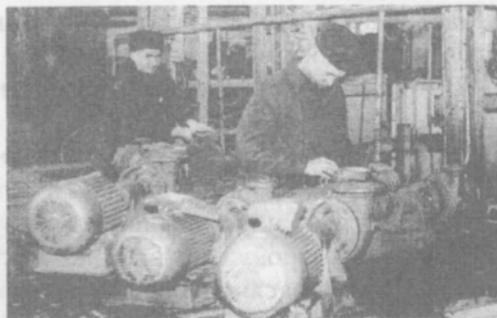
«Актив - учил Макаренко, - является тем здоровым и необходимым в воспитательном учреждении резервом, который обеспечивает преемственность поколений в коллективе, сохраняет стиль, тон и традиции коллектива».²

Исходя из этих указаний учителя, работе с активом уделяется особое внимание, стремясь привлечь к общественной жизни колонии возможно больше воспитанников, в том числе и особо запущенных. В созданных на выборных началах девяти общественных комиссиях нашей колонии работает 144 подростка.

В Куряжской ВК по традиции работают общественные комиссии: санитарная, школьная, производственная, пищевая, хозяйственная, клубная, библиотечная, физкультурная, шефская, иногда - внутреннего порядка.

Но само по себе большое число активистов еще не решает дела и не всегда может обеспечить преемственность коллектива. Поэтому, в колонии была введена практика избрания кандидатов в члены общественных комиссий. Это нововведение вызвало вначале большие споры о целесообразности, но практическая работа подтвердила необходимость избрания кандидатов.

Кандидаты в члены общественных комиссий, которых в колонии больше ста, активно участвуют в их работе и выполняют отдельные поручения общественного и хозяйственного характера. Введение института кандидатов создало в колонии особую традицию. При выборе в члены общественных комиссий ребятам вручаются значки. Уходя из колонии, член комиссии в торжественной обстановке и с соответствующим напутственным словом пе-

Сборка электронасосов

редает значок кандидату, отныне занимающему эту должность. Ребята с гордостью носят эти значки.

В годы работы Матковского в колонии была перестроена организация детского коллектива по системе укрупненных отрядов. Все воспитанники разделены на 3 больших отряда, численностью до 150 человек. Отряд делятся на 3 отделения, причем каждое отделение состоит из воспитанников, обучающихся в двух классах.

Такая перестройка детского коллектива открыла большие возможности для расширения здорового работоспособного актива. Создание совета воспитанников и секции общественных комиссий в каждом из трех отрядов почти утроило число воспитанников, составляющих актив колонии, значительно приблизившись к тому положению в детском коллективе, которое создавал и заботливо сохранял А.С. Макаренко. Вместе с тем, членами советов при новой организации стали чаще становиться в положение рядовых членов бригады и тем самым воспитывать в себе те «навыки торможения», которые так высоко ценил Антон Семенович в характере человека.

Актив выращивался не только из лучших ребят. Особо запущенные подростки, правда, с большими трудностями, также вовлекались в общественную жизнь колонии. Так, длительное время воспитанник Кравченко уклонялся от поручений, держался замкнуто, всех сторонился. Это продолжалось до тех пор, пока физрук не вовлек его в спортивную жизнь колонии. Это положительно сказалось на работе, учебе и дисциплине подростка.

Принцип индивидуального подхода здесь стремились сочетать с принципом параллельного действия, следуя и в этом отношении советам А.С. Макаренко. Вот один из примеров такой формы воспитательного действия. В колонию прибыл педагогически запущенный подросток Соколов. Он вел себя грубо, вызывая нарушение распорядка дня. Беседы воспитателей и даже меры наказания не приносили результатов. Тогда была изменена тактика. Прогоулы Соколова и нарушения распорядка стали относить на счет отделения в целом. Отделение лишилось первых мест в соревновании, перестало получать награды. Поведение Соколова

стало предметом обсуждения коллектива на собрании, где он, однако, держал себя по-прежнему вызывающе. Собрание приняло решение: Соколов должен каждый вечер на протяжении недели отчитываться о том, что он сделал за день, а члены общественных комиссий отделения контролировать его поведение в школе, на производстве, в клубе и в быту. Если это не поможет - написать письмо его матери. Воспитатель умело направлял влияние коллектива и Соколов исправил свое поведение.

Легкоатлетические упражнения на стадионе в день открытия заочной спартакиады.

Известно, какое большое внимание А.С. Макаренко уделял различным приемам организации детского коллектива, которые впоследствии становились традицией. Известно, сколько кропотливого труда вложил выдающийся педагог в создание замечательных традиций Куряжской колонии и поэтому важнейшей задачей здесь считается их сохранение и творческое использование. Традиционными в Куряже стали введенные Макаренко торжественные линейки, салюты, почести знамени, знаменосцы и др.

В колонии при Матковском был заведен твердый план-календарь, в котором по дням и часам расписаны все мероприятия. Это позволило установить точный по времени распорядок дня. Традиционная четкость распорядка дня не отягощает воспитанников, а наоборот, прививает им вкус к дисциплине, вырабатывает деловитость, умение ценить время. Если случается отклонение от намеченного распорядка, то это вызывает недовольство коллектива, а виновник нарушения ритма жизни колонии строго осуждается ребятами.

Построение всего коллектива по отрядам, отделениям, проведение линейки с выносом знамени, отдача рапортов с приложе-

Классный руководитель учительница русского языка и литературы Муратова А.Д. с воспитанниками колонии в дни Нового, 1958 г.

нием руки к головному убору, назначение суточного наряда и его ответственность за состояние дел в колонии - все это действует на подростков организующе.

Одним из средств укрепления коллектива стали традиционные посещения колонии бывшими ее воспитанниками, их выступления на собраниях, не-

формальные беседы.

Большое внимание уделяется переписке подростков с бывшими воспитанниками. В своих письмах бывшие питомцы рассказывают, как колония помогла им получить профессию, как и где они работают. Наиболее содержательные письма помещались в стенных газетах, зачитывались на линейках.

Доброй традицией стала в колонии шефская работа. В 1954 году по инициативе колонии, поддержанной Харьковским обкомом ВЛКСМ, ее шефами были утверждены комсомольские организации Харьковского университета им. Горького и Политехнического института им. В.И. Ленина. Студентами проводится большая политико-воспитательная и культурно-массовая работа среди подростков. В проведение шефских мероприятий активно включались ректор университета, дирекция Политехнического института и профессорско-преподавательский состав этих учебных заведений. Помимо связей с официальными шефами, колония сотрудничает с художественным и театральным институтами г. Харькова.

В ознаменование 70-летия со дня рождения А.С. Макаренко в 1958 году в Куряжской колонии была создана постоянно действующая выставка, отражающая отдельные этапы жизни и деятель-

ности выдающегося советского педагога и писателя. Размещена она была в одном из бывших монастырских зданий, а со временем стала основой музея.

По случаю семидесятилетия педагога и писателя, бывший воспитанник Константин Белковский передал

Куряжской колонии в музей А.С. Макаренко знамя колонии им. М. Горького, которое он сохранил после закрытия колонии и в период ее эвакуации в Томск. Знамя стало центральным экспонатом выставки. На многочисленных стендах - фото, картины, рисунки, скульптуры и т.п. Все материалы расположены по периодам жизни Макаренко. Первый стенд посвящен его детским и юношеским годам и началу педагогической деятельности.

На отдельном стенде экспонируются материалы и документы о начале творческой деятельности А.С. Макаренко в детской трудовой колонии им. М. Горького под Полтавой в 1920 году. На этом стенде обращают на себя внимание фотоснимки: «Первые воспитанники колонии им. М. Горького», «Уголок сельскохозяйственной выставки в колонии», «Праздник первого снопа», «Пятилетний юбилей колонии» и др., а также фотокартины, отражающие организаторскую деятельность А.С. Макаренко и его сподвижников Е.Ф. Григорович, Н.Э. Ферре, К.И. Сердюка. У этого стенда установлена скульптура: «А.С. Макаренко с воспитанниками» работы Пенкина (бывшего воспитанника Макаренко). Скульптура изображает А.С. Макаренко и воспитанника, который задает вопрос. Антон Семенович глядя в даль, обдумывает ответ. Скульптура привлекает большое внимание посетителей.

Одно из центральных мест на выставке занимает стенд «Завоевание Куряжа». Среди экспонатов этого стенда переписка ребят

Знаменосцы у памятника А.С. Макаренко

В этом здании частично сохранившейся церкви на втором этаже в колокольне Петра и Павла была расположена выставка-экспозиция к 70-летию со дня рождения А.С. Макаренко. При ее подготовке обнаружена сохранившаяся роспись стен

с Горьким, фотокопия с картины художника Гринштейн «Колония Горьковцев входит в Куряж», фотоснимок «Первые дни в Куряже», «Общий вид колонии им. Горького в Куряже в мае 1926 г.», «Первый трактор в колонии им. Горького».

Целый ряд фотографий, размещенных на стенде, показывает развитие художественной самодеятельности в колонии, занятия физкультурой, поход колонистов на прогулку в лесопарк города Харькова и другие моменты из жизни колонии, характеризующие ее расцвет в период работы в Куряже Макаренко.

С интересом рассматривают посетители выставки материалы о пребывании в Куряжской колонии в июле 1928 года Горького, размещенные на турникете и на отдельных щитах. Фотодокументы этого раздела рассказывают о подготовке подростков к встрече с писателем, о сердечности и теплоте этой встречи, об участии

Роспись на стене церкви Петра и Павла, открывшаяся во время создания выставки к 70-летию А.С. Макаренко

А. М. Горького в жизни коллектива в период пребывания в колонии.

В глубине зала выставки, в полукруглой нише установлено большое панно на тему: «Горький, Макаренко и воспитанники». Панно изображает яркий солнечный день и символизирует движение воспитанников по светлomu пути, к вершинам будущего -- коммунизму, под руководством своих воспитателей.

Один из разделов выставки рассказывает о работе А.С. Макаренко в детской трудовой коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. Представленные на этом стенде фотоснимки показывают последовательное и блестящее развитие коммуны и трудовую деятельность ее воспитанников.

В разделе выставки «А.С. Макаренко – писатель» установлены витрины, на которых расположены литературные произведе-

Музей А.С. Макаренко в Куряже. Открыт 13 марта 1958 г. в бывшей Петро-Павловской молельне.

ния писателя на корейском, китайском, румынском, венгерском, немецком, польском, английском, болгарском и других языках.

На отдельном стенде развешены фотоснимки героев «Педагогической поэмы». На выставке отмечен и последний путь А.С. Макаренко, о котором рассказывают фотоснимки похорон писателя, его памятника на могиле в Москве на Новодевичьем кладбище и другие.

В разделе «Куряжская колония сегодня» отражена многогранная жизнь колонии. Подчеркнута основная черта в работе – не стоять на месте, искать новые пути в вопросах трудового воспитания подростков.

Куряжскую воспитательную колонию в послевоенное время посетило более 250 воспитанников Антона Семеновича Макаренко. Ярко запомнилась встреча с Семеном Афанасьевичем Калабалиным, литературным героем «Педагогической поэмы», в 1958 году, когда на территории колонии был открыт музей А.С.Макаренко.

Впервые Семен вместе со старшими воспитанниками колонии им.Горького побывал в Куряже в 1926 году по просьбе Макаренко в период «завоевания Куряжа», когда шло объединение колоний им.Горького и Куряжа. Семену Калабалину тогда было 23 года, и Куряж стал для Семена новой вехой в его жизни. Необходимо

было спасти куряжских «босяков» от дальнейшего морального разложения. До прихода А.С.Макаренко в Куряжскую колонию, ее называли «бандитским гнездом». Семен помогал Антону Семеновичу налаживать нормальную жизнь куряжан и понял, что он должен помочь хлопцам бросить «валять дурака». Семен оставил учебу на сельскохозяйственном рабфаке и остался работать в Куряже в должности инструктора по физическому воспитанию.

В Куряж Семен привел и Галину. С тех пор семья Калабалиных всю жизнь посвятила педагогической работе на их «счету» - более 10 тысяч трудных подростков.

Когда под напором недоброжелателей Макаренко в 1928 году вынужден был покинуть Куряж, за ним ушел и Семен. Калабалин всей своей дальнейшей жизнью доказывал актуальность макаренковской педагогической системы в деле воспитания детей и не только в условиях колоний. С.А. Калабалин в разных местах страны брал разваливающиеся детские дома, интернаты и добивался прекрасных результатов, создавал крепкие, дружные ребятчи коллективы. Не зря Макаренко считал, что Семен Калабалин талантлив в педагогической практике.

Книга Калабалина «Бродячее детство» является как бы предисловием к «Педагогической поэме». В книге автор рассказывает о причинах, приведших Семена в преступный мир. В «Педагогической поэме» А.С.Макаренко повествует о роли коллектива в становлении Семена как гражданина. Писательница Вигдорова в трилогии «Дорога в жизнь», «Это наш дом», «Черниговка» показывает, как развивается педагогический талант Семена (1928-1941 годы).

Семен Афанасьевич живет так, как бы спешит заглазить свою вину, совершенную в молодости, стремится помочь детям с изломанными судьбами, а в самое трудное время для страны идет добровольцем в военкомат и требует отправить его на фронт.

Портрет Семена Калабалина написал и Александр Хинштейн. Как об опытном разведчике Калабалине автор собирает материал в Центральном архиве ФСБ России и в 1997 году в «Московском комсомольце» 9 мая появляется статья «Шифр победы» («Педа-

Отец российского политика Г. Явлинского - начальник Львовского детприемника, воспитанник колонии им. Дзержинского. 1971 г.

гогическая поэма-2»). А.Хинштейн восхищает читателя мужеством и высокой моральной стойкостью Семена Калабалина как патриота своей родины, показывает, как формируется характер на протяжении всей его жизни, начиная с того, что Семену посчастливилось попасть в колонию, которой руководил талантливый педагог Антон Семенович Макаренко.

С большим удовольствием помещаю в книгу этот газетный материал Александра Хинштейна.

«Надеюсь, все вы читали «Педагогическую поэму» Макаренко. А значит, не можете не помнить одного из главных ее героев – бывшего вора, Семена Калабалина, ставшего надежной опорой Макаренко в трудовой колонии им. Горького. Как и все остальные герои романа, Семен Карабанов – фигура совершенно реальная. Звали его Семен Калабалин. Подобно литературному Карабанову, Калабалин уехал из колонии учиться на сельскохозяйственном рабфаке, но агрономом не стал. Пошел по стопам Макаренко – вместе с женой (в романе она выведена как «Черниговка») всю жизнь работали с «трудными» детьми.

В 40-50-е годы имя супругов Калабалиных было широко известно. О последователях «макаренковской» педагогики часто писали газеты. Известный прозаик Фрида Вигдорова посвятила им целую трилогию – «Дорога в жизнь». Однако был в биографии Семена Калабалина поворот, писать о котором было строго запрещено. Недаром, когда его спрашивали, за что он получил орден «Отечественной войны», Калабалин старательно уходил от ответа.

Не мог же он сказать, что орден ему вручал сам начальник армейской контрразведки «СМЕРШ» - Виктор Абакумов, ставший

в последствии министром госбезопасности. И не за красивые глаза – за успешно проведенную чекистскую операцию...

Бог знает, как сложилась бы судьба Семена Калабалина, не встречай он Макаренко. Кем стал бы этот деревенский хлопец – профессиональным вором, уткой со стажем: украл, выпил – в тюрьму? Все шло к тому...

Родился Семен в 1903 году, в полтавском селе Сулимовка. Отец с матерью – безземельные крестьяне, по-нынешнему – бомжи. Дома своего у них не было, поэтому кочевали по деревням, батрачили на кулаков. С девяти лет мальчика отдали в пастухи.

Характер у Калабалина уже тогда был ого-го. В ответ на отвешенную помещиком пощечину, пастушок вытянул «миroeда» кнутом по спине и был таков. Ему только-только исполнилось 13 лет.

Прятался по огородам, воровал. Потом добрался до Полтавы. «Жил в воровских притонах, на кладбище и промышлял карманными и квартирными кражами, - напишет он потом в автобиографии. – Имел около полусотни приводов в полицию и однажды был отправлен в колонию для малолетних преступников, откуда бежал». В конце 17-го Калабалин пристал к отряду красных и ушел из Полтавы в окрестные леса. Уже в расположении отряда выяснилось – вот он, его величество Случай, - что командовал частью родной брат Семена, Иван Калабалин.

Семена определили в разведчики. Воевал с деникинцами и гайдамаками. Был трижды ранен. Чуть не умер от тифа.

В 20-м году, оклемавшись после ранения обеих ног, вернулся в Полтаву. Отряд брата был далеко на Польском фронте. И тут, как на грех, подвернулись прежние друзья – беспризорники. Все началось по новой. Калабалин сколотил банду из десяти человек, занялся грабежами. Но вскоре их поймали. И опять ирония судьбы: банду обезвредил конный милицейский отряд, начальником которого был другой брат Калабалина – Ефим.

Брат – на брата: сюжет, достойный пера Шолохова. Впрочем, в те времена подобное случалось сплошь и рядом.

Три месяца Семен просидел в Полтавской тюрьме и решением комиссии по делам несовершеннолетних был отправлен в детко-

лонию им. М. Горького, начальником которой был Антон Семенович Макаренко.

Наверное, нет нужды рассказывать о двух годах, проведенных Калабалиным в Трудколонии Горького. Лучше Макаренко об этом все равно не напишешь.

В колонию он пришел опытным циничным вором – любителем вольницы. Из колонии же уезжал совсем другой человек: комсомолец, активист, будущий агроном. Только вот специалиста из него не получилось.

«Хай, ему с тем хлебоборбством, - сказал Калабалин Макаренко, - не могу без пацанив буты. Сколько еще хлопцев дурака валяет на свете, ого! Раз Вы, Антон Семенович, в этом деле потрудились, так и мне можно». Ученик пошел по пути учителя. Поступок более чем решительный. В 20-е годы «соцвоспитания» Макаренко постоянно подвергались критике. Враги били его по чем зря. Если бы не скорое признание властей, открытая поддержка Горького, не знаю, удалось ли бы великому педагогу умереть в своей постели.

Почти 14 лет – с 1928 по 1941 – Семен Калабалин работал в колониях и детдомах: на Полтавщине, в Виннице, в Киева, в Москве и Ленинграде. Повсюду его сопровождала верный друг и помощник – жена Галина – «Черниговка». Было трудно. Несмотря на канонизацию Макаренко, местные власти без одобрения смотрели на потуги Калабалиных. Взрывной характер бывшего уголовника, его прямота и откровенность не всем приходились по душе. В 38-м Калабалина арестовали, обвинили в антисоветской агитации среди воспитанников. К счастью, в тюрьме он провел только месяц: началась короткая вспышка реабилитаций, да и Макаренко был еще жив.

Не прошла даром и личная трагедия: один из воспитанников Калабалина, психически больной парень, присланный в колонию по ошибке, зверски зарезал его трехлетнего сына.

Но «не дрогнул Семен и не бросил нашего фронта, не скулил и не проклинал никого, только написал мне короткое письмо, в котором было не столько даже горя, сколько удивления» (из «Педагогической поэмы» Макаренко).

Пожалуй, Макаренко нашел очень четкое определение – именно удивление. Как за добро можно платить злом?! И Макаренко, и Калабалин свято верили в то, что не бывает пропащих людей. Что нельзя ставить на человеке крест только потому, что тот оказался по другую сторону закона.

До конца своих дней Семен Калабалин помнил, как Макаренко доверил ему, вчерашнему вору, доставить в колонию крупную сумму из финотдела и даже вручил отобранный у его подельника револьвер.

«А если я не привезу денег?» - спросил Калабалин. «Пожалуйста, без идиотских разговоров».

Вернувшись, он был очень удивлен, что начальник отказался пересчитывать купюры – «Ведь ты их считал».

«Не может быть, чтобы Вы мне так доверяли. Не может быть! Вы нарочно рискуете, я знаю...» А потом тихо признался: «Если бы Вы только знали! Я ото дорогою скакав и думаю: хоть бы Бог послал кого-нибудь, чтоб кто-нибудь набросился на меня... Я стрелял бы, зубами кусал бы, рвал, как собака ... И знаю ж: Вы отут сидите и думаете: чи привезет, чи не привезет?»

Калабалин оправдал доверие учителя. И тогда, и потом...

История разведки знает немало примеров, когда в армию шпионов вливались литераторы. Даниэль Дефо и Сомерсет Моэм работали на британскую разведку. С русской разведкой был связан Иван Тургенев. Даже знаменитая детская писательница Астри Линдгрэн, создательница «Карлсона» и «Пеппи – длинный чулок», в годы Второй мировой войны служила в шведском секретном ведомстве.

Но история Семена Калабалина стоит от этих «звездных» примеров несколько особняком. Все-таки он был не писателем, а литературным героем...

Июнь 41-го Калабалин встретил в Москве, директором детдома №60 для трудных детей. И хотя призыву в армию он не подлежал – еще в 27-м, прослужив два месяца, он был комиссован из-за болезни желудка – Семен Афанасьевич попросился на фронт добровольцем.

Просьбу удовлетворили. Неожиданно для него самого, Калабалина направили в спецлагерь... военной разведки.

Учеба была не долгой, враг уже подходил к Москве. Радиодело, организацию диверсий, ведение разведки «товарищ Семен» (такую кличку ему дали) освоил всего за десять дней.

Одиннадцатого августа тринадцать бойцов отряда особого назначения прибыли в штаб Южного фронта, в местечко Бровары под Киевом. Командиром отряда был назначен «товарищ Семен».

А уже через два дня, в ночь с 13-го на 14-е, группу на самолетах перебросили за линию фронта. Вернуться они должны были на другой вечер, предварительно проведя разведку в районе Житомира-Новгорода-Волынска.

Однако в назначенное время отряд не вернулся...

Это только в фильмах и генеральских мемуарах все проходит без сучка и задоринки...

Злоключения Калабалина начались уже в первые минуты выполнения спецзадания. Инструктор по обеспечению сброса был пьян - только с одним грузовым парашютом он возился 20 минут. В результате разведчики оказались выброшенными далеко друг от друга и не в указанном месте.

Лишь под утро, через пять часов после приземления, Семен нашел двух своих товарищей. Остальных отыскать так и не удалось, и больше Калабалин никогда их не видел.

Примерно в 10 утра разведчики набрали на странную группу вооруженных людей. Было их человек 25-30. Партизаны? Калабалин не мог сказать этого наверняка, поэтому приказал бойцам отходить – сохранить радиста было важнее всего, а сам направился навстречу неизвестным. Увы ... Это оказались бандеровцы. Правда, узнал это Семен слишком поздно: его довели до ближайшей деревни, где будто бы находился партизанский штаб, и неожиданно начали избивать. От боли Калабалин потерял сознание.

Очнулся он уже в сельсовете. Отпираться было бессмысленно. На допросе Семен показал, что он действительно был заброшен в тыл с разведывательными целями, но ничего конкретного не сообщил – « я человек маленький». Назвался рядовым Наливко,

уроженцем села Сторожевого (в этом селе Калабалин жил в детстве), по профессии физрук. Вскоре его передали немцам. Бандеровцы избили Калабалина настолько жестоко, что фашисты вынуждены были положить его в лазарет.

Все это время Семен не оставлял надежды сбежать. Он уговорил приходящую медсестру принести ему штатскую одежду, продумал план побега, но в последний момент немцы заподозрили неладное. Калабалина перевели в лагерь для военнопленных. Он, было, пробовал сбежать по дороге, из эшелона, но и это не удалось...

...Пишу, а сам понимаю, что выходит слишком легко, - перевели в лагерь, продумал план побега. Но как обычными словами передать весь тот ужас, который пережил Калабалин?

Вагон, набитый пленными так, что невозможно дышать, люди стояли на головах других. Семену плохо – его рвет, но упасть он не может – верная смерть, тут же затопчут...

Холмский лагерь для военнопленных №319 «А». Землянки – бараки. Порция жидкого супа, кусок хлеба и кипяток на весь день. От истощения он почти не может ходить. 100 метров - расстояние до уборной – преодолевал за 40 минут.

Перегон в новый лагерь, в местечко Понятово. Двадцать километров от станции до лагеря. Из трех тысяч человек двести было расстреляно по дороге: отставали, падали без сил...

Болезнь брюшным тифом. Беспамятство. Месяц горячечного бреда... Если в ноябре 41-го в понятовском лагере находилось двенадцать тысяч заключенных, к февралю их осталось всего двести пятьдесят. Остальных скосили тиф и дизентерия. В числе этих выживших «счастливчиков» оказался и Калабалин...

(Из письма С.Калабалина своим бывшим воспитанникам):

«Дорогие хлопцы и девчата! Вот Вы и выросли. Стали хороши-ми людьми: инженерами, врачами, педагогами, рабочими, а многие – командирами Красной Армии. В 1939 году вас уже больше тысячи принимало участие в разгроме белофинских банд. 97 человек были награждены орденами и медалями, но некоторые сложили свои головы как герои. О трусах мне ничего не известно.

Небольшая передышка – и вот грянула Отечественная война. В первые дни войны я получил сотни писем и телеграмм: иду на фронт бить фашистских собак; вылетаю со своим звеном долбить гада – Гитлера. Даже самые молодые из вас – учащиеся 8-10 классов Ивахненко, Удальцов, Гольдберг, Прокопенко – в один голос заявили: идем добровольцами.

Дорогие дети! Призываю вас к беспощадной битве с врагом. Глушите его, проклятого, всей своей силой. Будьте смелыми, скромными, дисциплинированными. Соревнуйтесь, кто больше истребит гитлеровцев, кто больше выведет из строя его техники и окажет больше помощи своим товарищам.

Вперед, ребята! Наше дело правое, победа будет за нами. Русские, советские люди непобедимы. Час победы близок».

Мне отчего-то кажется, что больше всего Калабалин боялся встретить в лагере кого-то из своих учеников. Как он смог бы им объяснить, почему нацепил на руку белую повязку с буквой «П» – полицай. Да, в начале 42-го, едва оправившись от болезни, Семен согласился стать полицаем. Правда, в расстрелах и пытках он участия не принимал. Миссия его была иной: проводить строевые занятия с заключенными. Даже в лагере немцы не могли отступить от привычной педантичности и дисциплины. Изможденные люди вынуждены были по утрам выходить на зарядку. Многие просто не могли встать – махали руками сидя.

Примерное поведение Калабалина пришлось фашистам по душе. К тому же село Сторожевое, жителем которого он сказался, находилось уже на оккупированной территории. Выяснить, жил ли Иван Андреевич Наливко, 1903 года рождения, не представляло особого труда. Разумеется, жил.

В марте 42-го Семена перевели обратно в Холмский лагерь. В один из дней в лагерь приехал немецкий ротмистр. Он вызывал каждого и на хорошем русском языке спрашивал: желаешь ли работать против большевиков? Калабалин ответил утвердительно.

Почему? Впоследствии, на допросе в НКВД, он покажет: «Я согласился, так как видел в этом деле перспективу либо бежать, либо работать на пользу своей родины – СССР».

Вскоре часть заключенных отвезли в разведшколу в окрестностях Варшавы. Обращение и кормежка были здесь не в пример лучше. Хотя с советской разведшколой, конечно, не сравнить.

Калабалину пришлось по второму разу пройти спецкурс. Пять месяцев диверсантов учили топографии, агентурному делу, методам работы НКВД, организации РККА, преподавали физподготовку. В разведшколе работали бывшие советские командиры (в том числе бывший командир дивизии) и даже один чекист.

Семен внимательно запоминал все, что ему говорили. Исподволь он старался собрать как можно больше сведений о разведшколе. Ему было понятно, что все это представляет большой интерес для советской разведки.

Вел осторожные разговоры с «однокурсниками», кто чем дышит. Двое радистов показались ему надежными людьми, и постепенно он убедил их сдать себя чекистам, как только они перейдут через линию фронта. (Так потом и вышло). Ровно через год после заброски в немецкий тыл – Калабалин окончил разведшколу. Две недели спустя его перелет в пересыльный пункт под Смоленском.

(Из протокола допроса гр-на Калабалина С.А.)

Вопрос: Когда и с какими задачами Вы были переброшены на территорию СССР?

Ответ: В ночь с 15 на 16 сентября я с группой разведчиков из 6 человек был сброшен с немецкого самолета в Горьковской области в районе г. Арзамас. Задание перед нами поставлено: разведка движения войск по железной дороге, водными и шоссейными путями, где формируются воинские части, их возраста, командный состав, вооружение, работа промышленности, транспортировка грузов и вооружения. Разведка военных складов, аэродромов.

Вопрос: Какими путями Вы должны были собирать эти данные и как пересылать их?

Ответ: Сведения я должен был черпать из личных наблюдений, а также путем извлечения этих данных от лиц, имеющих непосредственное отношение к разведывательным объектам.

Вопрос: Как Вы должны были сообщать получаемые данные немецкой разведке?

Ответ: Только по радио, при помощи радики. Для этого я специально обучен зашифровке телеграмм по известному мне коду.

Вопрос: Когда и как Вы приняли решение сдать добровольно органам НКВД?

Ответ: За все время пребывания в плену я постоянно думал и искал случая вернуться на территорию СССР. Вот поэтому, как только я приземлился, пошел искать ближайший орган НКВД, чтобы явиться с повинной, что мной и было сделано 16 октября.

(Из оперативной справки):

Приземлившись, Калабалин С.А. добровольно явился в органы НКВД, сдал радиостанцию, оружие, деньги, документы и дал ценные показания о сотрудниках и методах работы известных ему разведорганов немецкой армии. Показаниями других добровольно явившихся и задержанных разведчиков Варшавской школы Калабалин С.А. характеризуется положительно.

24 октября 1942 года по указанию заместителя наркома внутренних дел Союза ССР Меркулова В.Н. Калабалин был из-под стражи освобожден и включен в оперативную комбинацию.

Каждый, кто смотрел «Семнадцать мгновений весны» или хотя бы «Майора Вихря», должен помнить, чего добивались немцы от наших радистов: передавать в Центр дезинформацию. По-научному это называется радиоигрой. Советская контрразведка активно занималась радиоигрой. Скрупулезные чекисты даже подсчитали: за время войны они провели 183 радиоигры с противником. Пользу от них даже трудно было оценить. Благодаря комбинациям, разведорганы немцев долго питались «дезой», были парализованы, да и чекисты вовремя могли ориентироваться на местности: им заранее становились известны планы врага.

Непосредственным участником одной из таких игр под кодовым названием «Семен» и стал Калабалин. Он легализировался в полном соответствии с полученными у немцев инструкциями: осел в Горьком, прописался по фиктивным документам на имя Карева, встал на учет в военкомат, устроился работать на подсобном хозяйстве в поселке Мыза. Регулярно, как и было условлено, от имени «Семена» чекисты передавали радиogramмы в немец-

кий Центр. Стоит ли добавлять, что вся военная «деза» тщательно утверждалась в Генеральном штабе.

Первый месяц прошел нормально. Но черт его знает – бережного бог бережет. Контрразведчики решили выманить немецкого курьера. Одним махом решались две задачи: сам по себе курьер был ценен как источник информации, а его прибытие подтверждало, что доверие к «Семену» не потеряно.

Выходя в эфир, чекисты сделали вид, что ничего не слышат, якобы сели батареи. Дважды в немецкий Центр ушло сообщение такого содержания: «Ваши сообщения слышу только при включении двух аноидных батарей. Передавать не могу. Буду ждать у приемника 19 июня. Передавайте вслепую».

После этого работа радиостанции была прекращена. Правда, «шпион» успел сообщить, на всякий случай, явочный адрес. Результат не заставил себя долго ждать. 11 июля на квартиру к Калабалину-Наливайко-Кареву явились два агента-связника, некие Бирюк и Родин. С собой они привезли новые батареи, 130 тысяч рублей и фиктивные документы. Явились не сразу. Две недели до этого шпионы наблюдали за явочной квартирой, проверяли, не водит ли их за нос НКВД. Все вроде было чисто. Успокоенные, они пришли по известному адресу. Сели за стол, чтобы отметить удачный исход операции. Тут-то и нагрянули чекисты...

В канун Нового года, 28 декабря 1943 года, Указом Президиума Верховного Совета СССР Семен Калабалин был награжден Орденом Отечественной войны второй степени. Награду ему лично вручил начальник «СМЕРШа», комиссар госбезопасности 2-го ранга Абакумов, будущий министр безопасности.

Но это отнюдь не значило, что игра подошла к финалу. Операция «Семен» продолжалась еще долго, до самого конца 44-го года. Лишь стремительное наступление советских войск вынудило немцев передислоцировать свой разведцентр вглубь Германии, откуда связь с горьковским агентом поддерживать было уже невозможно...

★ Семен Афанасьевич Калабалин вернулся к прежнему доверенному занятию. Врачебная комиссия признала его полностью

негодным к воинской службе – концлагерь сделал свое дело. Детдом, в котором Калабалин директорствовал, был эвакуирован в Челябинскую область. Руководство взяла на себя его жена, Галина. Ни она, никто из воспитанников Калабалина не знали, где он, жив или убит. На все запросы ответ приходил односложный: никакими сведениями не располагаем. Можно только представить себя, как встретили Семена Афанасьевича в маленьком городке Китай-Ивановске.

За то время, что он отсутствовал, детдом пополнился новыми воспитанниками. Директор представлялся им человеком совершенно особенным, замечательным – ведь они столько слышали о нем. Впрочем, так оно и было...

Супруги Калабалины работали в детколониях и детдомах, пока хватало сил: в Кутаиси, в Подмосковье. Оба они были удостоены звания «Заслуженный учитель РСФСР». Часто в их «хозяйство» наведывались уже выросшие воспитанники. Большинство из них успели повоевать, носили ордена и медали. Калабалин всегда с интересом слушал их фронтовые рассказы, но сам от вопросов уходил, отмалчивался. За что ему вручили Орден Отечественной войны, не знал почти никто...

СПРАВКА

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28.XI.43 г. т.Калабалин Семен Афанасьевич награжден Орденом Отечественной войны II-ой степени. Награда вручена 28.XII.43 г. начальником гук-р СМЕРШ т. Абакумовым.

Верно: Нач. 2 отделения 3 отдела гук-р СМЕРШ майор Д. Тарасов 2.01.44 г.

Когда его в марте 1958 года пригласили в Куряж на открытие музея А.С.Макаренко, он с радостью и благодарностью воспринял возможность побывать в Куряже.

Куряж уже был не таким, каким был при Макаренко. Семен и его жена Галя увидели высокий забор с колючей проволокой, железные двери на замках, хотя везде господствовали порядок и чистота. Для Семена все это было странным, и он рассказал, как он и его сверстники воспитывались в колонии им. Горького. А.С. Ма-

каренко имел дело с беспризорниками и правонарушителями, но воспитание их проходило без колючей проволоки, а, главное, как правило, никому из воспитуемых не напоминали об их прошлом.

Бывший колонист - горьковец Семен Калабалин на встрече с воспитанниками колонии. 1958 г.

В выступлении Семена перед куряжанами чувствовалось волнение.

Он сказал: «Здесь, в Куряже, нет пяди земли, где не ступала бы нога Антона Семеновича Макаренко!» А о себе он упомянул так: «Ну кто я был? Вор... Теперь я уже тридцать лет работаю на педагогической работе...»

Семен убеждал воспитанников колонии забыть свое преступное прошлое и в колонии строить перспективу на лучшее будущее. «А может быть кто-либо из Вас будет и космонавтом», - так закончил он свое страстное выступление.

Сотрудникам колонии Семен рассказал, как в колонии им. Горького прекратилась игра в карты. Это он, Семен, схлестнулся с заядлым картежником, Гришкой Супруном (по «Педагогической поэме» - Буруном). Супрун тогда заявил: «Если я не буду играть в карты, так и ни одна душа в колонии не будет играть!»

Семен рассказал, как он простился с Гришей, когда тот лежал израненный и контуженный на больничной койке в Харькове. Только на слова: «А Антона помнишь?», Супрун на миг очнулся, чуть-чуть приоткрылись его глаза, он словно хотел увидеть Антона Семеновича в последний раз... Григорий Супрун больше не пришел в сознание.

Нас, сотрудников колонии, заинтересовал эпизод из «Педагогической поэмы», когда Макаренко ударил Задорова. Калабалин

объяснил нам, что Задоров сборный персонаж, а в действительности Макаренко ударил его, Семена. «Педагогическая поэма» – это художественное произведение. Семена Макаренко взял из тюрьмы. Антону Семеновичу нужен был смысленный парень помогать в организации колонии. А Семен встретился с братвой по бродяжничеству и начал «бузить» со всеми пацанами. Вот так Семен и получил пощечину. Семен мог бы дать сдачи обидчику, он был крепким парнем, с характером, но в тот момент Семен в Антоне Семеновиче увидел человека, который был для него больше чем отец. Антон Семенович всеми своими силами пытался остановить Семена от падения в бездну уголовщины. И Семен стал помощником Антона Семеновича, а в дальнейшем и его последователем. Рукоприкладство, как метод, не был присущ ни Макаренко, ни Калабалину. В Куряжской колонии Семена Калабалина избрали почетным членом Совета командиров, вручили ему значок командира «звездочку».

В Куряже Семен встретился со многими воспитанниками Макаренко, горьковцами и коммунарами, в том числе и нашими сотрудниками Ибрагимом Шагаевым, Григорием Беленьким. Но даже тогда, в кругу самых близких друзей, Семен не рассказал, за что он получил Орден. Говорил, что был разведчиком.

1958-й стал годом прощания Семена с Куряжем. Только в 1988-м, на столетие А.С.Макаренко жена Семена, Галя, в новый музей Куряжа прислала самую дорогую реликвию семейства Калабалиных – башлык Макаренко. Этот башлык Антон Семенович подарил Семену в 20-м, когда забрал его из полтавской тюрьмы. Было холодно. Башлык экспонируется в Куряжском музее. В 90-х в новом музее побывал и сын Семена, Антон Семенович Калабалин. Он тогда жил в Москве и работал в детском фонде. Антон Калабалин рассказал куряжанам об отце, Семене, его деятельности как разведчика, но рассказ был еще не полным, не наступило еще время для обнародования архивных данных Великой Отечественной войны.

Антон Калабалин также был приверженцем макаренковских идей. В заключении своего выступления, обращаясь к воспитан-

никам колонии, сказал: «Кто из вас попадет в беду и будет невмоготу, приезжайте ко мне, чем смогу – помогу».

С 1961 года на базе Куряжской колонии стали проводиться традиционные областные и республиканские научно-практические конференции, посвященные жизни и деятельности А.С. Макаренко.

Воспитанники А.С. Макаренко у знамени горьковцев после встречи с колонистами в Куряжской ВК. 1968 г.

С 1967 по 1971 год колонией руководил Василий Васильевич Федоров. В эти годы встали в строй новый литейный и механосборочный цеха, административное здание.

С 1971 по 1983 год колонией руководил Николай Федорович Захаров. Силами колонии в поселке Подворки было построено пятнадцать многоэтажных домов, в том числе средняя школа, детский садик, дом быта, магазин и другое, а в колонии – санчасть, новый корпус механического цеха №1, банно-прачечный комбинат.

В 1988 году под эгидой ЮНЕСКО в мире отмечали 100-летие со дня рождения педагога и писателя А.С. Макаренко. По инициативе сотрудников и начальника колонии Игоря Львовича Подгорного рядом с колонией было возведено здание для музея А.С. Макаренко, открыта скульптурная группа «А.М. Горький и А.С. Макаренко», установлены памятные доски к 315-ой годовщине построения и освящения Куряжского монастыря выдающимся слобожанам.

Так во имя восстановления исторической справедливости на месте бывшего монастыря был создан историко-мемориальный комплекс. На юбилей Макаренко и научно-практическую конфе-

Обряд бракосочетания в Куряжской ВК

ренцию были приглашены начальники воспитательных колоний Советского Союза, воспитанники Макаренко, общественность. В этот год колонии было присвоено имя А.С. Макаренко.

И.Л. Подгорный работал начальником колонии с 1983 по 1993 год. В

это время были построены новый жилой корпус для воспитанников, производственные бытовки, дом, где разместились методический кабинет и комнаты свиданий.

С 1993 по 1997 год колонией руководил Виктор Николаевич Надеин. В 1993 году отмечалось 320-летие построения Куряжского монастыря и 50-летие освобождения Харькова от немецко-фашистских захватчиков. В 1995 году колония приняла участие в торжествах по случаю празднования 50-летия со дня Победы над фашистской Германией. В 1996 году в колонии отметили 70-летие перехода горьковцев во главе с А.С. Макаренко в Куряж.

В 1998 году колония отмечала 110-годовщину со дня рождения А.С. Макаренко. В Куряже была проведена научно-практическая конференция при участии общественности Сум, Полтавы и Харькова. В это время колонией руководил Леонид Иванович Сильченко, который работал начальником колонии с 1997 по 1998 год.

По инициативе Департамента на базе Куряжской воспитательной колонии в апреле 2003 года на международном уровне была проведена научно-практическая конференция на тему: «Актуальные проблемы гуманизации и педагогизации процесса выполнения криминальных наказаний в свете педагогических идей А.С. Макаренко». При поддержке Харьковского научно-методического института непрерывного образования был впервые проведен конкурс педагогического мастерства учителей школ воспитатель-

ных колоний Украины, посвященный 115-ой годовщине со дня рождения А.С. Макаренко.

Педагогические принципы выдающегося педагога вызывает живой интерес общественности не только в Украине, но и за рубежом. Куряжскую колонию и музей часто посещают педагоги, студенты, макаренковеды, краеведы, воспитанники.

Отец Виктор проводит обряд крещения

В Куряжской колонии с 1998 по 2003 год работал начальником Валерий Михайлович Целик. Под его руководством коллектив целенаправленно использовал накопленный опыт в работе с воспитанниками, что называется «от звонка до звонка». Благодаря социальной службе, которой руководит с 2000 года А.М. Щербань, бережно сохраняются накопленные традиции, связанные с именем А.С.Макаренко. Большое внимание отводится организации коллектива воспитанников и его самоуправлению. Старшее поколение сотрудников колонии передает приобретенный опыт младшему, сложились династии, когда в колонию на смену родителям приходят их дети. Это династии Базылевичей, Лукьянчиковых, Нестеренко, Белецких, Доценко, Нагарянских, Шагаевых.

За время деятельности колонии десятки тысяч воспитанников получили путевки в жизнь. За последние годы в колонии уменьшилось воспитанников до 300 человек.

Средняя общеобразовательная школа II-III степени работает в одну смену, охватывая весь контингент учеников, насчитывает 13 классов. Воспитанникам предоставляется все необходимое для получения среднего образования. В последние годы кроме предметных кабинетов создан компьютерный класс, в котором ученики приобретают умение работать на компьютерах. В разные годы ученики, которые успешно учатся в школе колонии, имеют воз-

Скульптурная группа А.М. Горький и А.С. Макаренко на территории Куряжской ВК

возможность поступить и на заочное отделение Харьковского политехнического института или машиностроительного колледжа, имеют возможность учиться в предметных кружках. Педагогический коллектив школы с 1996 года возглавляет педагог с большим опытом работы А.В. Бажан.

В 2003 году учителя школы А.Г. Дашкевич, В.И. Максименко, Е.В. Мешустина, Д.А. Худенко, А.Г. Туранский и В.К. Юхно (бывший наш воспитанник, который закончил два педагогических вуза) приняли участие в областном конкурсе педагогического мастерства. Первое место заняла О.Г. Дашкевич, которая в республи-

канском конкурсе учителей школ воспитательных колоний заняла второе место.

Большим почетом среди сотрудников колонии пользуются психологи М.И. Шаповалова и Т.С. Нестеренко. Они проводят систематическую работу по изучению индивидуальных особенностей воспитанников, дают квалифицированные советы сотрудникам колонии относительно подхода в процессе перевоспитания каждого воспитанника. Психологи не замыкаются в сугубо служебных рамках, проводят массовые мероприятия, связанные с юбилеями Макаренко, фестивалем «Красная калина» и другие.

Как и во времена деятельности А.С. Макаренко, по структуре коллектива воспитанников в колонии созданы отряды с самоуправлением. Ими руководят опытные начальники отрядов О.М. Базылевич, А.Г. Штонда, А.В. Змий. Они помогают воспитанникам избавиться от вредных привычек, которые привели их к совершению преступлений. Через учебно-воспитательный совет со-

грудниками поддерживаются единые требования к воспитанникам.

К процессу воспитания несовершеннолетних правонарушителей привлекаются и их родители. Для обеспечения культурно-массовых мероприятий в колонии проводится клубная работа. Работает библиотека, которой руководит с 1976 года К.И. Куликова. Книжный фонд насчитывает 10000 книжек. Работают кружки художественной самодеятельности, хоровой, изобразительного искусства. Хоровым кружком руководит бывший воспитанник А.П. Довганюк, который закончил институт культуры в Харькове.

Сотрудники колонии всячески помогают воспитанникам развиваться. Свой талант подростки проявляют в дни фестиваля «Красная калина». В эти дни можно ознакомиться с разнообразием творческой деятельности воспитанников: декламация, песни и танцы, поэзия, изобразительная деятельность.

Любители разнообразных видов спортивных соревнований проявляют свои способности в период проведения спартакиады. Летом воспитанники особенно увлекаются игрой в футбол. Стал традиционным приезд в колонию футболистов-профессионалов из «Металлиста». Не меньшую радость для воспитанников вызывают встречи с творческими коллективами предприятий Харькова, ветеранами войны и труда.

Работники колонии всегда проявляют заботу о подготовке воспитанников к самостоятельной жизни, поэтому в профессиональ-

Учитель школы в Куряжской ВК В.К. Юхно, бывший воспитанник колонии, имеет два педагогических образования

В дни занятий, которые проводили в Куряжской ВК работники пенитенциарного заведения "Де Хюнненберг" (Нидерланды). 2002 г.

но-техническом училище они имеют возможность овладеть разными профессиями: токаря, слесаря механосборочных работ, автослесаря, фрезеровщика. В отдельные годы воспитанники имели возможность получить и такие профессии как сголяр-строитель, каменщик-штукатур. В ПТУ со-

здано 4 учебных кабинета и 3 учебных мастерских, они обеспечены необходимыми наглядными пособиями, оборудованием и инструментами. При ПТУ действуют кружки технического творчества, лучшие работы воспитанников экспонируются на ежегодных выставках творчества воспитанников. С 1994 года руководит профессионально-техническим училищем И.М. Тимченко.

В колонии работает предприятие, где воспитанники изготавливают основную продукцию - консольные насосы, приобретают опыт в работе, но в период рыночных отношений в государстве начали изготавливать и другую разнообразную продукцию, нужную в хозяйстве: шлакоблоки, тротуарную плитку, металлические крышки, скоросшиватели и прочее. Предприятием с 2000 года руководит А.М. Разинкин.

По инициативе администрации колонии возрождается духовная жизнь в колонии с помощью Харьковской епархии - работает воскресная школа, воспитанники имеют возможность принять обряд крещения, а в отдельные дни отец Виктор проводит праздничные богослужения.

Сотрудники колонии повседневно поддерживают связь с общественными организациями города Харькова, которые помога-

ют поддерживать положительный нравственно-психологический климат среди воспитанников, укреплять дисциплину, формировать у подростков духовные ценности и благоприятные жизненные убеждения, помогают в укреплении материальной базы колонии. Их представители встречаются с воспитанниками, рассказывают о делах харьковчан в подготовке к 350-летию города, организуют разные культурно-массовые мероприятия.

Воспитанники колонии в библиотеке

Всегда желанны работники центров социальной службы для молодежи из районных и областных центров занятости. Они помогают в бытовом и трудовом обустройстве осужденных подростков, которые освобождаются из колонии. Колония сотрудничает с харьковскими университетами им. Каразина и им. Г.С. Сковороды, зарубежным пенитенциарным учреждением «Де Хюннерберг» (Нидерланды), общественными организациями по правам детей, международным фондом «Возрождение», Харьковским областным комитетом молодежных организаций «Народно-демократическая лига молодежи» и разными благотворительными фондами.

Несмотря на то, что сегодня в обществе еще прослеживается неопределенность, размытость моральных идеалов, сотрудники колонии постоянно стоят на страже спасения тех, кто по разным причинам стал на путь преступности. Это О. Ластик, В. Лудка, В. Самусь, В. Цымбай, Г. Никитин, Н. Колисниченко, Н. Богаз, В. Козлов, Л. Лаврентьева и много других: воспитателей, учителей, мастеров производственного обучения предприятия, работников профессионально-технического училища, бухгалтерии, медицинской части, всех служб и частей колонии.

КУРЯЖСКИЕ ВСТРЕЧИ

До середины пятидесятых годов редко можно было встретить на территории Куряжской ВТК посторонних. Учреждение посещали по служебным делам только работники МВД. Колонию, как и другие не столь отдаленные места, не афишировали. Но постепенно в воспитательных целях колонию посещали представители рабочего класса, студенты-комсомольцы, шефы, старые большевики, ветераны войны. Представителей общественности отбирали надежных, колония не должна была выглядеть неприглядно.

В памяти администрации колонии еще были живы воспоминания событий 1945 года и 1954 года, когда воспитанники вышли из повиновения администрации колонии. Изредка были отдельные случаи неповиновения отдельных воспитанников или отдельной группы воспитанников.

Как-то учителя школы столкнулись с подобием итальянской забастовки. Случилось это потому, что на педагогическом совете в одном из девятых классов взяли да и снизили более половине класса оценки по поведению. При этом, не за поведение учащихся в школе, а за оскорбление мастера на производстве, за отказ убирать клуб и т.п. И мальчишки решили «отомстить» учителям, отказались работать на уроках. Заходит учитель в класс, а воспитанники не обращают на него никакого внимания, занимаются своими делами. Дело доходило до того, что кто-то выдавливал оконное стекло и объяснял, что стекло разбилось само и все ребята, мол, могут это подтвердить. В те годы учителям казалось, что никакая педагогика не могла помочь наладить дисциплину в школе, лишь собственная интуиция.

Дисциплина учащихся в школе улучшилась после того, как в колонии заработало самоуправление: «Совет командиров» и «Общественные комиссии». Стало возможным проводить аттестацию воспитанников, организовать самовоспитание. Каждому воспитаннику было указано в его индивидуальной карточке, какие черты характера «помогли» ему совершить преступление, стать пре-

ступником, от чего необходимо было подростку избавиться в колонии и что приобрести, чтобы исправить свое поведение, стать на путь исправления. Стало возможным и «проектирование личности». ЧП, конечно, случались, но они были локальными, не были массовыми. Лишь после этого администрация колонии, без лишнего риска, стала разрешать посещение колонии учителями, студентами, школьниками.

В общий ритм жизни колонии вписались родительские конференции, конференции передовиков производства воспитанников, шефские дни (встречи со студентами Харьковского университета) и т.п. О встрече с родителями объявлялось заранее, все знали, что если будут нарушения дисциплины со стороны мальчишек, то родительская конференция не состоится и т.п. Но учителя еще помнили указания администрации даже на уроках истории не упоминать слова «бунт», а если и произносить его, то с оглядкой, а как реагируют на это слово мальчишки.

Но вот в один летний день на территории колонии появилась группа посторонних лиц, они ходили вокруг бывшей монастырской церкви и о чем-то оживленно переговаривались. Оказалось, что в Куряж приехали кинематографисты, работающие над фильмом «Педагогическая поэма».

Книга «Педагогическая поэма» создавалась в Куряже, события «Завоевание Куряжа» происходили здесь и сама жизнь колонии 1926-1928 гг. проходила на этом месте. Но кинематографистов не устраивала перестроенная церковь с пристройкой (новой столовой). Прораб Пикин так постарался, что от бывшей церкви не осталось что-либо подходящего для необходимой съемки. Так нам и не пришлось быть свидетелями создания фильма. Подходящее монастырское здание было найдено на Полтавщине, где и снимали фильм.

Однако начальник колонии Е.Д. Матковский глубоко уверовал в то, что Куряж - историческое место, которое необходимо сохранить для потомков. Так возникло решение о создании музея А.С.Макаренко. Но в местах лишения свободы не так просто было создать музей. Сотрудники колонии поддержали идею Е.Д.Мат-

ковского, стремились, чтобы колония стала образцовым учреждением.

Приближалось 70-летие великого педагога и писателя, было выбрано и место для экспозиции музея - Петро-Павловская церковь, где в колонии им. М. Горького размещался тихий клуб. Отдел детских колоний в Киеве не стал возражать созданию музея, тем более, что по праву мы, сотрудники, считали А.С. Макаренко основателем колонии, т.к. с приходом горьковцев в Куряж здесь был наведен порядок.

Вышедший в стране фильм «Педагогическая поэма» с интересом был воспринят общественностью. Роль завхоза колонии им. М. Горького сыграл харьковский артист, любимец харьковчан, Михаил Покотило и его решили пригласить в колонию на встречу с сотрудниками и воспитанниками.

Я знал Покотило с детства. Моя мать, Евдокия Яковлевна, работала в театре им. Г.Г. Шевченко костюмершей, одевала мужскую половину артистов. Отец, Никифор Григорьевич, имел дело с декорациями. Меня не с кем было оставить дома, и я с трех лет слонялся в театре, чаще всего в костюмерной и но театральным гримерным. Мама одевала таких корифеев театра, как Бучма, Крушельницкий, Марьяненко, Сердюк, Антонович. Когда подрос, больше всего любил ютиться на диване гримерной, где бывали Покотило, Хвыля, Макаренко, Бондаренко, Верхацкий, Савченко. Здесь всегда царил теплая атмосфера, рассказывались различные басни из жизни актеров. Покотило уважительно относился к детям работников театра. Особенно мне запомнилась первая новогодняя елка во Дворце пионеров им. Г. Постышева, когда Покотило подготовил представление «Цыгане». Сам Покотило играл цыгана с шарманкой, а мы, ребяташки, цыганчат с медведями. С этим представлением мы обошли все помещения Дворца пионеров.

Мне легко удалось убедить Покотило посетить колонию. Летним солнечным днем, после предварительной беседы с администрацией колонии, мы вошли в жилую зону. Железная дверь звякнула у нас за спиной, показалась колючая проволока предзонни-

ка. На лице Покотило промелькнула тень тревоги, озабоченности, волнения. Я посмотрел на него и вспомнил на миг аресты артистов, те «черные» дни, когда в театре арестовали Курбаса, организатора театра «Березиль», известного в мире новатора в театральном деле, так и не вернувшегося в театр. А артист Макаренко вернулся в театр, но уже с подорванным здоровьем.

Я, тогда десятилетний мальчишка, видел, как артисты пережили эти аресты, как сочувствовали семьям своих товарищей. Из их перешептываний я понял, что артиста Макаренко подвергали пыткам, добиваясь ложных показаний против своих коллег, поэтому он не мог в цирке смотреть на дрессировку животных, это вызывало у него неприятные ассоциации.

Может быть, звякнувшая колонийская железная дверь и колючая проволока напомнили Покотило события 1937 года. Я обратил его внимание на ухоженную центральную аллею, всю в розах и различных цветах, он смотрел перед собой, а на лице напряжение. На пятачке жилой территории стояла тишина, необычная и для меня. Вот взгляд Покотило скользнул по старинному зданию бывшей церкви, а затем он увидел четырехэтажное здание общежития воспитанников, у которого в шеренге стоял строй более семисот воспитанников. На лице Покотило промелькнуло любопытство и удивление, он увидел отдельные лица ребят, улыбающихся ему. Ребята были одеты в единую форму защитного цвета, в пилотках, и напоминали курсантов военного училища.

И вдруг... Ура - ура- ура!!! В небо взвилась словно облако, стая голубей, так приветствовали воспитанники-куряжане заслуженного артиста Покотило, своеобразно связавшего свою судьбу с Куряжем. Покотило улыбнулся, на глазах появились слезы. В клубе он рассказал ребятам, как проходили съемки фильма «Педагогическая поэма»; как вон ездил в Полтаву, чтобы встретиться с бывшим завхозом колонии им. М. Горького - Калиной Ивановичем Сердюком, чтобы больше быть похожим на него в фильме; как пришлось снимать грим, т.к. в цветном фильме грим стал виден на экране; как вырезали много интересных эпизодов, отснятых для фильма.

После встречи с воспитанниками Покотило стал привозить в колонию студентов театрального института, которые показывали свои работы-этюды, экзаменационные работы. У Покотило Куряж вызвал интерес как к месту, где в бывшем монастыре был послушником Квитка-Основьяненко, автор пьесы «Шельменко-денщик», а Покотило в этой пьесе играл ведущую роль - Шельменко. В дни войны 1941-1945 г.г. прифронтовая бригада артистов-шевченковцев ставила пьесу в воинских подразделениях. К 1998 году театр поставил пьесу «Шельменко-денщик» более 2000 раз.

И вот Покотило сыграл роль Калины Ивановича в фильме «Педагогическая поэма», где рассказывалось о событиях, происходивших в Куряже. Это он, Калина Иванович, подтолкнул горьковцев на «завоевание Куряжа». А мы, сотрудники колонии, были благодарны Покотило за помощь в организации драматического кружка.

После встречи с Покотило, я попробовал поставить на сцене клуба отрывки пьесы А. Корнийчука «В степях Украины». Позднее эстафету кружка подхватили учителя С.М. Нестеренко, А.И. Чепурная, но наиболее удачной была пьеса «Назар Стодоля», поставленная режиссером театра им. Шевченко Бабенко. Учителя и воспитатели играли ведущие роли, в массовках участвовали воспитанники, участники хора и танцевального коллектива. «Посипаку» играл учитель математики С.М. Гладкий, его было очень трудно вытащить на сцену, он все твердил: «Я цэ бачыв». Отдельные отрывки произведений А.С. Макаренко инсценируются и по сегодняшний день. Пьеса «Мажор», эпизоды из «Педагогической поэмы». Особенно нравится воспитанникам видеть на сцене приход в Куряж горьковцев во главе с А.С. Макаренко, период «завоевания Куряжа».

М.Покотило подарил воспитанникам киноленту «Педагогическая поэма», фильм часто демонстрировали и ребятам, и гостям, посещавшим колонию. Были созданы и свои фильмы из жизни колонии «Куряж в моей судьбе» и «За право называться человеком». В фильмах рассказывалось о борьбе с беспризорничеством и преступностью в стране, о приезде в Куряж А.М. Горького, жиз-

ни колонии и воспитанников - куряжан от подъема до отбоя, о сохранении и развитии традиций колонии им. М. Горького в наши дни.

Когда Академия педагогических наук СССР подняла вопрос об изучении причин преступности среди детей в стране, то мне поручили выступить от Куряжа по теме творческого использования педагогического наследия А.С. Макаренко в Куряжской ВТК. Очень кстати оказались наши документальные фильмы, иллюстрировавшие мое выступление. Эти фильмы часто показывались посетителям колонии и музея А.С.Макаренко. Жаль, что они не сохранились, но хорошо, что сыграли свою роль в обмене опытом для тех, кто интересовался работой колонии.

* * *

Незабываемой была встреча с народным артистом СССР Евгением Леоновым. Его уговорил посетить Куряж заместитель начальника областного управления внутренних дел полковник Г.И.-Дубрава.

Был пасмурный зимний день. Я в группе встречавших гостя. Вот к центральной проходной колонии подъехала легковушка, открылась дверца и вышел Леонов. Он в меховом полушубке, в огромной шапке из какого-то собачьего меха, сдержано улыбался. Из легковушки вышла и стала рядом с Леоновым изящная кареюкая женщина в пальто и тоже в меховой шапке. Это была жена Леонова. Нас представили гостям и Леонов сразу же стал деловито распоряжаться, как и что нужно будет делать во время его выступления. Заведующий клубом Саша Шовкун принимал от Леонова привезенные им коробки с кинолентами. Возле проходной толпились родители, приехавшие на свидание к воспитанникам, они прохаживались в ожидании встречи с сыновьями, усталые от поездки. Но они увидели Леонова (как было его не узнать!), и заулыбались, стали переглядываться, перешептываться. Кто бы мог подумать, что любимец публики - артист Леонов - приедет в колонию, где их сыновья отбывают срок наказания?

Народный артист Евгений Леонов
в Куряжском музее

Группа сотрудников с гостями вошла на территорию колонии. Идем по центральной аллее к клубу. Леонов обратил внимание на четырехэтажное здание общежития воспитанников, а там, в окнах виднеются, словно прилипшие к стеклам лица воспитанников. Леонов радостно помахал ребятам рукой, а в ответ ребя-

чьи улыбки и помахивание руками. Сигналист дает сигнал на построение, а я веду гостей в музей А.С. Макаренко. Леонов и его жена оказались очень внимательными слушателями, проявили интерес к отдельным периодам жизни Макаренко. Дежурный по колонии дает знать, что пора вести гостей в клуб.

Музей на втором этаже над клубом, мы спустились на первый этаж, а в дверь - не протиснуться, ребята сидят на проходе, на подоконниках, повисли на окнах. Более семисот человек, да еще и сотрудники колонии в зале! Я быстренько повел гостей к служебному входу в клуб, где уже опущен экран для демонстрации фрагментов из фильмов с участием Леонова. Леонов быстро разделся, что-то шепнул жене и скрылся за экраном, выйдя к публике. В зале раздался гром аплодисментов и тишина, только слышен хрипловатый голос Леонова, он читает что-то из произведений Чехова и вот снова аплодисменты. А Леонов уже возле жены, берет бутылку с водой, обрызгивает на лысоватой голове волосы, растрепывает их, расстегивает пиджак и скрывается за экраном. Зал сотрясает смех, хотя Леонов ничего не говорит, он изображает пьяного. Вот уже Леонов преобразился и рассказывает ребятам о сложной профессии киноартиста, об эпизодах съемок фильмов и трагических случаях, когда во время съемок уходят из жизни артисты. В зале тишина. Замелькали кадры фильма «Полосатый

рейс» и других. Леонов делится секретами съемок отдельных фрагментов фильмов, например, чтобы тигры выглядели возбужденными в фильме «Полосатый рейс», под брезентом держали визжащих поросят. А когда Леонова посадили в ванную, заставили петь, а сзади к нему тигр протянул лапу, и что-то зашуршало, он невольно взвыл от страха. Какое там веселое и спокойное пение можно было изображать?!

Леонов периодически заходил за кулисы к нам. Слышу, жена говорит ему: «Женя, в Академии Говорова собрались офицеры, там скоро твое выступление, а нам еще нужно пообедать». Леонов в ответ: «Я приехал к мальчишкам, чтобы сделать для них что-то полезное, сделаю все до конца, что задумал, а в машине сжую черствый бутерброд».

Ребята из кружка чеканщиков, узнали, что в Куряж придет артист Леонов, не ложились спать всю ночь, готовили любимому артисту подарок - чеканку. На чеканке они изобразили артиста в чалме, сидящего со скрещенными ногами и играющего на дудочке, а перед ним из кинокамеры выползала, словно загнипнотизированная змея, кинолента. Леонов с благодарностью принял подарок куряжан, пожелал ребятам всего хорошего в жизни и пообещал при случае еще побывать в Куряже, но так и не побывал.

... Сейчас, спустя много лет после его кончины, восхищаюсь большим артистом и человеком необыкновенной души.

***

Известный народный артист Владимир Винокур также побывал в Куряже и оставил о себе добрую память. Получилось так, что он приехал к нам с группой своих товарищей, в том числе с аккомпаниатором, а в колонии не нашлось пианино. Решили организовать встречу Винокура с воспитанниками в клубе, а его товарищам показать новый музей А.С.Макаренко, построенный к 100-летию педагога.

К огромному удовольствию ребят, Винокур рассказал о своей артистической жизни, о судьбах артистов эстрады, исполнил несколько номеров из своего концертного репертуара. Простившись

Народный артист СССР Владимир Винокур на встрече с куряжанами

с ребятами, он попросил сопроводить его в Харьков, выделив расторопного воспитателя. С Винокуром поехал начальник отряда Миша Левин, а мы терялись в догадках, для чего Винокуру понадобился наш воспитатель?

Каким же приятным сообщением нас порадовал Левин, когда вернулся в колонию. Он рассказал, что в

Харькове легковушки остановились возле магазина «Мелодия». Винокур перепробовал в магазине на звучание некоторые пианино и, выбрав инструмент, заплатил деньги в кассе и сказал: «Это подарок ребятам - куряжанам от меня». Пианино и сейчас вернс служит ребятам, радует в дни проведения концертов и вечеров. напоминает о прекрасном артисте и добрейшем человеке.

Артисты - не только влияют на чувства людей, но и сами близко к сердцу принимают чужую боль и в том числе боль мальчишек, которые попали в беду - лишились свободы.

***

Когда в колонии установили скульптуры героев-комсомольцев и наша центральная аллея стала называться аллеей героев-комсомольцев, в колонию на встречу с ребятами пригласили мать Героя Советского Союза Зои Космодемьянской - Любовь Тимофеевну Космодемьянскую.

Любовь Тимофеевна рассказала о подвиге Зои, о ее встречах с молодежью страны, которые в мирное время стремились быть полезными в обществе. А когда мы уже выходили из колонии, она мне говорит: «А мне их жаль». Так она отозвалась о ребятах, которые сбились с правильного пути, стали преступниками.

Как-то мы организовали в колонии изучение жизни освобожденных нами воспитанников по опросным анкетам, которые рас-

сылались по их местожительству. Наши питомцы отвечали на вопросы о своей жизни после освобождения из колонии: как живут? работают или учатся? что произвело наибольшее впечатление в период пребывания в колонии? Некоторые ребята написали о том, что наибольшее впечатление на них произвела встреча с Любовью Тимофеевной и рассказ о Зое, девушке-патриотке, отдавшей жизнь в борьбе с фашистами. Эта встреча с матерью юной партизанки для многих стала поворотным моментом в жизни, способствовала тому, чтобы порвать с преступным прошлым.

Космонавт В. Зудов и композитор Г. Мовсесян на встрече с воспитанниками

***

Из отряда космонавтов в Куряже побывали Зудов и Васютин. Родители Васютина харьковчане, поэтому, приезжая в Харьков, он посещал колонию и был на открытии нового музея А.С.Макаренко в дни празднования 100-летия Макаренко. Из рассказа Васютина ребята узнавали о сложной жизни и работе космонавтов в процессе освоения космоса.

Вячеслав Зудов приехал к нам с Георгием Мовсесяном (композитором). Вместе с ребятами после торжественной линейки пели молодежные песни, воодушевляя ребят бороться за свое счастье и найти свое место в жизни.

***

Интерес к службе в армии прививали ребятам маршал артиллерии Бажанов, начальник академии им. Говорова, генералы Тарасюк и Кутенков, начальник Харьковского танкового училища.

Юрий Федорович Кутенков не раз привозил офицеров училища в колонию, в музей А.С. Макаренко просил рассказать им о

Маршал артиллерии Бажанов
на военно-патриотическом
празднике в Куряже

педагогической системе Макаренко, его педагогических принципах и как они творчески используются в Куряжской колонии в процессе исправления и перевоспитания несовершеннолетних осужденных.

Когда приезжали различные комиссии из Киева и Москвы в танковое училище, то Кутенков привозил их в колонию, музей А.С. Макаренко, ведь

многим нашим питомцам предстояло служить в армии и командному составу и офицерам нужно было знать, что представляют из себя наши подопечные.

В дальнейшем наши освобожденные из колонии ребята, попадая в армию, проявляли себя хорошими солдатами, т.к. в условиях колонии были ознакомлены с курсом молодого бойца, имели навыки строевой подготовки.

* * *

После посещения колонии заместителем председателя Президиума Верховного Совета Украины Стаценко и его знакомства с колонией, наши воспитанники, участники художественной самодеятельности, были приглашены в Киев для участия в концерте, который давали представители лучших коллективов воспитательных колоний. Особенно понравился зрителям танец «Ползуны», который в Куряже поставил руководитель танцевального коллектива Колокольников. Начальник отдела детских трудовых колоний Г.В. Бердов очень хотел привлечь внимание общественности к проблемам преступности среди детей, предупреждения преступности, организации перевоспитания осужденных несовершеннолетних правонарушителей на научной основе.

* * *

Колонию по служебным делам посещали министры МВД СССР Круглов и Щелоков, министры МВД Украины Головченко

и Гладыш, но чаще всего начальники Харьковского УВД И.И.Покус, А.М.Бандурка, А. Музыка и генерал А.Ф.Табак.

После посещения колонии самым молодым генералом, заместителем по кадрам министра МВД СССР Ю.М.Чурбановым (зятцем Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева) в книге отзы-

Министр МВД СССР Щелоков осматривает музей Куряжской ВК

вов в колонии и музее А.С. Макаренко была сделана запись: «Сердечно благодарю коллектив воспитателей за исключительно большую и столь полезную работу Вы, уважаемые товарищи, делаете высочайшую и полезную работу и воспитываете нового человека, помогаете ему избавиться от ранее допущенных ошибок и проступков в жизни. Желаю всем вам новых успехов в вашей замечательной работе».

Вскоре начальнику колонии Н.Ф.Захарову, впервые в колонии, было присвоено звание полковника, а позже звание полковника было присвоено и начальнику колонии И.Л. Подгорному, который организовал строительство нового музея за пределами колонии к 100-летию со дня рождения А.С.Макаренко.

Начиная с 1958 года, когда был основан музей А.С.Макаренко, на территории колонии в Куряже побывало более 250 тысяч посетителей, которые интересовались не только деятельностью и жизнью Макаренко, но и историей куряжского края.

Наиболее инициативные учителя занялись краеведением. В 1998 году были установлены скульптуры, бронзовые памятные доски (отлитые в литейном цехе куряжского производства) не только связанные с жизнью А.С. Макаренко, но и с историей Куряжа, деятельностью Куряжского монастыря, его настоятелей и выдающихся слобожан - харьковского полковника Донец-Захар-

Заместитель министра внутренних дел СССР Ю.М. Чурбанов беседует с воспитанником колонии

жевского, писателя-просветителя Квитки-Основьяненко, прародителя русской реактивной артиллерии Александра Засядко. Интересными были встречи с потомками Квитки-Основьяненко - О.Ф. Ларинным, потомком генерала Засядко - А.Д. Гавриленко, с краеведом харьковщины Р.К. Рыбальченко, который помогал нам разыскать Гавриленко.

Интерес общественности к месту, где когда-то размещался Куряжский монастырь и все, что было связано с сохранившимися его останками, перестроенным зданием Георгиевско-Петро-Павловской церкви, скульптурным памятникам, напоминающим о деятельности Макаренко в Куряже, музее А.С. Макаренко, всему, что вошло в Куряжский историко-мемориальный комплекс, не иссякает.

Своеобразным экзаменом на зрелость коллектива куряжан был приезд в колонию летом 1970 года министра МВД СССР Н.Щелокова. Он ознакомился с колонией, побывал в музее и колонией остался доволен. Помню Щелокова улыбающимся, в сдвинутой набекрень фуражке, в светло-серой генеральской форме. И вдруг, как снег на голову, его заявление о том, что через несколько месяцев в Харькове будет совещание заместителей министров МВД всех союзных республик, и все они должны ознакомиться с деятельностью колонии и обязательно посетить музей А.С. Макаренко, ознакомиться с педагогическим наследием великого педагога.

К этому времени экспозиция старого музея устарела, необходимо было произвести его реконструкцию. Средств для этих целей не было. Начальник колонии был в отпуске, его заместитель по учебно-воспитательной работе также, не с кем было согласо-

вать предстоящие работы в музее. Пришлось просить помощь в Харьковском художественно-промышленном институте, уговорил приехать в Куряж проректора института Константинова и преподавателя Колесника.

А.С. Масельский в гостях у куряжан

Подключили к работе студентов института, которые по состоянию здоровья не могли поехать на сельскохозяйственные работы по уборке урожая. Наши воспитанники начали проводить штукатурные работы, уже размывали макловицами старые слои красок. И вдруг Константинов обратил внимание на охристо-золотистого цвета пятна в полутораметровых, высоченных проемах окон. Он спросил: «А что это, фанера что-ли?» Мальчишки, по его просьбе, стали больше и больше смывать набел краски и нам открылись великолепные старинные монастырские орнаменты. Вот они-то и продиктовали нам, как обустроить новую экспозицию музея. Решено было восстановить монастырские орнаменты, а всю экспозицию разместить внутри зала, на выставочных стендах белого цвета, а не так как раньше - на стенах.

Дни в работе пролетели быстро, администрация колонии нашла средства для проведения альфрейной работы в зале, паркет засиял новизной, люстры осветили обновленную экспозицию. Сотрудники и воспитанники колонии понимали значимость предстоящего для коллектива события - достойно встретить гостей со всех союзных республик. Это создавало особый настрой каждого из нас: и сотрудников, и воспитанников.

Кончался последний месяц осени, пусто стало на наших аллеях и цветниках, каждый день падали последние листья с деревьев, только зеленели наши ели в те пасмурные дни. Слякоть после

Новое здание музея, отстроенное к 100-й годовщине со дня рождения А.С. Макаренко в 1988 г.

осенних дождей приблили первые заморозки, а снег еще не укрыл белым покрывалом землю. На пятачке жилой территории сиротливо стояли раздетые березки, а вдоль аллей стояли безлистые каштаны, все стало серым и неуютным.

Гости приехали, когда уже последние лучи солнца спрятались за горизонтом. Стенды в музее, освещенные светом люстр, новенькие, словно белые лебеди, стояли один за другим, радовали глаз, а студент-художник делал последние мазки на рисунках. Я решил навеститься в школу, дежурный учитель и дежурный член школьной комиссии на месте, следят за выполнением распорядка дня, учащиеся в классах под контролем учителей. Дежурный по колонии предупредил меня о том, что гости уже приехали и в актовом зале административного здания, за территорией колонии, греются, пьют чай. Я решил, возвратясь в музей, подготовиться к проведению экскурсии и встрече с гостями. По дороге обратил внимание на хорошее освещение территории колонии, а до моего слуха уже долетали слова рапорта дежурного воспитанника гостям, а далее рассказ наших воспитанников о каждом герое-комсомольце на аллее комсомольцев, гости уже в колонии.

Сразу же, следом за мной в музей вошел заместитель начальника управления МВД области полковник Г.И. Дубрава, он решил осведомиться о моей готовности и предупредить, что гости после знакомства с воспитанниками на аллее комсомольцев пойдут в музей.

Оказалось, что гостей со всех республик и сопровождающих их лиц будет где-то до восьмидесяти человек и все они одновременно хотят посетить музей. А я рассчитывал на группу, самое боль-

шее, пятьдесят человек. Что же делать? Нужно срочно переносные стенды сдвинуть внутрь зала, но рядом никого нет, все сотрудники и воспитанники по распорядку дня на своих местах, а звать кого-либо из них уже некогда. Я доложил сложившуюся обстановку Георгию Ивановичу и

Делегация во время экскурсии по музею

мы с ним сами осторожно, но быстро, сдвинули стенды, исправили вовремя положение. Генерал И.И.Покус, начальник Харьковского управления МВД, представил меня вошедшим в музей и я начал экскурсию.

Столько генералов и полковников вместе я никогда не видел. Гости были внимательными к моему рассказу о жизни и деятельности известного в мире педагога и писателя А.С.Макаренко, к моему сообщению о творческом использовании педагогических принципов великого педагога в Куряжской ВТК. Для гостей было неожиданностью внутри колонии увидеть такой интересный и содержательный, хорошо оформленный музей в огромном зале с паркетным полом, великолепными люстрами, заливавшими ярким светом зал с современными выставочными стендами в обрамлении огромных старинных монастырских орнаментов. А в конце зала огромное панно, на котором были изображены А.М. Горький, А.С. Макаренко с воспитанниками-горьковцами в летний день, выходящими из Куряжа на светлую жизненную дорогу. Заканчивалась экспозиция музея разделом о жизни Куряжской ВТК, полученными колонией в разные годы наградами: знаменами, вымпелами, грамотами, кубками.

Позднее мне пришлось побывать во многих ВТК Украины, России, Узбекистана (Качановской, Харьковской, Одесской, Старобельской, Дубновской, Прилукской, Ровенской, Кременчугской, Звенигородской, Уфимской, Стерлитамакской, Старо-Оскольской, Ташкентской), выступать в Москве перед начальника-

ми отделов детских колоний союзных республик и обмениваться опытом в работе по творческому использованию в Куряже педагогических принципов А.С. Макаренко. В большинстве колоний можно было чему-то научиться, во многих колониях был высокий уровень учебно-воспитательной работы. Когда на совещании работников ВТК страны в Ташкенте я выступил по вопросу творческого использования педагогического наследия А.С. Макаренко в Куряже, ко мне подходили многие начальники колоний, заметно было их уважительное отношение к деятельности коллектива Куряжа, а работники Ташкентской ВТК прямо заявили, что они следят за работой куряжан, многое заимствуют и создали у себя аллею героев-комсомольцев. Особенно был полезен опыт Куряжа детским колониям Сибири, которые были созданы на базе взрослых колоний и сотрудники не имели опыта работы с несовершеннолетними правонарушителями.

И в старом, и в новом музеях А.С. Макаренко в Куряже побывало около полумиллиона посетителей со всех концов Украины, стран ближнего и дальнего зарубежья. Педагоги, юристы, врачи, военные, работники колоний, макаренковеды, студенты, учащиеся. В последнее время привозят группы трудных подростков на экскурсию в Куряж с целью предупреждения преступности.

Первыми из иностранцев побывали в колонии и музее студенты, обучавшиеся в различных вузах Харькова, макаренковеды из Чехословакии и Польши, всего же в Куряже побывали иностранные делегации из 25 стран. Куряжскую колонию им. М. Горького в 1926-1928 гг. также посещали иностранные делегации и А.С. Макаренко по этому поводу вспоминал следующее: «Все чаще и чаще начали привозить к нам иностранцев. Хорошо одетые джентльмены вежливо шурились на примитивное наше богатство, на древние монастырские своды, на бумажные спецовки ребят. Коровником мы тоже не могли их удивить. Но живые хлопчачьи морды, деловой, сдержанный гомон и чуть-чуть иронические молнии взглядов, направленные на рябые чулки и куцые куртки, на выхолненные лица и крошечные записные книжечки, удивляли гостей. К переводчикам они приставали с вредными вопросами и ни за

что не хотели верить, что мы разобрали монастырскую стену. Просили разрешения поговорить с ребятами, и я разрешал, но категорически требовал, чтобы никаких вопросов о прошлом ребят не было. Они настораживались и начинали спорить. Переводчик мне говорил, немного смущаясь:

- Они спрашивают: для чего вы скрываете прошлое воспитанников? Если оно было плохое, тем больше вам чести. И уже с полным удовольствием переводил мой ответ:

- Нам эта честь не нужна. Я требую самой обыкновенной деликатности. Мы не интересуемся прошлым наших гостей. Гости расцветали в улыбках и кивали дружелюбно.

- Йес, йес!

Гости уезжали в дорогих авто, а мы продолжали жить дальше.⁴

Посетив в 1928 году Куряж, А.М.Горький обращался к Макаренко: «Прекрасное дело делаете вы, превосходные плоды должно дать оно. Удивительный вы человецище и как раз из таких, в каких Русь нуждается» и далее о Куряже: «Удивительно удачный педагогический эксперимент ваш имеет мировое значение».⁵

В наше время мы все больше убеждаемся в дальновидности Горького в отношении педагогической деятельности Макаренко. Сейчас в музее А.С. Макаренко находятся восьмитомник педагога на немецком языке, подаренный Францем Прюсом, несколько томов о Макаренко макаренковской лаборатории Марбургского университета, подаренных Гетцом Хиллигом, много книг на китайском, английском, французском и др. языках народов мира.

Когда появилась в периодической печати статья Азарова «Не поднаться тебе, старик», в которой была сделана попытка поставить под сомнение деятельность Макаренко и его педагогическую систему, то на защиту Макаренко, в первую очередь, стали его воспитанники и макаренковеды из разных стран. Известный педагог из России, руководитель интерната для сирот города Нарьян-Мар А.А. Католиков заявил: «Кто хочет убедиться в действительности педагогической системы Макаренко сегодня, пусть приезжает к нам в интернат и все посмотрит своими глазами».

Одно удовольствие было общаться с детьми этого интерната, которые дважды приезжали в Куряж.

* * *

Куряжане всегда рады были встречам с бывшими воспитанниками А.С.Макаренко - горьковцами и коммунарами. На семидесятилетие Макаренко в Куряже проходили встречи со многими его соратниками и воспитанниками, но незабываемой осталась встреча с Семеном Афанасьевичем Калабалиным (по «Педагогической поэме» - Карabanовым). Семен приехал с женой Галей (по «Педагогической поэме» - Черниговкой). Это Семен в первые дни организации трудовой колонии иод Полтавой в 1920 году возглавил «Отряд», который пошел в лес добывать для колонии дрова, с тех пор между колонистами стали устанавливаться новые отношения на благо всего коллектива. А через время Антон Семенович мог сказать Семену: «Поезжай, получи две тысячи рублей». А Семен, бывший вор и бандит, привезя деньги, долго еще не мог успокоиться беспредельному доверию со стороны Макаренко: «Посчитайте... Не может быть, чтобы вы мне так доверяли... Если бы вы знали! Я дорогой скакал и думал, хоть бы Бог послал кого-нибудь, чтоб вот лесом набросился на меня. Я стрелял бы, зубами кусал бы, рвал, как собака, аж пока убили бы... И знаете, чуть не плачу».⁶

С.А.Калабалин стал последователем Макаренко, был талантливым педагогом, воспитал более 10 тысяч трудных ребят. В первые дни войны 1941-1945 г.г. добровольно пришел в военкомат и попросил самое трудное задание. Он был мужественным разведчиком, а его жена, Галина Константиновна, заменила супруга, стала заведовать детским домом. После войны Калабалин вернулся к педагогической работе.

В дни пребывания Калабалина в Куряже он был принят почетным членом Совета командиров. Выступая перед куряжанами, говорил: «Мне очень хочется вот на этом месте, где я жил и трудился 30 лет назад, уже не в качестве воспитанника, а в качестве воспитателя, сказать вам: забудьте, что вас привело сюда, в коло-

нию. Поставьте себе цель - стать настоящим человеком. Ведь вы скоро совсем станете взрослыми и, может быть, многие из вас станут на путь воспитания молодежи. И не исключена возможность, что некоторые из вас станут Антонами Макаренками. Вы не будете запускать первые спутники земли, так полетите первыми на Марс и, может быть, с бюрократическими портфелями. Я счастлив, что был воспитанником Макаренко! Так же, как и вы, я сделал преступление, за что получил соответствующее наказание. Мое прошлое такое, как и ваше, а может еще хуже. Ну, кто я был?! Да, вор. Я был картежником, имел банду 40 человек! Но не почувствовал я этого, будучи воспитанником Антона Семеновича Макаренко и никогда, признаться, не думал, что буду педагогом и буду заведовать детским домом. Но вот уже 30 лет, как я на этой работе. Я часто вспоминаю, как Макаренко дал мне пощечину. В кино вы видели, что пощечину получил Задоров, но это не настоящий персонаж, а вымышленный. Пощечину получил я, Калабадин. А знаете ли вы, как полюбил я Антона Семеновича после той памятной пощечины?! Я увидел в нем родного отца, даже больше, человека, который желал мне только хорошего. Однажды мы, несколько командиров отрядов, сидели у А.С. Макаренко и разговаривали о делах колонии.

Вдруг Антон Семенович крикнул:

- Вон отсюда все, не могу вас видеть!

Я быстро подумал, за что? Кажется, мы ничего плохого не сделали, ну хотя бы за последние два дня.

- Видеть спокойно сидящими, - продолжал Антон Семенович, - когда в колонии играют в карты. Как вы могли это допустить?! Вот этот самый Бурун сидит целый день в спальне и обыгрывает малышей, а я боюсь зайти, и запретить ему играть лишь потому, что не хочу быть убийцей!

Я быстро побежал в спальню. Гриша Бурун действительно играл в карты, вокруг него лежала куча одежды и разных безделушек. Я приказал ему бросить игру в карты, но он отказался да еще и пригрозил кулаком. Тогда я, не сдержав себя, так приласкал его (я немного похлеще его был), что он две недели ходил с больными

В.Ф. Левенко, воспитанник А.С. Макаренко, любимец воспитанников Куряжской колонии 1990-х гг.

челюстями. Это на него подействовало так, что он больше никогда не играл сам и не давал играть другим. Не играла больше в карты и колония им. М.Горького!

Здесь, на территории вашей колонии, нет и пяди земли, где бы не ступала нога Макаренко. Так учитесь же, друзья мои, трудитесь, воспитывайтесь, забывайте все

плохое для того, чтобы быть настоящими гражданами, полезными своей Родине! Запишите меня в свои друзья, я от всей души буду вам помогать».

С.А.Калабалин тепло отозвался о созданном в колонии музее А.С.Макаренко. Когда уже не стало Калабалина, то его жена, Галина Константиновна, передала в музей самую дорогую семье Калабалиных реликвию, башлык Макаренко, которым Антон Семенович согрел Семена, когда забрал его из полтавской тюрьмы.

А в период празднования 100-летия со дня рождения А.С.Макаренко, Куряж посетил сын Семена, Антон Семенович Калабалин. Он живо напомнил мне своего отца. Работал он в Москве по делам несовершеннолетних и, обращаясь к колонистам - куряжанам, сказал: «Кому из вас, ребята, будет очень трудно, невмоготу, приезжайте ко мне, чем смогу – помогу».

Вот так поступали горьковцы и коммунары, помогая друг другу в жизни в детские годы и будучи уже взрослыми, ведь они из одной семьи - макаренковской большой семьи, где дружба и взаимопомощь всегда были престижным делом. Вот почему многие десятилетия в Куряж слетались питомцы Макаренко во время юбилейных дат, помогая сотрудникам колонии в деле исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей.

Сейчас уже нет в живых горьковцев, изредка приезжают коммунары. Один из самых младших коммунаров, Владимир Федо-

рович Левенко, стал любимцем воспитанников, в дни войны 1941-1945 г.г. был вестовым у адмирала, главнокомандующего Черноморским флотом Октябрьского. Во время войны пришлось ему встретить одного из старших горьковцев - генерал-майора Лебеда, который участвовал в боях под Севастополем и первое, что их объединило, это воспоминания о Макаренко, человеке, который вдохнул в их души веру в то, что беспризорник сможет быть достойным человеком в обществе.

Руководитель делегации из Англии знакомится с жизнью воспитанников Куряжа. Сопровождает гостя начальник Куряжской колонии Л.И. Сильченко

Последним подарком коммунаров для музея стал стенд «Воспитанники Макаренко - участники Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г.», изготовленный с участием В.Ф.Левенко.

* * *

110-я годовщина со дня рождения А.С.Макаренко проходила в сложных условиях становления Украины как молодого независимого государства. Трудности выпали и на судьбу детей нынешнего поколения, в стране снова появились беспризорные дети, стало увеличиваться число правонарушений со стороны несовершеннолетних. В Украине идут поиски новых форм работы с несовершеннолетними правонарушителями. Киевский институт МВД работает над проблемами пенитенциарной теории и практики. И среди ряда работ ученых особое внимание привлекает статья В.И. Кривуши (заместителя начальника кафедры социальной педагогики, кандидата педагогических наук, доцента) «Использование творческого наследия А.С.Макаренко в обучении пенитенциарного персонала».

Гёц Хиллинг, руководитель макаренковской лаборатории Марбургского университета, ФРГ и В. Ширяев, автор книги "Камни с дороги надо убирать"

Статья начинается так: «Одним из наиболее известных пенитенциаристов нашей страны, который долгие годы работал начальником колонии, а также сотрудником центрального аппарата управления мест лишения свободы Украины является Антон Семенович Макаренко. Еще в 30-е годы XX столетия в своей книге американская исследовательница Л. Вилсон с большой похвалой описывает педагогическую практику Куряжской

колонии, которой руководил А. Макаренко, а с 1926 г. по 1927 г. с деятельностью этой колонии ознакомилось 32 зарубежные делегации.

Произведения выдающегося украинского педагога-пенитенциариста издавались почти в 30-ти странах мира и сейчас его творческий и жизненный путь изучается сотрудниками специально созданной научной лаборатории в г. Марбург (Германия). Эксперт Совета Европы Андреа Бичтольд, выступая на международном семинаре на тему «Новая концепция пенитенциарной системы», отмечала: «Понятно, что в условиях тюрьмы невозможна полная нормализация жизни. Однако в большинстве тюрем можно сделать в этом направлении еще много полезного. Для украинского общества такая стратегия в организации исполнения наказания не является чем-то новым и совсем неизвестным. Эти и другие содержательные идеи изложены в работах А.С. Макаренко. А известный в Европе директор исправительного заведения для молодых правонарушителей в г. Бургофф (Швейцария) Вальтер Тоскан, которого зарубежная пресса называет «современным Пестолцци», неоднократно подчеркивал, что в своей деятельности

постоянно внедряет идеи выдающегося украинского педагога, его методику воздействия на конкретную личность и группу осужденных».

И самое, пожалуй, главное подчеркивает В.И.Кривуша: «На наш взгляд, в период обустройства современной политики, основными критериями оценки которой является соответствие ее содержанию природы человека, нормам права и морали цивилизованного общества и обеспечения сбалансированного удовлетворения законных прав и интересов гражданина, общества и государства; системное решение всего комплекса основных составных проблем пенитенциарной функции государства; максимальное и эффективное использование в деле ресоциализации преступников всего национального потенциала».⁷

Актуальными остаются основные положения педагогического наследия А.С.Макаренко: объединения уважения и требовательности к личности; диалектичность воспитательного процесса; воспитание личности в реальном продуктивном труде, единство педагогического управления и самоуправления на различных стадиях развития контактной группы как коллектива; воспитание активной позиции личности в коллективистских отношениях ответственной зависимости; значительная роль коллективной сознательной дисциплины; создание и накопление традиций коллектива; стиль и тон его жизнедеятельности; система параллельных действий; защищенность личности в коллективе; система перспективных линий в коррекции личности и т.п.

Руководитель детскими колониями Голландии (слева) и Ф. Н. Муратов, директор Куряжского музея А.С. Макаренко

Английская делегация знакомится с компьютерным классом школы колонии

И.В. Кривуша среди последователей А.С. Макаренко в Украине называет и начальника Куряжской ВТК И.Л. Подгорного, хотя, на наш взгляд, последователями А. С. Макаренко стремились быть его С.Ф. Дидоренко, Е.Д. Матковский, В.В. Федоров, Н.Ф. Захаров, И.Л. Подгорный, Л.И. Сильченко, В.М. Целик, С.Н. Шапченко, В.В. Грошовой.

В 2001-2002 г.г. успешно осуществлялся обмен опытом в организации воспитательного процесса Куряжской ВК с пенитенциарным заведением «Дэ Хюннерберг» (Нидерланды). Радует то, что сотрудники из Нидерландов, делаясь опытом работы, провели в Куряже ряд занятий для наших практических работников по глубокой индивидуальной работе с несовершеннолетними правонарушителями и усмотрели необходимость организовать и у себя, в Нидерландах, работу в группах, коллективах несовершеннолетних правонарушителей в процессе их перевоспитания.

Им есть что заимствовать в воспитательных колониях Украины в вопросах организации коллективов несовершеннолетних правонарушителей, методов и приемов работы, а главное, умение творчески использовать педагогические принципы А.С. Макаренко в

современных воспитательных колониях. Организация коллектива несовершеннолетних правонарушителей в сочетании с глубокой индивидуальной работой в процессе организации учебно-воспитательной работы дают хорошие результаты в воспитательных колониях.

Делегация из Польши в музее
А.С. Макаренко

* * *

Накануне 112-годовщины со дня рождения А.С. Макаренко приехал генерал А.Ф. Табаков (начальник Управления Государственного Департамента по вопросам исполнения наказаний в Харьковской области). Он всегда проявлял заботу о единственной в области колонии для несовершеннолетних правонарушителей.

А вскоре генерал Табаков представлял сотрудникам и воспитанникам гостя, известного аккордианиста, завоевавшего престижный приз Европы «Золотой аккордеон». Многие наши соотечественники рады видеть и слышать народного артиста Яна Петровича Табачника. И вот Ян Табачник - в Куряже! Среднего роста пожилой человек, с улыбкой на устах, умными глазами, с седоватыми усами и бородкой, немного полноватый и с небольшими мягкими руками маэстро. Удивительно простой и душевный человек, общительный с нашим братом - сотрудниками колонии, учителями, воспитателями. Ян Петрович внимательно слушал об истории Куряжской колонии, о которой слышал и раньше. Он заинтересовался старинным зданием монастыря, где размещался клуб воспитанников, ознакомился с памятными досками и

скульптурами. Генерал Табаков и начальник колонии Целик сопровождали и познакомили гостя с жизнью колонии. Автобус, въехав на территорию колонии, остановилась возле клуба – привез музыкальные инструменты и звуковую аппаратуру.

Приехавшие с Яном Табачником товарищи, начали готовить в клубе все необходимое для концерта. А Ян Петрович уже рассматривает ребят-колонистов, их построение и поотрядно направляющих четким строем в клуб.

Начался концерт, конферансье объявляет номер за номером. На сцене замечательные певцы очаровывают ребят своим талантом, ребята горячо аплодируют им. И, наконец, долгожданный выход на сцену Яна Табачника. Долго не смолкают аплодисменты, но вот зал затих и ... Что-то обворожительное в звуках аккордеона маэстро, мелодии переливаются одна за другой. Равнодушных слушателей нет, выразительная игра Яна Табачника настолько изумительна, что нет слов, чтобы ее охарактеризовать. Концерты Яна Табачника нужно слушать, видеть, как его пальцы порхают по податливым клавишам.

Да, это был праздник для ребят и сотрудников колонии, полтора часа концерта пролетели как одна минута. В конце концерта Ян Петрович, обратившись к ребятам, пожелал им всего хорошего, доброго в жизни, призвал с уважением относиться к учителям и воспитателям. Он подчеркнул, что колония богата историей, и это должно помогать ребятам в их исправлении и воспитании. «А кто из вас освободится из колонии и будет на моем концерте, подходите ко мне, напомните о нашей встрече сегодня, я вам пожму руку» - так Ян Петрович дал понять ребятам о том, что он верит им в их исправлении.

Затем Ян Петрович передал просьбу к ребятам тех, кто находился во взрослых колониях. Он сказал: «Я объехал многие колонии, в том числе строгого режима. И там ко мне обратились отбывающие срок, чтобы я вам, ребята, передал их пожелания, чтобы вы не стремились попасть во взрослые колонии, там вас ничего хорошего не ждет».

Как кстати было обращение Яна Петровича к ребятам!

Сотрудники и воспитанники Куряжской ВК

* * *

Готовились к очередному республиканскому фестивалю «Красная калина» 2001 года. У входа в колонию я встретил Андрея Михайловича Щербаня (заместителя начальника колонии по социальной работе). Он на ходу сказал: «Зайдите к Марии Игнатьевне (психологу колонии - Шаповаловой), там начали работать над сценарием для фестиваля и вас ожидает интересная встреча».

Иду и думаю, с кем мне предстоит встретиться?

Открываю дверь кабинета психолога, вижу Марию Игнатьевну, незнакомую женщину (ее пригласили в помощь по созданию сценария) и ... солидного интеллигентного мужчину, он улыбается мне. Да это же наш бывший, один из лучших воспитанников семидесятых годов, Саша Довганюк. Мы обнялись с ним, как са-

Хлебом и солью встречают сегодняшние воспитанники
бывших куряжан-горьковцев

мые близкие люди. Саша твердит: «Тридцать... тридцать лет прошло с тех пор, как я освободился из колонии»...

За эти годы Саша окончил институт культуры, женился, заимел детей. В колонию его пригласили осуществлять музыкальное оформление фестиваля. Моим заданием было рассказать об истории колонии и местности - Куряже, что и легло в основу сценария фестиваля, посвященного десятилетию независимости Украины.

19 августа, на Спаса, и прошел успешно фестиваль. Воспитанников заслуженно похвалили и гости из Молдавии, которые присутствовали на Куряжском празднике.

А Саша Довганюк стал нам помогать в клубной работе, организовал хор воспитанников, и ребята теперь его уважительно называют дядей Сашей или Александром Петровичем.

С Сашей Довганюком мы стали встречаться чаще и всегда доверительно беседовали, вспоминая прошлые годы и сотрудников тех времен. Однажды с Сашей я выходил из колонии вместе, и он рассказал мне запомнившийся ему случай в дни его пребывания в колонии, ставший вехой в его жизни.

Это было в новогодние дни, когда он отбывал второй год срока. В спальню зашел дядя Леня (контролер А.Макейчик) и сказал: «Саша, бери баян, пойдешь со мной». Баян, который выдали ему в клубе, всегда стоял в спальном комнате возле Сашиной тумбочки. Саша быстренько приоделся, привел себя в надлежащий вид, взял баян и пошел с Макейчиком. А вот куда? Саша был в догадках. Прошли клуб. Может на производство? К чему бы это?

Совсем неожиданно Макейчик свернул в сторону центральной вахты, на выход из колонии. Вахтер огромным ключом отворил одни, затем другие двери и Саша неожиданно оказался на свободе. «Верите, - говорит Саша, - я глотнул воздух свободы и словно задохнулся. Воздух показался совсем другим, чем в колонии». Все вокруг ему показалось необычным. Макейчик подвел Сашу к крыльцу старого монастырского одноэтажного здания, где размещалась столовая для сотрудников колонии, и сказал: «Саша, подожди меня здесь, я зайду к начальнику колонии». А Саше не верится, что он на свободе, какие-то странные чувства нахлынули на него, то ли необузданная радость, то ли еще что. Он увидел водопроводную колонку, и ему захотелось освежиться. Он помыл лицо и руки ледяной водой и словно смыл с себя колониийский налет грязи. А здесь подошел дядя Леня. Вместе они вошли в зал столовой для сотрудников, где стояла посредине огромная новогодняя елка.

Вскоре зал наполнился ребячьим смехом детей сотрудников колонии. Дед Мороз стал водить хоровод, в Деде Морозе Саша узнал мастера производства, а руководила праздником учительница химии Антонина Филипповна Тарасова. Саша, как никогда, в приподнятом настроении, с большим удовольствием играл на баяне для детишек. Дед Мороз раздал детям подарки и стал направляться к выходу, как вдруг, Антонина Филипповна подозва-

ла его к себя и предложила Деду Морозу открыть мешок и Саше в сумку бросила три пригоршни шоколадных конфет.

Саша вспоминал: «Никогда не мог подумать, что в колонию я возвращусь таким счастливым. На пяточке жилой территории колонии стояли мои товарищи и с нескрываемым интересом, любопытством, смотрели на меня, человека, который побывал на свободе, имея за плечами десять лет срока. Разве я, тогда еще мальчишка, защищая отца от хулиганов, мог рассчитать, как защищать отца не превышая защиту, за что и получил такой срок наказания».

В тот новогодний день Сашу поразило огромное доверие, которое было оказано ему со стороны сотрудников колонии. В колонии Саша был секретарем Совета командиров. Если Саша нарушал дисциплину, его тоже наказывал начальник отряда Дмитрий Владимирович Гуревич. Саша вспоминает многих сотрудников колонии и тепло отзывается о Григории Маркиановиче Товкаче (заместителе начальника колонии по режиму и охране). Он режимщик был строгий, но справедливый, при нем выводили ребят за пределы колонии чистить пруд (пруд чистили последний раз в 1926 г. горьковцы), высаживать в совхозе им. Щорса рассаду помидор, когда град все выбил вокруг и Харьков мог остаться без овощей. Г.М. Товкач был работником охраны и режима, но к ребятам имел педагогический подход.

Заканчивал свое воспоминание Саша такими словами: «Именно доверие ко мне со стороны сотрудников колонии в тот новогодний день сыграло решающую роль в моей судьбе, в выборе моего жизненного пути. Мне было по душе заниматься в колонии и любимым делом, играть на баяне в свободное время. Баян и сейчас выручает меня в жизни, ведь у меня семья. А тот новогодний день в колонии остался у меня в памяти на всю жизнь...»

Примечания

1. Из воспоминаний замполита А.М. Горячева.

2. Детские колонии. - М., 1958. - №2, с. 11.

3. Там же, с. 13.

4. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. - М., 1967. - с. 594.
5. Горький М. Соч. Т. 30. - с. 282
6. Там же, т. 29. - с.468.
7. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. - М., 1967. - с. 185.

М.А. Макаренко, автор педагогической поэмы, в которой описаны события в колонии для мальчиков. В тексте упоминается, что в 1920 году в Куряжском монастыре была открыта колония для мальчиков. Макаренко стал ее первым начальником. В тексте описаны трудности, с которыми столкнулись воспитанники колонии, и методы воспитания, разработанные Макаренко. В частности, упоминается создание «Коллектива» — группы воспитанников, которые помогали друг другу и трудились на благо колонии. Также описаны различные мероприятия, проводимые в колонии, такие как спортивные соревнования, концерты и т.д. В тексте подчеркивается важность коллективных усилий и взаимопомощи в воспитании детей.